

К 63.361
К 59
К-59606

КОЗЛОВ
Федор Николаевич

ГОЛОД

1921-1922 ГОДОВ

и изъятие
церковных ценностей
в Чувашии

Национальная библиотека ЧР

K-059606

80 1904.13

K 63.361

K 59

Кур

Чувашское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

Козлов Федор Николаевич

Голод 1921—1922 годов

и изъятие церковных ценностей в Чувашии

Монография

Чр

Чебоксары

«Новое Время»

2011

1-82202

63.3(2Рос.Чув)613 + 86.372.24-361,4-021,5

K63.361.3 + K86.372.24-361,4-021,5

УДК 94(470.344):27

ББК 63.3 (2Рос.Чув) + 86.37

К 59

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук Д.Р. Шарафутдинов

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук Е.В. Касимов

Козлов Ф.Н.

Голод 1921—1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии / Ф.Н. Козлов. — Чебоксары: Новое время, 2011. — 176с.: ил. — ISBN 978-5-4246-0076-0

Книга посвящена анализу событий сложного, трагичного периода в истории Чувашской автономии. Опираясь на значительный комплекс архивных документов и опубликованных источников того периода, автор вскрывает причины голода 1921—1922 годов, показывает роль государственных и общественных, в том числе иностранных, организаций в оказании помощи голодающим.

Внимание к событиям начала 1920-х годов приковано не только по причине разыгравшейся человеческой трагедии, но и в связи с резким обострением в этот период государственно-церковных отношений. Драматические события были использованы советской властью для проведения очередной атаки на Русскую Православную церковь. В монографии рассматриваются цели, подготовка, ход и результаты кампании по изъятию церковных ценностей, а также влияние этой акции на внутрицерковную жизнь.

Адресована специалистам-историкам, научным работникам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам и всем интересующимся вопросами региональной истории.

Проверено 12 0 АПР 2017

УДК 94(470.344):27

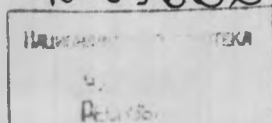
ББК 63.3 (2Рос.Чув) + 86.37

ISBN 978-5-4246-0076-0

© Козлов Ф.Н., 2011

© Чувашское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов, 2011

K-59608

Светлой памяти

и бабушки, Зои Петровны Горшковой (Чижиковой),
переживших страшные 1921—1922 годы,
посвящая эту книгу

История государственно-церковных отношений в советский период представляет важную проблему, интерес к которой в последние десятилетия все более активизируется в связи с процессом возрастания роли религиозного фактора в жизни общества. В расширяющуюся сферу научных интересов попадают многие вопросы, на которые в прежние годы был одноплановый, идеологически выдержанный подход. При этом с сожалением приходится констатировать, что некоторые из сложных, драматических событий советской эпохи стали в настоящее время своего рода козырной картой, разыгрываемой отдельными националистическими силами. Одной из таких проблем следует назвать голод в РСФСР и СССР. Наиболее ярко голод как разменная монета используется политиками Украины, представляющими события 1932—1933 годов как «голодомор» украинского народа. При этом вне контекста остается аналогично складывавшаяся ситуация во многих других регионах страны, в том числе и в России. Игнорируется и тот факт, что голод 1932—1933 годов далеко не единственный, пережитый в советский период истории. Следует говорить о трех «великих голодах»: 1921—1922, 1932—1933 и 1946—1947 годов, каждый из которых по драматизму ничуть не уступал другим. Для Чувашии, к примеру, страшным как по событиям, так и по последствиям, был голод 1921—1922 годов, но никто из местных политических и общественных деятелей, а уж тем более профессиональных историков не ставит вопроса о «геноциде» чувашского народа в тот период.

Внимание к событиям начала 1920-х годов приковано не только по причине разыгравшейся человеческой трагедии, но и в связи с обострением в этот период государственно-церковных отношений. Голод, охвативший в 1921—1922 годах многие регионы страны, в том числе и Чувашию, стал своеобразной лакмусовой бумажкой отношений государства и Русской Православной церкви (РПЦ). Разразившаяся катастрофа была использована советской властью для проведения под предлогом помощи голодающим кампании по изъятию церковных ценностей. К сожалению, данный вопрос, получивший достаточно широкое освещение на общероссийском уровне, практически не исследован чувашскими историками. Един-

ственная работа, в которой относительно целостно была рассмотрена указанная проблема, — монография П.В. Денисова «Религия и атеизм чувашского народа» (Чебоксары, 1972) — написана с позиций воинствующего атеизма с соответствующими трактовками всех процессов. В современной историографии анализ кампании по изъятию церковных ценностей в одном из национальных регионов Поволжья историками, обращающимися к изучению этого периода, зачастую даже не ставится в качестве задач исследования. В относительно небольшой по объему статье А.И. Мордвиновой, посвященной деятельности Комиссии по изъятию церковных ценностей в Чувашии (См.: Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. — Чебоксары, 2005), представлена лишь схематичная картина происходивших событий и использована относительно слабая, обобщенная фактологическая база. Между тем изучение проблемы не имеет локализованного, узкорегionalного характера: являясь неотъемлемой частью истории России, история Чувашии неизбежно должна вписываться в контекст изучения еще очень близкого прошлого многонационального Отечества.

Структура работы определена смысловыми узлами. В качестве основополагающих выделены следующие вопросы: характеристика голода 1921—1922 годов и роли государственных, общественных, зарубежных организаций в деле помощи голодающим; деятельность Русской Православной церкви по оказанию финансовой и материальной поддержки пострадавшим регионам; подготовка и проведение кампании по изъятию церковных ценностей, ее экономические и культурологические последствия, влияние на внутрицерковную ситуацию. Вместе с тем не хотелось бы утверждать предлагаемую работу как попытку расставить все точки над «і» и «закрыть» проблему. Напротив, в ряде случаев лишь обозначены контуры смежных тем, самостоятельных по сути, но теснейшим образом связанных с вопросом уничтожения значительного религиозного культурного наследия. К числу таковых, в частности, относятся репрессии против духовенства и верующих, противостояние различных группировок внутри РПЦ. Все эти аспекты должны являться предметом особого исследования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГОЛОД 1921—1922 ГОДОВ В ЧУВАШИИ

1.1. Причины голода 1921—1922 годов: дискуссии и оценки

*В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.*

Н.А. Некрасов, «Железная дорога»

Летом 1921 г., после ужасов гражданской войны, и без того разоренную страну постигло новое страшное бедствие — голод. «Если мы будем изучать голод в России, — говорил М.И. Калинин, имея в виду двадцатилетие конца XIX и начала XX вв., — то встретим почти каждые три года более или менее средний голод, каждые пять лет — большой, каждые 10 лет голод бывает исключительным по своей разрушительности»¹. Таким «исключительным по своей разрушительности» был голод 1921—1922 годов.

Вообще, голод — социальное бедствие, сопутствующее человечеству на протяжении всей его истории. Он проявляется в двух формах: явной (абсолютный голод) и скрытой (относительный голод: недоедание, отсутствие жизненно важных компонентов в рационе питания). Подлинной трагедией для государств, в том числе и России, всегда был явный, абсолютный голод. Он поражал как отдельные местности, так и обширные районы страны, сопровождался массовой смертностью населения на почве голода и всеми присущими ему ужасами (резким ростом заболеваемости, восходящей линией преступности, людоедством и т.п.). В этом смысле — как социальное бедствие — следует понимать голод в России. Всего за период XI—XX веков в Европейской России зафиксировано свыше 350 голодных лет. Наиболее сильно проявлялось бедствие в 1024, 1070, 1126—1128, 1214—1215, 1230—1231, 1279, 1420—1422, 1601—1603, 1732—1734, 1785—1789, 1833—1834, 1873—1874, 1891—1892, 1896—1898, 1901—1902, 1906—1907, 1911—1912, 1921—1922, 1932—1933, 1946—1947 годы².

Важной причиной предрасположенности края к природным катаклизмам является географическое расположение: Чувашия находится в зоне с неустойчивым увлажнением — отдельные годы и сезоны могут быть с достаточным или избыточным увлажнением, другие, наоборот, сопровождаться засушливым или длительным бездождевым периодом³. В XIX — первой по-

ловине XX в. на территории Чувашии засушливое лето повторялось примерно через каждые 5—10 лет. Недороды случались в результате даже небольшой засухи, заморозков, холодного лета и влекли за собой неминуемый голод, а с ним — эпидемии. Только за 1801—1852 годы на территории современной Чувашии было 22 неурожайных и 12 голодных лет. Неурожай в крае отмечался также в 1901, 1906, 1911 и 1917 годах. Помимо климатических условий причинами были и характерные для Чувашии малоземелье крестьянских хозяйств, общинные формы землепользования, использование примитивных орудий обработки почвы, нехватка семян и низкая агрикультура, а также высокая плотность населения⁴.

Для российского крестьянства голод был старинным и жестоким врагом. В течение столетий сформировался особый менталитет (представления и поведенческие стереотипы) в отношении голода, сформировалось устойчивое представление о том, что могущество природы связано с божественной силой. «Прогневали Бога, видно, за грехи наши», — говорили в деревнях во время засухи. В крестьянском сознании голод ассоциировался с тяжелейшим потрясением, рассматривался как одно из самых трагических событий в жизни человека. Ему придавалось мистическое значение: «Царь-голод», т.е. всемогущий и беспощадный⁵. Первым такого титула удостоился голод 1891—1892 годов — первый в истории страны общероссийский масштабный голод, поразивший 29 из 97 губерний империи, основные зернопроизводящие районы черноземного центра с населением 35 млн человек. У чувашей самые голодные годы сохранились в памяти народа под собственными именами. Так, 1891 г. был назван Мăян сұл (Год лебеды), 1906 г. — Шульчă сұл (Год листьев), 1911 г. — Хысна сұл (Год казны), 1921 г. — Вилём сұл (Год смерти)⁶. В 1921 г. Чувашия, как и другие регионы страны, оказалась во власти очередного «Царя-голода».

По вопросу о причинах голода 1921—1922 годов у исследователей сложились различные оценки. При этом ряд исследователей акцентировал и акцентирует внимание только на одном факторе, совершенно игнорируя или превращая остальные в своего рода придаточные механизмы. Так, в советской историографии голод 1921 г. был назван «хвостом» той хозяйственной разрухи, в какой оказалась страна в результате империалистической и гражданской войн, и следствием засухи, которая совершенно

уничтожила посевы и травы⁷. О «погодных условиях и неурожае 1920—1921 годов» как об основном факторе возникновения голода говорят и некоторые современные исследователи, видя в продразверстке⁸, негативно повлиявшей на состояние крестьянского хозяйства в губерниях Среднего Поволжья, дополнительное условие в образовании трудностей 1921—1922 годов⁹. Ряд современных исследователей, напротив, главную причину бедствия видит именно в продразверстке, вызвавшей сокращение посевных площадей, норм высева, а в 1920 г. и изъятие семенных запасов у крестьян, и, по сути, разрушившей сельское хозяйство в эпоху «военного коммунизма»⁹.

Нельзя не отметить, что в современном обществе оценочные характеристики того или иного исторического факта, процесса или явления зачастую, к сожалению, формируются уже не столько фундаментальной наукой, сколько различными «мастерами пера». Так, на рубеже XX—XXI веков голод в Советской России и СССР стал «модной» темой газетных публикаций на страницах центральных и региональных СМИ. По мнению В. Тополянского, «безрассудный социальный эксперимент ленинской партии продемонстрировал неотвратимость массового голода там, где сельским хозяйством управляют некомпетентные чиновники, где диктатор призывает маргиналов к военным экспедициям в деревни собственной державы в рамках государственной программы продразверстки, где существует продовольственный фронт и вооруженные отряды захватывают крестьянский урожай в порядке выполнения боевого задания»¹⁰. Как «бич продразверстки» представил голод 1921—1922 годов Е. Александров¹¹. Власть

⁷*Продразверстка* (сокр. от «продовольственная разверстка») — в России система государственных мероприятий, осуществленная в периоды военного и экономического кризисов. Принцип продразверстки заключался в обязательной сдаче производителями государству установленной («разверстанной») нормы сельскохозяйственных продуктов по установленным государством же ценам. Впервые была введена в Российской империи 2 декабря 1916 г. Повторно введена советской властью в начале января 1919 г. в критических условиях гражданской войны и разрухи, а также действовавшей с 13 мая 1918 г. продовольственной диктатуры. Продразверстка стала частью комплекса мероприятий, известных как политика «военного коммунизма». В заготовительную кампанию 1919—20 хозяйственного года продразверстка также распространилась на картофель, мясо, а к концу 1920 г. — на почти все сельхозпродукты. Методы, применявшиеся при заготовках в период продовольственной диктатуры, вызывали рост крестьянского недовольства, переходившего в вооруженные выступления крестьян. 21 марта 1921 г. продразверстка была заменена продналогом, что было основной мерой перехода к политике нэпа.

«списывала голод на природную засуху», «на кулацкие и белогвардейские козни», «про жестокое ограбление народа хлебозаготовками будто и не знала», — к такому выводу подталкивает читателя Л. Максимов¹².

Однако в современной исторической науке возобладали другие подходы. Большинство историков предлагают рассматривать проблему возникновения голода 1921—1922 годов как совокупность причинно-следственных связей. Например, В.В. Кондрашин отмечает, что первый советский голод стал закономерным итогом разорения страны в результате империалистической и гражданской войн, второе место в иерархии негативных по своим последствиям для сельского хозяйства причин отводится продразверстке, но сами по себе указанные причины не привели бы к столь трагическим последствиям, если бы не стихийное бедствие — засуха¹³. Согласен с определением погодных условий как «усугубляющего фактора» К.Н. Сануков, отводящий главную роль в «организации» бедствия продразверстке 1920 г., наложившейся на «условия многолетней войны», и кроме того, указавшего на специфичный фактор для марийских уездов: имевшие место переходы из одной губернии в другую, а затем и включение уездов в образующуюся автономию. При этом вятским и нижегородским руководством из отдаваемых уездов и волостей продразверстка выкачивалась по максимуму¹⁴. Например, Ревком Марийской АО на заседании 4 февраля 1921 г. рассмотрел вопрос о тяжелом продовольственном положении Козьмодемьянского кантона в связи с «выкачиванием всего запаса Нижегородским губисполкомом»¹⁵.

По мнению В.В. Орлова, массовый голод 1921—1922 годов в Чувашии — катастрофическое последствие засухи 1921 г., продовольственного опустошения деревни в период «военного коммунизма», реализации большевиками антирыночных принципов в аграрной политике и кризиса аграрного сектора экономики¹⁶. Другой чувашский исследователь, Е.К. Минеева, одной из главных причин разыгравшейся трагедии помимо засухи и общей разрухи первых лет советской власти называет стремление органов управления только что возникшей Чувашской автономной области в знак благодарности отрапортовать о перевыполнении автономией планов по поставке государству сельскохозяйственной продукции¹⁷.

Мы также согласны с тем, что следует оценивать не какую-либо отдельную причину и ее влияние на создание ситуации «голода», сколько всю совокупность климатических, политических и экономических факторов. Голод всегда возникал в результате действия комплекса причин. Первую группу составляли причины естественно-географического характера, связанные с негативным воздействием непреодолимых сил природы: засуха, нашествия насекомых-вредителей, наводнения и т.п. Другую группу причин определяли явления общественно-политического и политического порядка: социальное устройство общества, формы личной или общественной зависимости, политика государственной власти и др.

Действительно, в 1921 г. жестокая засуха поразила Поволжье, бассейн р. Урал, среднее течение Дона, часть Казахстана и Западной Сибири, южные районы Украины и черноземного центра. По своим масштабам она даже превзошла засуху 1891 г. Ею оказались поражены 16 российских губерний, 3 автономные республики, 3 автономные области и Трудовая коммуна немцев Поволжья с общей численностью населения 34 589,4 тыс. чел.¹⁸ Ситуация осложнилась и появлением многочисленных вредителей сельскохозяйственных посевов. В Чувашии на яровые посевы налетела саранча. По воспоминаниям известного краеведа А.И. Терентьева, «взрослые, а вместе с ними и мы, дети, топтали лаптями ползающих по земле насекомых, а летающих по воздуху сбивали палками»¹⁹. В двенадцати наиболее пострадавших губерниях чистый сбор в 1921 г. выразился отрицательной величиной, т.е. в них не было собрано даже затраченных на посев семян.

В Марийском крае и Чувашии и без того чрезвычайную ситуацию обострило другое стихийное бедствие. В июне 1921 г. одновременно в нескольких местах марийского лесного массива начался пожар. Образовав одно огненное море, он распространился со скоростью 15—25 км в час и охватил площадь почти в 250 тыс. га. В ЧАО в 1921 г. разыгравшиеся в разных лесничествах пожары уничтожили более 45,2 тыс. десятин (почти 50,0 тыс. га). При Ревкоме МАО была организована областная комиссия по борьбе с лесными, торфяными и луговыми пожарами, в связи с расширением лесных пожаров преобразованная в Чрезвычайную; в Чувашии правами особоуполномоченного по борьбе с лесными пожарами был наделен председатель Обчека. Если в Марийском крае к концу августа 1921 г. в целом удалось справиться со стихией, то в Чувашии в 1922 г. бушующая стихия захватила еще более 37,5 тыс. га²⁰.

Однако помимо климатических факторов, немаловажную роль в возникновении голода сыграли социально-политические и экономические причины. О голоде как таковом впервые заговорили не с 1921 г., когда ситуация уже фактически вышла из-под контроля, а с момента прихода большевиков к власти. Опираясь на анализ динамики снабжения хлебом одиннадцати наиболее голодавших губерний, Н.Д. Кондратьев пришел к выводу, что «дело продовольствия после переворота совершенно катастрофически катится под гору»²¹. Новая власть сразу столкнулась с проблемой голода, с необходимостью решать острую продовольственную проблему. Даже один из важнейших законодательных актов советской власти в области военного дела — постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» — был продиктован необходимостью «как борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции»²².

Говорили о голоде и «первые лица» нового государства. Например, председатель ВЦИК РСФСР М.И. Калинин, выступая 31 июля 1919 г. на митинге в г. Балашове Саратовской губернии, заявил, что «у нас в некоторых губерниях съедена людьми вся солома», а заместитель уполномоченного ВЦИК по Башкирии Ф.А. Артема (Сергеева) 30 марта 1920 г. сообщил в Москву, что «в некоторых деревнях население настолько разорено и обнищало, что с голоду умирает»²³. Как показало, в частности, исследование М.И. Родновым подворных карточек переписи 1920 г. по Белебеевскому уезду, уже летом этого года здесь были зафиксированы первые умершие от голода²⁴.

При этом советский режим «крайними» сделал всех, кроме самого себя, даже крестьяне оказались повинны в разразившемся голоде. Так, оказалось, что возможность засухи и перспектива грядущего голода предсказывались метеорологическими данными еще в конце 1920 г., и нарком земледелия С.П. Середа, помещая в «Известиях ВЦИК» материалы виднейших специалистов-агрономов, в своей статье «звал» крестьянство «подготовиться и предупредить наступающее голодное бедствие», но крестьянские массы «остались инертными и равнодушными к этому предупреждению»²⁵. «В этом году урожай зерновых обещает быть ниже среднего уровня десяти последних лет», — такими словами 2 июля 1921 г. в газете «Правда» в коротенькой заметке на последней полосе было упомянуто об обострении «проблемы про-

довольствия» на «фронте земледелия». Однако никто из власть предержащих не думал об отмене заготовок сельскохозяйственных продуктов, жестко спуская сверху вниз государственные плановые задания: на первом месте в силу исторического развития событий стояло удовлетворение потребностей рабочих крупных промышленных центров и Красной армии.

Чувашская деревня переживала затяжной продовольственный кризис, берущий начало еще с дореволюционных лет. За 1915—1917 годы валовой сбор ржи в чувашских уездах Казанской губернии уменьшился с 21,9 млн пудов до 10,8 млн пудов. В 1917 г. чистый сбор ржи составил всего 8,7 пуда на душу населения, что было на 3,3 пуда меньше минимальной нормы удовлетворения его продовольственных потребностей²⁶. В 1920 г. по сравнению с 1913 г. урожайность хлебов упала почти в два раза, количество лошадей уменьшилось на 16%, крупного рогатого скота — почти на 17%, овец и свиней — более чем на 30%; при этом стоит указать на низкие продуктивные качества скота у чувашей (малорослый, с годовым удоем в 2—2,5 раза меньше, чем в среднем по Казанской губернии)²⁷.

Однако большевиками ради удовлетворения интересов и потребностей рабочего класса — «гегемона революции», Красной армии и аппарата советских служащих продразверстка была наложена без учета реальных сельскохозяйственных возможностей конкретных регионов. Так, в 1919 г. СНК РСФСР дал Чувашии наряд по сбору свыше 2,8 млн пудов хлеба²⁸. Более того, состоявшийся 5—9 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов признал необходимым обязательную государственную разверстку применять не только при заготовках хлеба и мяса, но и распространить ее на картофель и другие продукты сельского хозяйства²⁹. Для выполнения задания уезды были разбиты на продовольственные районы; Алатырский и Шихранский продовольственные районы объявлены на военном положении, поскольку размещались вблизи железнодорожных линий³⁰. Боец Ядринских вооруженных отрядов Д.К. Лаптев с гордостью писал впоследствии, что «на заготовительные ссыпные пункты день и ночь шли обозы с продуктами и фуражом»³¹. Нельзя не отме-

* Ядринские вооруженные отряды созданы весной-летом 1918 г. в составе добровольческой стрелковой роты, красногвардейского отряда им. Урицкого, отряда войск ВЧК и кавалерийского отряда. Сыграли значительную роль в разгроме антисоветских выступлений (Курмышский мятеж и др.). Принимали активное участие в «мобилизации» продовольственных ресурсов.

тить, что помимо продразверстки проводились и специальные заготовки продовольствия в помощь столичным рабочим. Только в ноябре 1919 г. в Петроград было направлено более 100 вагонов хлеба. Спустя два-три месяца в Москву и Петроград было дополнительно отправлено 354 тыс. пудов. В 1919—1920 годах специальные сборы продовольствия проводились и армейскими частями; армиями Восточного фронта было заготовлено свыше 300 тыс. пудов хлеба, более 800 тыс. пудов сена и 74 тыс. пудов овощей, а также около 9 тыс. голов скота³².

Процесс насильственного изъятия продовольственных ресурсов у крестьян еще более усилился после образования в июне 1920 г. Чувашской автономной области. Новая административная единица находилась в числе первых в стране по показателям выполнения государственных заданий и налогов. В ноябре этого года центр предписал местному руководству для выполнения поставленного задания «привести весь судебно-карательный, советский и продовольственный аппарат в боевое состояние, добиться непрерывного функционирования выездных сессий революционных трибуналов» в целях организации бесперебойных поставок³³. Руководство «новой» Чувашии хотело показать Москве, что автономия отдает все силы и средства для разрешения продовольственного кризиса в стране. Так, несмотря на вызванное военным лихолетьем сокращение посевных площадей и уменьшение урожайности зерновых культур, автономия в 1920/1921 годах выполнила продразверстку на 102%. Сверхплановый сбор объяснялся руководством автономии просто: «хлеб взят у имущих», «лишнее (т.е. превышение установленных показате-

* В ряде исследований упоминается о выполнении Чувашской АО продразверстки на 136%. Авторы, как правило, используют в данном случае цифры официальных отчетов государственных органов Чувашской автономной области (см., например, НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 82, 107об.) и сведения, приведенные в инициированном рядом местных партийных деятелей против Д.С. Эльменя обвинении в продаже чувашей за «30 сребреников» (т.е. значительном перевыполнении заданий по продразверстке). На самом деле, как следует из письма Д.С. Эльменя секретарю Чувашского обкома В.А. Алексею от 6 июля 1926 г., «продразверстка была выполнена нами в размере 102%», а 136% давало «включение в ее счет 300 с чем-то тысяч пудов помольного сбора» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1779. Инв. № 7321. Л. 4–7). Требуется дополнительного пояснения и вопрос о выполнении областью продразверстки на 102%. Так, первоначальный план составлял 2,5 млн пудов, однако впоследствии он был сокращен Центром до 1,5 млн. Поскольку о снижении задания по продразверстке не афишировалось (см. указанное письмо Д.С. Эльменя), то для обывателей были придуманы причины перевыполнения.

лей. — Ф.К.) взято у спекулянтов»³⁴. Однако архивные документы свидетельствуют, как на самом деле достигалось выполнение назначенных показателей. На выполнение заданий по продразверстке направлялись вооруженные отряды рабочих. Один из таких отрядов под командованием «товарища Брюкова» был направлен в деревню Шупоси Ядринского уезда. Местным жителям командир отряда заявил, что он «имеет власть отобрать весь хлеб до последнего каравая» и «крестьяне не имеют права заявить на продотряды никуда, кроме Бога»³⁵. Видимо, продразверстка и методы ее проведения настолько «достали» крестьян, что в лексиконе эпохи само это слово стало жаргонизмом, означающим «испражнения»³⁶.

Одной из важных причин разразившегося в Чувашской автономии голода следует назвать и взимание чрезвычайных налогов. Например, после довольно жестокого подавления вспыхнувшего в январе 1921 г. восстания, получившего неофициальное название «чапанного»³⁷, на бунтовавшие волости и уезды был наложен чрезвычайный налог хлебом: на Кошелеевскую волость Цивильского уезда «за устройство кулацкого мятежа» была наложена контрибуция в количестве 16 тыс. пудов, на Шихранский продовольственный район — в 100 тыс. пудов и т.п.³⁸ В результате крестьяне, «боясь присылки вооруженных отрядов», выполнили продразверстку, не считаясь с оставлением для себя определенной нормы пайка³⁹.

Нельзя не отметить и того факта, что Чувашия была признана голодающей последней из регионов Поволжья. И пока автономия официально не была признана голодающей, ей вменялось в обязанность выполнение различных нарядов на поставку хлеба в другие регионы страны. Так, в феврале 1921 г. в Облисполком ЧАО поступила телеграмма за подписью председателя СНК РСФСР В.И. Ленина и наркома продовольствия А.Д. Цурюпы, в которой облпродкому предписывалось «в порядке боевого задания в десятидневный срок» отпустить овса Казанскому райлескому 10 тыс. пудов, Нижегородскому гублескому — 15 тыс., Ветлужскому райлескому — 25 тыс.⁴⁰ В июле 1921 г. за подписью В.И. Ленина областной продовольственный комиссар получил предписание на отправку в Нижегородскую губернию еще 200 тыс. пудов овса. Выполнить поручение надлежало «в порядке боевой срочности». Задержки рассматривались как «умышленная дезорганизация дела снабжения продовольствием Республики»⁴¹. И это несмотря на то, что подготовленные для высшего руководства страны

сводки информационного отдела ВЧК предупреждали, что «в некоторых волостях области крестьянами уже употреблен хлеб нового урожая, надвигается голодовка»⁴².

Одной из причин такого положения дел был тот факт, что в чувашской партийной организации шла постоянная борьба за власть трех группировок. «Казанская» во главе с Д.С. Эльменем и «симбирская» под началом Г.С. Савандеева состояли преимущественно из представителей титульной нации; «деловые», куда входили русскоязычные ответственные работники, не выступали в роли «арбитра» в спорах между чувашскими коммунистами, но старались «бить на два фронта». Наиболее ожесточенная борьба между ними происходила на II Всероссийском съезде чувашских коммунистов в июне 1921 г.; ситуацию удавалось стабилизировать только после вмешательства ЦК РКП (б)⁴³. В результате «кризиса власти» руководством автономии в первое время ситуация в области «совершенно не была освещена перед Центром»; поступившее, наконец, обращение в Москве было расценено как попытка получить часть выделяемых средств для подпитки слабейшей чувашской экономики и «страшный голод удалось доказать с большим опозданием перед другими губерниями»⁴⁴. «Первые лица» Чувашской АО пытались разрешить ситуацию собственными силами и средствами. Так, на заседании Президиума Облисполкома от 23 июля 1921 г. было принято решение об организации общественных работ для 200 тыс. человек. Однако о финансировании пришлось опять ходатайствовать перед Центром. Запрос был удовлетворен лишь частично⁴⁵.

Чтобы более четко представить ситуацию, сложившуюся весной-летом 1921 г., следует обратиться к сухим цифрам. По автономной области средний показатель сбора ржи — основной сельскохозяйственной культуры — составил 6,55 пуда с десятины, при этом по крестьянским хозяйствам урожайность составила 5,1 пуда, а в Цивильском и Ибресинском уездах — всего 1,8 пуда; остальные зерновые культуры (пшеница, полба, ячмень, греча) засевались только в немногочисленных коммунах и сельскохозяйственных артелях⁴⁶. Весь урожай 1921 г. составил 1 308 447 пудов, тогда как для нормального потребления населению Чувашской области требовалось не менее 14 млн пудов, а при голодной норме — не менее 9 млн пудов хлеба⁴⁷. Единственной надеждой хоть как-то свести концы с концами был картофель, но засеянная им площадь была ничтожна: на всю область приходилось 7 тыс. десятин; уро-

жая хватило на месяц-полтора⁴⁸. Из-за погодных катаклизмов в автономии погибли садовые культуры (яблоки и пр.)⁴⁹. В Большебатыревской волости Ибресинского уезда «не уродилась даже лебеда, которая в других волостях явилась большим подспорьем»⁵⁰. 80% населения области осталось без продовольствия, всего по Чувашской АО насчитывалось 760 тыс. голодающих⁵¹. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, в хлеботорговые губернии в обмен на продукты питания вывозилась сельскохозяйственная и бытовая техника (плуги, сошники, швейные машинки и др.)⁵².

По «горячим следам» были созданы поэтические картины страшных событий. Так, «Голодный псалом» написал чувашский «певец нового дня» Сеспель Мишши:

Костлявая рука дней старых, злых
К кресту мой край родимый пригвоздила.
Сухими, мертвыми зубами голод
Страну мою грызет, грызет, грызет...
Как нищие стоят дома; в стенах
Бревенчатых, пропавших потом, душно.
Сожженные, голодные, больные
Посевы умирают на полях.
Лежит, вздыхает Волга тяжело,
А волны желтые в отрепьях, рвани —
С наивных всхлипом сдержанных рыданий
Оплакивают мой народ без слов⁵³.

Нельзя не отметить, что по сравнению с крестьянством положение городского населения было несколько лучше, так как большинство такового старалось пристроиться к какому-нибудь учреждению или предприятию, где можно было благодаря введению новых тарифов оплаты и увеличению пайков просуществовать сравнительно сносно. Некоторые из горожан, которые никуда не смогли устроиться, пускались в спекуляцию, обеспечивая таким образом свое существование⁵⁴. Происходило это на фоне определенной конфронтации «города» и «деревни». С «городом» связывались представления крестьян о продажах, именно «город» проводил продовольственную политику, направленную на безудержное выкачивание хлеба из деревни⁵⁵. Издававшиеся в уездах периодические издания подчеркивали, что

«костлявый призрак царя-голода распростер свои длинные руки над крестьянином (выделено нами. — Ф.К.) и жадными глазами высматривает себе жертв»⁵⁶.

На заседании экономического совещания области в июне 1921 г. отмечалось, что крестьяне питаются всевозможными травами, «кидаются на всякую зелень, как саранча, поедая все»⁵⁷. Госинфсводка ВЧК № 17 (73) за 25—26 июня 1921 г. зафиксировала, что «совершенно голодает» 85% населения некоторых волостей области, аналогичная сводка за сентябрь отметила, что «крестьяне усиленно заготавливают на зиму желуди, в Марпосадском районе некоторые крестьяне заготовили от 10 до 50 пудов»⁵⁸. Побывавший в Чувашии корреспондент газеты «Беднота» сообщал: «Хлебных продуктов нет. Иногда попадаются две-три меры картофеля», «мука из размолотой соломы с лебедой», «кусочек желудевого хлеба» или «из ореховых почек»⁵⁹. Облпомгол поручил областному музею и обздраву «хранить впредь все виды употребляемых населением суррогатов»⁶⁰. В.Н. Александров, по поручению председателя ВЧК и по совместительству председателя Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК Ф.Э. Дзержинского посетивший с инспекцией Чувашскую автономию в августе 1921 г., так описал свое первое знакомство с подобным питанием: «Хлеб пополам с лебедой и пополам с желудевой мукой. Моя арифметика не в ладах с этим рецептом, сколько же муки в этом хлебе? Возница говорит, что хлеб хороший, здесь на 3 чашки суррогатов почти целая чашка настоящей ржаной муки. Пробую «хлеб», он клеклый, как густая колесная мазь, с резким привкусом желудей, раздражающим горло»⁶¹. О «невероятных страданиях» чувашей рассказывали возвратившиеся из инспекционной поездки представители Московской комиссии помощи голодающим; привезенные ими «образцы голодного хлеба» состояли из коры, соломы, желудей и разных трав⁶².

Сентябрьские морозы погубили значительную часть яровых посевов. В двухнедельном госинформационном бюллетене Чрезвычайной комиссии Чувашской АО за время с 15 сентября по 1 октября 1921 г. было зафиксировано, что «перед населением области теперь стоит голод во всей своей ужаснейшей форме. Надежды крестьян на яровые хлеба совершенно не оправдались, так как вследствие холодов и ежедневных дождей последние не созрели, и теперь крестьяне в некоторых местах приступили к их покосу, чтобы снять хотя бы одну солому»⁶³. Однако выпавший 6 октября снег окончательно погубил яровые хлеба, даже

солому приходилось собирать с трудом, ибо отсутствие благоприятной погоды не позволяло высушить скошенную солому и она просто гнила на полях.

Выступая на IX съезде Советов, В.А. Антонов-Овсеенко говорил, что «миллионы людей голодают, и это не простое слово о недоедании — это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мерзлую землю»⁶⁴. Чтобы спастись от голодной смерти, население Чувашской автономии массово уничтожало скот: многие крестьянские хозяйства лишились не только мелкой живности, но и единственной лошади и коровы. Информсводки ВЧК отмечали, что «на базарах появилось много мяса»⁶⁵. Только за период с 1 мая по 1 декабря 1921 г. поголовье лошадей в области сократилось на 30%, крупного рогатого скота — на 25%, овец — на 50%, коз — на 14%, свиней — на 78%; более половины крестьянских дворов лишились единственной лошади и коровы⁶⁶. В начале 1922 г. в рацион голодающих попали собаки и кошки, люди подбирали в оврагах разложившиеся трупы павших животных⁶⁷.

В конце июня 1921 г. в Чувашской АО были зарегистрированы первые случаи голодной смерти⁶⁸. Через два месяца в одном только Цивильском уезде было отмечено 800 смертных случаев на почве голода⁶⁹. Председатель Цивильского уездного бюро профсоюзов Петропавловский в начале 1922 г. сообщил в редакцию «Известий», что «голодает за немногим исключением весь уезд», «в деревнях сидят голодные и ждут смерти»⁷⁰. Озабоченность растущей смертностью населения выражало не только руководство автономии, но и представители чувашской диаспоры, проживавшие, в частности, в Уфимской губернии и внимательно следившие за развитием ситуации на «малой родине»⁷¹. Однако дальнейшее информирования в местной прессе о ситуации в Чувашии и призывов к оказанию помощи дело не пошло. Между тем, если, по сведениям ВЧК, на 1 января 1922 г. было зарегистрировано около 10 тыс. случаев голодной смерти, то уже ко второй половине января того же года в автономии от голода умерли более 35 тыс. человек. При этом «компетентными органами» подчеркивалась невозможность проведения точного учета смертности населения из-за его разбросанности по глухим селениям и отсутствия достаточного количества медицинских работников⁷².

Обследованием, проведенным сотрудниками Облпомгола в начале 1922 г., было выявлено, что «целые семьи и даже деревни лежат больные, опухшие от голода, ожидая последней агонии»⁷³.

Корреспондентами констатировалось, что «бедняки умирают сотнями»⁷⁴. В некоторых селениях Цивильского и Ибресинского уездов трупы умерших от голода «по целым неделям валялись неубранными», т.к. просто некому было их хоронить⁷⁵. По словам отчаявшихся крестьян Шибылгинской и Чуратчинской волостей Цивильского уезда, в условиях отсутствия практической государственной помощи у них оказался крайне узкий выбор: или перерезать детей, или самим удавиться⁷⁶. В документах отмечалось, что матери, не желая видеть страдания детей, «натапливают избы, закрывают трубы и засыпают вечным сном», наблюдаются случаи самоубийства посредством угара целых семейств⁷⁷. Некоторые из родителей кончали жизнь самоубийством только для того, чтобы оставшиеся сиротами дети получили возможность попасть в детский дом⁷⁸.

Информационные сводки местных чекистов сообщали, что «голод проявляется в ужасающих картинах. Начинается уже весьма редкое в культурной истории человечества явление — людоедство»⁷⁹. Конкретные примеры людоедства в поволжских губерниях были засвидетельствованы на страницах газеты «Правда»; зафиксированы в обзорно-статистической работе С. Ингулова «Голод в цифрах»; подобные факты попали и на страницы признанного в Советской России «антиобщественным» и выпущенного только в 1928 г. в берлинском издательстве «Петрополис» романа «Циники» писателя-имажиниста А.Б. Мариенгофа⁸⁰. Местная пресса писала о попытках и случаях людоедства в Убеевской волости Ядринского уезда, в д. Шихирданах Буинского уезда, с. Катергино Чебоксарского уезда, с. Чуратчиках Цивильского уезда и др.⁸¹ Впоследствии в Чувашском краеведческом музее в качестве экспоната был выставлен чугунный котел, в котором «обезумевший от голода в 1922 г. крестьянин из Чебоксарского уезда сварил для употребления в пищу убитую им же самим родную дочь»⁸².

Таким образом, обрушившийся на страну в 1921 г. голод не был первым катаклизмом подобного рода, однако он оказался одним из самых значительных по масштабам. Говоря о причинах, следует оценивать не какой-либо отдельный фактор и его влияние на создание ситуации «голода», сколько всю совокупность климатических, политических и экономических факторов, приведших к трагическому развитию событий. Находясь в зоне «рискованного земледелия», Чувашский край сполна ощутил на

себе влияние изменчивых погодных условий. К естественно-географическим причинам добавились явления общественно-политического порядка. Чувашская деревня переживала затяжной продовольственный кризис, берущий начало еще с дореволюционных лет. К тому же руководство вновь образованной автономии хотело показать Москве, что область отдает все силы для разрешения продовольственного кризиса в стране. В результате проводимой продовольственной политики у местного крестьянства были изъяты все запасы продовольствия (так называемые «излишки»). Из Чувашской АО выкачивались значительные объемы сельскохозяйственной продукции даже тогда, когда голод уже повсюду свирепствовал в самой автономии.

1.2. Роль государственных и общественных организаций в оказании помощи голодающим

*Тем, кто пришел на помощь к нам, — слава!
Им, в истории, — честь!*
Н.С. Гумилев, «Стихи о голоде»

Сложившаяся на значительной территории страны катастрофическая ситуация с продовольственным обеспечением населения требовала принятия экстренных мер. Необходимо было организовать срочную помощь пострадавшим регионам. Советское правительство публично признало факт голода 18 июля 1921 г., когда ВЦИК образовал Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина⁸³. С этого момента Советское правительство не замалчивало масштабов трагедии, предпринимало активные действия по оказанию помощи голодающему населению и выводу сельского хозяйства из кризиса.

ЦК Помгол был образован как элемент партийно-государственного аппарата. В его состав вошли только представители власти и созданных партией «общественных» организаций: П.Г. Смидович (член Президиума ВЦИК), А.И. Рыков (председатель ВСНХ, заместитель председателя СНК), Л.Б. Каменев (председатель Моссовета, член Президиума ВЦИК), А.В. Луначарский (нарком просвещения), Л.Б. Красин (нарком внешней торговли), А.Н. Винокуров (нарком социального обеспечения), Н.А. Семаш-

ко (нарком здравоохранения), З. Соловьев (Российское общество Красного Креста), А.И. Свицерский (член коллегии наркомата продовольствия), О.Я. Карклин (заместитель Председателя Революционного трибунала при ВЦИК), С.И. Гусев (от Реввоенсовета Республики) и др.⁸⁴ В соответствии с постановлением ЦК Помгол, комиссии по борьбе с голодом создавались при губернских, областных и уездных исполкомах. В разосланном на места письме ВЦИК говорилось, что созданные комиссии помощи голодающим, «имея непосредственно своей целью возбуждение внимания, интереса и сочувствия со стороны широких масс трудящихся к делу помощи голодающим», призваны «объединять, согласовывать и нести общее руководство» работой по борьбе с голодом⁸⁵.

Руководствуясь директивами Центра, организационную работу по созданию соответствующих структур помощи голодающим провели на местах. Материалы областной периодической печати свидетельствуют, что в Чувашской автономии сначала были созданы уездные комиссии помгола, а затем образована областная. Так, 29 июля на совещании «ответственных работников» было принято решение о создании «межведомственной комиссии» при Цивильском уисполкоме и направлении ходяков к чувашам хлебобродных губерний за помощью⁸⁶. Областная комиссия помощи голодающим (Помгол ЧАО, Облпомгол) была создана только 10 августа 1921 г. Исполнительным органом Облпомгола стал Президиум из трех человек: С.А. Коричев (председатель облизполкома, председатель Облпомгола), Н.А. Орлов (областной продовольственный комиссар), Н.А. Алексеев (председатель Деткомиссии); в случае отсутствия председателя или по его поручению в Президиум в качестве председателя входил заместитель А. Краснов⁸⁷. В начале своей организации Облпомгол имел детскую подсекцию и секцию общего питания. С 29 августа начала работать специальная Областная комиссия помощи голодающим детям при Областном отделе народного образования (ОБОНО)⁸⁸.

Все поступающие для голодавших материалы и средства распределялись через аппарат потребкооперации: для взрослых

* В ряде документов указывается, что в составе Президиума Облпомгола было семь человек: С.А. Коричев, Н.А. Орлов, Н.А. Алексеев, В.Н. Александров (представитель Московской губернской комиссии помощи голодающим, заместитель председателя Облпомгола), И.Е. Ефимов (военный комиссар Чувашской АО), Я.П. Ятманов (заведующий земельным отделом облизполкома), Г.Г. Герасимов (ГИА ЧР. Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 3. Л. 288).

— по указанию областного отдела народного образования, для детей в возрасте от 3 до 16 лет — областного отдела здравоохранения, для детей в возрасте до 3-х лет — областного союза. После упразднения на основе постановления облисполкома от 5 марта 1922 г. секции общего питания вместо нее было организовано областное бюро помгол при станции Канаш, которое вело учет всех прибывших грузов. Бюро состояло из общей канцелярии, учетно-распределительного отдела, бухгалтерии, инспекторского отдела и подотдела информации⁸⁹. С осени 1921 г. вся область была разбита на четыре района «по степени голодаемости»⁹⁰, однако такое деление быстро утратило всякое значение в силу массовости голодающих.

Не последнюю роль в организации правительственной структуры по оказанию помощи голодающему населению, на наш взгляд, сыграло ухудшение отношения к советской власти со стороны крестьянства. Голод самым острым образом сказывался на настроениях крестьян. Органы ВЧК, крепко державшие руку на пульсе общественной жизни, фиксировали нарастание социальной напряженности и враждебности к советской власти и коммунистической партии. Так, информационные сводки за июнь 1921 г. о положении в Чувашской АО отметили «угнетенное» настроение крестьян области, в июле зафиксировали, что в связи с тяжелым продовольственным снабжением и надвигающимся голодом «настроение масс подавленное», «отношение крестьян к советской власти враждебное»⁹¹. Люди обвиняли коммунистов в том, что из-за них «Бог не давал дождя, и мы голодаем»⁹². В ряде населенных пунктов (например, в с. Кошелеи Цивильского уезда) проводились молебны, вспомнили даже о старинном чувашском языческом обряде «учук»⁹³. Аналогичным образом складывалась

* Учук (от чув. «уй» — поле и «чук» — жертвоприношение, моление) — общенародное полевое моление. Люди выражали удовлетворение выращенным урожаем и желали не меньший в следующем году. Засуха, сильные ветры и град особенно беспокоили земледельца и становились причинами обращения к божествам. В XIX в. и особенно в начале XX в. данному обряду стали приписывать дополнительный смысл: его устраивали и в связи с неурожаем, и с целью избавления от массовых болезней (например, от мора). (См.: Салмин А. К. Система религии чувашей. — СПб., 2007. — С. 73). Следует отметить, что с течением времени происходило наложение на традиционное чувашское моление внешней христианской атрибутики (обращение к единственному Богу, завершение молитвы словами «Аминь»); в этом отношении характерна запись такой молитвы, сделанная И.Я. Яковлевым: «Добрый Боже, мы молимся Тебе. Семи родов хлеба дай. Добрый Боже, Тебе кланяемся. Из земли хлеба дай, сверху дождя дай. Всем обществом молимся Тебе быком. Всем обществом, с всеми детьми кланяемся Тебе. Добрый Боже, помилуй! Раньше живым молились, теперь сваренным, помилуй! Аминь» (см.: ГИА ЧР. Ф.—515. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.).

ситуация и в соседних с Чувашией районах: «недружелюбное» отношение к советской власти и коммунистам зафиксировано в Татарской республике и Марийской области, «враждебное» отношение к компартии у большинства населения отмечено в Вятской губернии⁹⁴.

В многовековой истории России это был не первый голод, хотя один из самых сильных и страшных. В ходе предыдущего трагического опыта складывались определенные механизмы, гарантировавшие крестьянину выживание в случае голода. Основным среди них была община с ее особенностями экономической, социальной организации и, что особенно важно, системой взаимоподдержки⁹⁵. Мощным фактором помощи голодающим в России были так же старые земские традиции, деятельность различных обществ и комитетов спасения, поднимавших на борьбу с голодом все российское общество⁹⁶. Поэтому неудивительно, что вопросы организации совместной государственной и общественной помощи голодающим обсуждались на проходившем в июне 1921 г. VI Всероссийском съезде «по сельскохозяйственному опытному делу». Эта тема, в частности, прозвучала в выступлении известного экономиста, бывшего министра продовольствия во Временном правительстве С.Н. Прокоповича.

Практически одновременно с ЦК Помгол возник Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ВКПГ). Председатель СНК РСФСР В.И. Ленин отказался принять делегацию общественных деятелей^{*}; делегация, благодаря личным связям А.М. Горького, была принята председателем Моссовета Л.Б. Каменевым⁹⁷. Результатом диалога стало рассмотрение вопроса на Политбюро и постановление об одобрении работы ВКПГ. 29 июня телеграмма РОСТА известила читателей о намерении

^{*} Следует отметить, что юный помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, живший в начале 90-х годов XIX в. в Самаре — центре наиболее пострадавшей от голода 1891 г. губернии — оказался тогда единственным представителем местной интеллигенции, не только не принявшим никакого деятельного участия в организации помощи голодающим, но и категорически возражавшим против такой помощи. По воспоминаниям одного из друзей, Владимир Ильич «имел мужество открыто заявить, что последствия голода — народное промышленное пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное», «голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога», и «двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм»; более того, действуя «как опытный полководец, будущий «вождь мирового пролетариата» сумел дезорганизовать и «сильно расстроить» местный комитет помощи голодающим (См.: **Беляков А.** Юность вождя: воспоминания современника В.И. Ленина. — М., 1958. — С. 78—80).

«ряда общественных деятелей включиться в борьбу с голодом». Официальный статус ВКПГ был закреплен положением ВЦИК от 21 июля 1921 г.⁹⁸

В состав комитета вошли как бывшие политические противники большевиков — внефракционные социал-демократы С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова, кадеты Ф.А. Головин, Н.М. Кишкин и др., так и двенадцать представителей власти (Л.Б. Каменев, Л.Б. Красин, М.М. Литвинов, А.В. Луначарский, А.И. Рыков, Н.А. Семашко и др.). Кроме государственных и политических деятелей, в создании ВКПГ активно участвовали представители творческой и научной интеллигенции. Среди них были крупнейшие специалисты в области сельского хозяйства и кооперации (М.П. Авсаркизов, А.Г. Дояренко, Н.Д. Кондратьев, Д.С. Коробов, Н.П. Ромодановский, П.А. Садырин, А.И. Угримов, А.В. Чаянов, И.А. Черкасов, М.М. Щепкин), руководящие работники Академии наук (президент Академии наук А. П. Карпинский и вице-президент В.А. Стеклов) и выдающиеся ученые (В.Н. Ипатьев, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, А.В. Ферсман), деятели литературы и искусства (А.М. Горький, Э.Л. Гуревич, Б.К. Зайцев, В.Г. Короленко, М.А. Осоргин, К.С. Станиславский) и др. В ВКПГ работали и «толстовцы» (В.Ф. Булгаков, П.И. Бирюков и др.). Быть «отголоском великого бедствия», знакомить с организацией и деятельностью ВКПГ должен был специально издававшийся «Бюллетень»⁹⁹.

«С готовностью, даже с рвением шли в Комитет писатели, врачи, адвокаты, учителя», — вспоминал впоследствии о том периоде жизни поэт Владислав Ходасевич¹⁰⁰. Всемирно известные имена российских ученых и писателей, в большинстве своем принимавших активное участие в организации помощи голодающим еще в 1891 г., должны были привлечь пожертвования из-за границы. Так, проживавший в США видный российский экономист А.Н. Корф организовал по линии ВКПГ широкомасштабную кампанию по сбору средств. Его поддерживали жившие в Америке композитор С.В. Рахманинов, балетмейстер В.В. Фокин, художник Н.К. Рерих и др. Журналист и прозаик М.А. Осоргин в своих мемуарах писал, что «нескольких дней оказалось достаточно, чтобы в

* Толстовцы — участники религиозно-утопического общественного движения второй половины XIX — начала XX вв. Проповедовали учение Л.Н. Толстого о преобразовании общества путем морально-религиозного самосовершенствования. Пытались создавать производственные общины. В 1897 г. миссионерский съезд в Казани признал толстовцев сектой. В 1901 г. Л.Н. Толстой был отлучен от Церкви, его сторонники подвергались арестам и высылке.

голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из Центра и Сибири, как в кассу общественного Комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официально. Огромная работа была произведена разбитыми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный комитет, никакой властью не облеченный, опиравшийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряжения, которые исполнялись с готовностью и радостно всеми силами страны. Он мог спасти — и спас — миллион обреченных на ужасную смерть, но этим он мог погубить десяток правителей России, подорвав их престиж; о нем уже заговорили, как о новой власти, которая спасет Россию»¹⁰¹.

Просуществовал ВКПГ всего несколько недель. Открыто подержать ВКПГ в стране рискнули немногие, а злоязычные обитатели столицы, по воспоминаниям известного книгоиздателя М.В. Сабашникова, даже обозвали его участников «списком все-российских идиотов»; в большевистской прессе ВКПГ сразу был саркастически прозван «Прокукиш» (сокращение фамилий С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой и Н.М. Кишкина — трех лидеров комитета)¹⁰². По соображениям «государственной безопасности» категорически против привлечения к борьбе с голодом «деятелей дооктябрьского периода» выступила ВЧК¹⁰³. 26 августа В.И. Ленин направил наркому государственного контроля И.В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б) письмо, в котором предложил распустить Комитет. Вечером 27 августа члены комитета, собравшиеся по просьбе Л.Б. Каменева, были задержаны и направлены во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке и Бутырскую тюрьму (за исключением «ячейки коммунистов», председателя Союза писателей Б.К. Зайцева и народоволки В.Н. Фигнера). В выступлениях

* «Народная воля» — наиболее крупная революционная народническая организация. Возникла в 1879 г. после раскола партии «Земля и воля». Главной целью было принуждение правительства к демократическим реформам, после которых можно было бы проводить борьбу за социалистическое преобразование общества. Одним из основных методов политической борьбы стал террор. В 1879—1883 годах насчитывала около 500 членов и имела отделения в 50 городах. Наиболее известные участники организации: А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, С.Н. Халтурин, Н.И. Кибальчич, Ю.Н. Богданович и др. После убийства 1 марта 1881 г. Александра II последовали массовые аресты, что привело к идейному и организационному кризису. Последующие попытки П.Ф. Якубовича (1883—1884), Г.А. Лопатина (1884), Б.Д. Оржика (1885), А.И. Ульянова (1886—1887), С.М. Гинсбург (1888) и др. возродить организацию не удалось.

советских и партийных деятелей утверждалось, что Комитету помощи голодающим до самих голодающих «было мало дела» и в области борьбы с голодом он ничего не сделал, зато «повел широкую подпольную работу к захвату власти в момент неизбежного падения большевиков в результате голода»¹⁰⁴. В публикациях «Правды» даже говорилось о предполагаемой связи антоновского мятежа с деятельностью ВКПГ¹⁰⁵.

Между тем ситуация в Поволжье обострялась с каждым днем. В поисках лучшей доли люди устремлялись в относительно благополучные регионы. «Тревожные вести» о покидающих свои деревни в поисках хлеба крестьянах фиксировали корреспонденты столичных газет¹⁰⁶. Оперативно-информационные сводки ВЧК за май-июль 1921 г. сообщали о «бегстве целыми партиями» крестьян Саратовской губернии на Кавказ, Украину и в Сибирь, «бегстве в большом количестве» крестьян Тетюшского кантона Казанской губернии в Туркестан, стихийной «эмиграции» из Коммуны немцев Поволжья на юг Сибири, прибытии в «неорганизованном порядке» беженцев из Поволжья в Костромскую губернию и т.д.¹⁰⁷ О массовости подобных переселений свидетельствуют исследования миграционных потоков начала двадцатых годов: не совсем типичное включение районов Поволжья в общую структуру миграции объясняется последствиями голода в этом регионе, вызвавшего массовую миграцию («спасайся, кто может!») поволжских крестьян¹⁰⁸. 28 июля 1921 г. Президиум ВЦИК, пытаясь взять ситуацию под свой контроль, принял постановление о планомерном выселении из голодающих губерний. Организованная эвакуация в более благополучные районы стала одним из направлений помощи голодающим.

Катастрофически складывалась ситуация в Чувашской АО. Так, в отчете экономического совещания Ибресинского уезда за октябрь 1921 г. — март 1922 г. констатировалось, что «вследствие абсолютного голода, отсутствия общественного питания и чрезмерно высоких цен на местном рынке» резко возросло мешочничество¹⁰⁹. По индивидуальному почину или по поручению сельских обществ крестьяне устремлялись в относительно благополучные регионы. Власти пытались поставить выезды в хлебобородные губернии за продуктами питания под свой контроль, выдавая специальные разрешения¹¹⁰. Однако, как отмечалось в заявлении заведующего областным отделом труда А.Т. Ласточкина в Центральную контрольную комиссию РКП (б), «всеми овла-

дела паника», голодающее население «стихийно бежало куда глаза глядят»¹¹¹. В воспоминаниях очевидцев остались «толпы голодных с бледными лицами на станции в ожидании поезда», «облепленные голодными людьми буфера пассажирских и товарных поездов на Москву»¹¹². В лексиконе официальных документов появился выразительный термин «голодобеженцы»¹¹³.

31 августа 1921 г. было создано областное управление по эвакуации населения из Чувашии. За период его деятельности из автономии в хлеботородные губернии было отправлено более 15 тыс. человек. Осуществлялись также мероприятия по переселению голодающих в Сибирь, куда за 1921 г. в организованном порядке было переселено 11 267 человека и еще 2 036 человек выехало самостоятельно¹¹⁴. Но даже добравшись до относительно благополучных в продовольственном отношении районов страны, люди не были гарантированы улучшением своего положения. Так, заведующий Вотским областным бюро РОСТА Д.В. Рябов телеграфировал в Москву, что «положение беженцев Казанской и Чувашской областей ужасное, люди, как тени, бродят по улицам Ижевска, осаждая учреждения и дома граждан, прося хлеба», «выбывшиеся из сил, валяются мертвыми», «30—40 человек ежедневно подбирают умерших от голода»¹¹⁵.

Особое внимание местными властями уделялось эвакуации детей. Облздравом были взяты на учет 72 818 голодающих детей в возрасте до 3-х лет¹¹⁶. Еще в начале августа руководство Чувашии возбудило перед Центром ходатайство о разрешении вывезти из автономии 3 150 круглых сирот. В сентябре был получен первый наряд на эвакуацию 2 000 детей в Нижегородскую губернию. За 15 дней водным транспортом было вывезено 1 787 детей из детских домов и колоний, 140 педагогов и 145 технических служащих. В октябре детей из голодающей Чувашии приняли детские дома Московской области. Среди оказавшихся в детском доме на подмосковной станции Томилино был никому еще тогда не известный Федот (Хведюк) Орлов*. Именно здесь мальчишка из Чувашии впервые увидел «невиданные чудовища с крыльями», которые с шумом и грохотом взмывали в воздух и улетали под самые облака. Изумленный, он просто заболел небом и полетами¹¹⁷. В ноябре группы детей и сопровождающего персонала были эвакуированы на санитарных поездах на Украину и в Белоруссию; 300 допризыв-

* Орлов Федот Никитич (1913—1988) — уроженец деревни Малые Ямаши Ядринского района, участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., Герой Советского Союза.

ников были эвакуированы в Туркестан; чувашские дети оказались даже в Чехословакии¹¹⁸. Количественные оценки вывезенных из Чувашской АО в Московскую, Нижегородскую, Ярославскую, Владимирскую, Минскую, Черниговскую губернии детей колеблются в пределах от 5 744 до 6 740 человек¹¹⁹.

Однако не было возможности эвакуировать всех, кто в этом нуждался. В областной отдел социального обеспечения с мест сыпались многочисленные мольбы о помощи. Волостные исполкомы сообщали, что «ввиду часто поступающих заявлений о неимоверном голоде» они постановили «открыть в волости дома старости» и ходатайствовали о поддержке со стороны областных органов власти. Подобные обращения поступили от Акрамовского, Алымкасинского, Никольского волсоветов Чебоксарского уезда, Ибресинского уездного отдела соцобеспечения и многих других. Надо отметить, что часто удавалось разрешить этот вопрос и хотя бы временно «открыть дома старости в поселениях, где найдется удобное помещение». Так появились дома старости в Алымкасинской (на 50 человек), Воскресенской (на 30 человек) и Карамышевской (на 30 человек) волостях Чебоксарского уезда, был расширен на 25 мест дом старости в г. Мариинском Посаде¹²⁰. На заседании Облпомгола 24 марта 1922 г. областному отделу здравоохранения было поручено оборудовать четыре ночлежно-приемных дома в Беловолжске (или Козловке), Аккозине (Исмели), Чебоксарах и Большом Сундыре; 30 марта областному коммунотделу было поручено «в течение 24 часов представить в распоряжение обособленного жилого помещения для открытия ночлежного дома на 25 человек для проходящих голодных»¹²¹.

Для организации сбора пожертвований в пользу голодающих использовались различные формы литературы и искусства. Выразительные работы создали советские художники-плакатысты. Одна из наиболее известных работ принадлежит Д. Моору, изобразившему на черном фоне худого крестьянина, позади которого виден один колосок, с призывом «Помоги!» На плакате И.В. Симаква на фоне толпы людей, страдающих от голода, изображены кусок хлеба с водой и надпись «Помни о голодающих!» Один за другим творил хлесткие агитационные материалы для «Окон РОСТА» В.В. Маяковский.

Оценив размеры катастрофы в масштабах страны, ЦК Помгол организовал широкомасштабную акцию помощи голодающим. Партийными директивами предлагалось в урожайных районах

немедленно начать и провести сбор продовольственного налога, указывалось на необходимость выделения заводами, фабриками и другими предприятиями, кооперативными организациями части имеющегося в их распоряжении товарного или денежного фонда в пользу голодающих¹²². Постановлением ВЦИК в период с 25 сентября по 2 октября 1921 г. была объявлена Всероссийская неделя помощи голодающим. Были выпущены листовки с призывом: «Пусть в эти дни, когда вся Россия поднята на тяжелое, на светлое и великое дело борьбы с последним царем — царем-голодом, в Красной Москве не останется ни одного равнодушного, ни одного стоящего в стороне от этого дела... Пусть Красная Москва — столица Советской республики — будет первой в этой борьбе»¹²³. В Московской губернии 20 октября был проведен субботник, заработок от которого полностью поступил в пользу голодающих. ЦК Помгол призвал все население РСФСР начать сбор почтовых марок для обмена их на хлеб и другие продукты за границей. В стране проходили выставки, дни филателиста, аукционы, лотереи, базары, а на вырученные деньги закупалось продовольствие для голодающих районов. В декабре 1921 г. Комиссией по сбору марочных пожертвований для помощи голодающим Поволжья был начат выпуск специальных почтово-благотворительных марок РСФСР (серия из четырех марок без обозначения цены с надписью «Голодающим»)¹²⁴.

Мероприятия по оказанию помощи голодающим проводились и в самих бедствующих регионах. Основной формой стало отчисление в фонд помощи голодающим от получаемого продовольственного пайка и жалования. Так, с 1 августа подобные отчисления стали производить сотрудники областного отдела ВЧК, с 26 сентября — рабочие и служащие Алатырского мостостроительного завода, однодневный заработок был перечислен служащими Цивильского уездного отдела труда и др.¹²⁵ По состоянию на 1 января 1922 г. в области было собрано 4 549 742 рубля денежных пожертвований¹²⁶. Помощь не прекращалась даже в трудный зимний период. Например, в январе 1922 г. отчислять ежемесячно по 5% от жалования и по 2 фунта муки из пайка постановило собрание служащих Облздрави; 10% жалования и пайка всех членов организации передавалось в фонд помощи голодающим согласно постановлению облпрофсовета; решение о регулярном отчислении 5% от заработка принял съезд работников просвещения Аликовской волости Ядринского уезда и т.д.¹²⁷

Одним из направлений работы Облпомгола было документальное и художественное освещение трагедии. Так, в 1922 г. был выпущен сборник документальных свидетельств «Штрихи о голоде», призванный обобщить некоторые материалы о ситуации в Чувашской автономии и стать своеобразным обращением за помощью к «пролетариям Москвы».

Специальным циркуляром ЦК РКП (б) от 7 ноября 1921 г. был выдвинут лозунг «Десять сытых кормят одного голодного»¹²⁸. Решением Центра неурожайные районы были прикреплены к благополучным губерниям. Шефство над Чувашской АО приняли столица страны и Московская губерния. Подобный шаг для автономии был наиболее удачным, т.к. Москва в экономическом отношении являлась самым развитым районом Советской России. В декабре 1921 г. в Чувашии было создано Московское бюро помощи голодающим, местом дислокации которого стала железнодорожная станция Шихраны (Канаш). Представителями Московского губкомпомгола в Чувашии были назначены В.М. Смирнов, А.Д. Калинина, В.Н. Александров. От губернской комиссии помгол в Чувашию поступило около 88 млрд. руб. в дензнаках 1921—1922 годов (или около 8 млн руб. в реальном исчислении), сельскохозяйственные орудия (2 321 плуг, 737 борон, 4 веялки, 1 000 кос и др.), мануфактура (10 073 аршина), обувь (2 627 пар), одежда (3 251 шт.), предметы повседневного обихода (спички и др.) и т.д. В значительных количествах из столичного региона в автономию направлялись медикаменты: в марте 1922 г. было получено 300 пудов различных лекарств, в апреле — 600, в июне — 400, в июле — 400 пудов¹²⁹.

Кроме того, уезды и волости Чувашии были прикреплены к отдельным районам, промышленным предприятиям и организациям Москвы и Московской губернии. Так, Замоскворецкий и Рогожско-Симоновский районы Москвы шефствовали соответственно над Богородской и Покровской волостями Чебоксарского уезда, Сокольнический — над Батыревской волостью Ибресинского уезда, Бауманский и Хамовнический — над Шуматовской и Хочашевской волостями Ядринского уезда, сотрудники аппарата ВЦИК — над Шибылгинской волостью Цивильского уезда, Московское потребительское общество — над Акулевской волостью Чебоксарского уезда и т.д.¹³⁰ Публикации периодической печати свидетельствуют о реакции местного населения на решение центральных властей: «Счастлив чувашский народ, что оказался при-

крепленным к Москве»¹³¹.

Однако на деле помощь голодающим регионам распределялась крайне неравномерно. Состоявшаяся 18—21 октября 1921 г. областная партийная конференция по докладу о помощи голодающим вынесла резолюцию, в которой было отмечено, что «до сих пор Центральная комиссия Помгола, а также и другие помголы, наркоматы и главки, несмотря на ходатайство органов власти, оказывают меньше внимания нашей области, нежели другим голодным губерниям в деле оказания помощи»¹³². Наглядно это проявлялось в организации общественного питания. Так, хотя в декабре в автономии были оборудованы столовые на 50 тыс. детей, организация общественного питания тормозилась отсутствием продуктов; в январе 1922 г. информсводки ВЧК зафиксировали, что «питпункты закрываются вследствие отсутствия продуктов»¹³³.

Вызвано это было слабой организационной работой местных властей. Так, в докладе особоуполномоченного Совета Труда и Оборона при СНК РСФСР от 8 июля 1921 г. отмечено, что руководство Самары «за исключением времени, которое они проводят на даче, идут в работе в сторону наименьшего сопротивления. Губисполком заседает и разговаривает, губчека ищет виноватых, парткомы селятся организовать субботники, но нет людей и хлеба, кооперативы бумаги пишут, профсоюзы мечутся и кричат до хрилоты»¹³⁴; посетивший в октябре 1921 г. Чувашию инспектор ЦК Помгол Муканцев «рекомендовал» Облпомголу «поменьше заседаний, слов, споров; побольше деловой работы»¹³⁵. Возможно, после таких «указаний» руководство ЧАО попыталось консолидировать представителей диаспоры на помощь автономии. Так, 22 декабря 1921 г. облпомгол обратился к чувашам урожайных губерний с воззванием «пожертвовать для голодающей области все, что только могут»¹³⁶.

Далеко не лучшим образом проводилась и координация действий по обеспечению голодающего населения прибывающими продуктами. В госинформационном бюллетене ЧК Чувашской автономии за первую половину ноября 1921 г. отмечалось, что областные власти «принимают все меры к тому, чтобы к моменту подвозки продовольствия все было готово к его распределению: открыты столовые в волостях, а по возможности и в деревнях, налажен местный транспорт для перевозки продуктов на места и т.д.»¹³⁷. Однако как была построена работа облпомгола зимой

1921—1922 года лучше всего свидетельствуют воспоминания очевидца. Особую значимость им придает тот факт, что автор был не простым, сторонним наблюдателем, а активным участником процесса организации помощи голодающему населению. «...Зима 1921—22 года — снежная, суровая. Голод в области дает себя чувствовать все сильнее. Доедены скудные запасы осени в отдельных хозяйствах, подходят к концу суррогаты. Но одновременно растет приток продовольствия от трудящихся Москвы. Приходят на железнодорожные станции Чувашской автономии уже не отдельные сборные вагоны с продуктами, а целые эшелоны из нескольких и даже десятка, а то и двух десятков вагонов», «железнодорожные склады помгола забиты до отказа, некуда принимать грузы. Прибывающее продовольствие распределяется, выдаются ордера, а на склады за получением его люди не являются», — констатировал в своих воспоминаниях заместитель председателя Комиссии помощи голодающим Чувашской АО В.Н. Александров. В результате проведенного разбирательства установили, что «ордера выписываются продотделами механически по спискам, представленным отдельными уездными ведомствами», на каждую деревню получались целые пачки ордеров, согласно которым всего за несколькими выделенными фунтами соли, сахара, круп приходилось ездить за 40—60 км от места жительства. Чего стоит, например, «ордер, выданный поселку Канаш на 2 фунта овсянки, которые нужно было получить в Мариинском Посаде, т.е. за 100 км»¹³⁸.

Дело помощи голодающим «до сих пор не введено в организованное русло», — констатировалось в январе 1922 г. на страницах газеты «Чувашский край» — официального органа обкома РКП (б) и облисполкома Чувашской АО¹³⁹. Местными органами управления практически даже не была налажена работа по охране транзитных и прибывающих грузов. Например, представители Помгола Татареспублики докладывали, что проезжая через Чувашию, им пришлось самостоятельно решать вопрос защиты: «Во время стоянки поезда, при отходе и на ходу поезда пришлось стоять с винтовками», — поскольку имелись случаи «нападения голодных на вагоны с целью грабежа»¹⁴⁰. Имели место многочисленные случаи воровства продуктов при их железнодорожной транспортировке или с продовольственных складов. Так, практически все акты Вурнарской базы Облпомгола о приеме прибывших весной 1922 г. грузов фиксировали весовую недостачу (меш-

ки оказывались «неполными», а то и «совершенно пустыми») и «следы хищения»; за расхищение продуктов питания с Шихранского продовольственного склада была осуждена группа советских служащих (А.М. Халапсин и др.)¹⁴¹.

Яркой иллюстрацией организации продовольственного снабжения голодающих весной—летом 1922 г. служит сообщение Кивсерткасинского сельсовета Тогашевской волости Чебоксарского уезда: «Помощи нет. День и ночь в ожидании. Обратились в свой местный Тогашевский Помгол, но ни помощи, ни ответа нет. Для детей отпущено только 66 пайков, а всего детей в возрасте от 4 до 15 лет числится 185 человек»¹⁴². При этом предпринимавшиеся попытки организовать на местах самостоятельные органы помощи голодающим Облпомголом пресекались. Например, в апреле 1922 г. был ликвидирован работавший «без ведома облпомгола» Ядринский горпомгол¹⁴³.

Зато в феврале 1922 г. на заседании Президиума Облпомгола было принято решение провести «конкурс на произведение печати», а спустя год — уже на заседании Облпоследгола — было решено объявить о проведении «литературного конкурса на лучшее произведение о голоде». Каждый раз преследовалась благая цель: «зафиксировать печальные картины ужасов голода». Однако делалось это еще и ради того, чтобы показать «гигантскую борьбу советской власти» в борьбе с голодом¹⁴⁴. Исследованные нами архивные материалы не содержат сведений о подведении итогов объявленных конкурсов, поэтому судить о числе представленных работ и их качественной стороне не представляется возможным, но примечательным остается сам факт их организации. Еще не наладив толком работу по действенной помощи голодающим, руководство Облпомгола спешило запечатлеть свои «исторические успехи».

Суровое время диктовало жесткие методы работы. Постановлением Пленума исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АО от 25 января 1922 г. все учреждения и организации должны были ежемесячно представлять в соответствующую комиссию помгола письменный отчет о деятельности по борьбе с голодом¹⁴⁵. Все учреждения области работали в режиме чрезвычайной ситуации. К нарушителям дисциплины применялись санкции, прежде всего, финансового характера. Полученные в виде штрафов средства направлялись в фонд помощи голодающим. Инициаторами этого процесса выступили местные органы помощи голодающим. Так, в конце марта 1922 г. упомгол Ибресинского уезда принял решение опазды-

вающих на заседания комиссии подвергать штрафу в размере 50 тыс. руб. за каждые 10 мин; 1 апреля соответствующим образом были наказаны заведующие УОНО, Уздрава, Усобеса, представители укома и уженотдела¹⁴⁶. Наказывали советских служащих и за «пассивное отношение делу помощи голодающим». Например, в феврале 1922 г. по этому пункту на 100 тыс. руб. был оштрафован председатель Торхановского сельсовета¹⁴⁷. В пользу голодающих также взыскивали средства за несвоевременное представление отчетности, непосещение различных съездов и т.п.¹⁴⁸ Другими словами, везде, где это было возможно, применялись фискальные меры для обеспечения притока средств в фонд помощи голодающим.

Предпринимались соответствующие меры по улучшению работы уездных и волостных помголов. Например, в августе 1922 г. в уезды было телефонировано распоряжение заместителя председателя Облпомгола В.Н. Александрова об увеличении нормы «двух пайков для председателя и секретаря волпомгола», оставляя при этом остальные пайки «в прежнем размере»¹⁴⁹. Это было сделано, чтобы поддержать сотрудников: вся работа по организации помощи голодающим в волостях координировалась председателем и секретарем местных помголов. Увеличение пайковых норм избавляло их от необходимости думать о хлебе насущном для себя лично и концентрироваться на организации обеспечения населения.

Подытоживая деятельность государственных структур по организации помощи голодающим регионам, следует отметить, что Советское правительство публично признало факты массового голода в стране только 18 июля 1921 г., когда ВЦИК образовал Центральную комиссию помощи голодающим под председательством М.И. Калинина. Однако на деле помощь голодающим регионам распределялась крайне неравномерно. Так, Чувашия, последним из регионов Поволжья признанная голодающей, финансировалась по остаточному принципу. Негативно влияла на ситуацию и крайне неудовлетворительная организация работы местных советских служащих (прежде всего, руководства облпомгола), больше занимавшихся заседаниями, дискуссиями, а не деловой работой. В результате в автономии практически не была налажена охрана прибывающих и транзитных грузов, зачастую из-за отсутствия продуктов бездействовали питпункты. При таком катастрофичном положении общественные инициа-

тивы — даже первоначально санкционированные властью — быстро и жестко пресекались. Только созыв чрезвычайного заседания обкома РКП (б) и облисполкома и принятие экстренных мер по перестройке всей системы снабжения голодающих позволили выправить катастрофически складывавшуюся ситуацию.

1.3. Помощь голодающим Чувашии со стороны иностранных организаций

*Пусть кладбищами голодной смерти
каждый из вас проташится сам!*

В.В. Маяковский, «Моя речь на Генуэзской конференции»

Значительную помощь населению голодающих районов оказывали различные международные организации. Чрезвычайная ситуация с продовольственным снабжением, сложившаяся в 1921—1922 годах, была тем случаем, когда «первый и единственный раз коммунисты допустили прямую иностранную помощь населению»¹⁵⁰. По характеру всю иностранную помощь можно разделить на две большие группы: оказываемая постоянно на протяжении определенного, достаточно длительного периода времени и единовременная. К первой группе относится деятельность всех благотворительных организаций, действовавших на территории Поволжья: Американской администрации помощи (АРА)*, Международной федерации тредюнионов (МФТЮ), Миссии Международного Красного Креста (ММКК) и т.д. Их характерными особенностями являются: организованная структура, наличие собственного аппарата служащих, постоянная связь со страной — поставщиком продовольственной и медицинской помощи, сотрудничество с местными органами власти. Ко второй группе относятся акты оказания единовременной помощи различными иностранными структурами. Эта помощь, будучи доставлена на территорию Советского государства, распределялась через сеть уже функционировавших здесь иностранных организаций или же через советские органы власти¹⁵¹.

* Аббревиатура «АРА» получена от сокращения названия организации на английском языке (American Relief Administration). В отчетах Помгола Чувашской автономной области встречается использование аббревиатур «ААП» (сокращение от русской транскрипции названия) и «Ракпод» («Русско-американский комитет помощи голодающим детям ЧАО»).

В августе 1921 г. после напряженных переговоров Советское правительство подписало в Риге с представителями АРА договор о помощи, по которому американская сторона брала на себя обязательство кормить своими продуктами один миллион голодавших детей. Позднее, ознакомившись с ситуацией на местах, АРА несколько раз меняла цифру в сторону увеличения и расширения охватываемых контингентов, доведя ее к февралю 1922 г. до 2 млн детей и 5 млн взрослых¹⁵². Советская сторона брала на себя перевозку и охрану американских грузов внутри страны, предоставление помещений, оплату работы местного персонала и т.п. Самой распространенной формой деятельности АРА стало открытие столовых. Их организацией, а также зачислением на довольство голодающих детей занимались специальные комиссии, состоявшие как из сотрудников АРА, так и из представителей советской власти на местах. Не предусматривавшимися изначально мерами помощи, на которые пришлось пойти ввиду размаха голода, были организация питания для взрослого населения и проведение различных медицинских мероприятий (в частности, борьба с эпидемиями)¹⁵³.

Проблемой, значительно осложнявшей оказание помощи голодающим со стороны международных структур, было недоверие и подозрительность, столь характерные для отношения к деятельности иностранных организаций со стороны советских центральных и местных органов управления. Так, в выступлении Л.Д. Троцкого о «текущем моменте» констатировалось, что помощь АРА не что иное как попытка Соединенных Штатов возместить «трудящимся голодающим массам хотя бы часть тех несправедливостей и опустошений, которые были им причинены политикой правительства Вильсона через посредство чехословаков и Колчака»¹⁵⁴. Однако при этом подготовленное агитационным отделом Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвет) руководство для агитаторов по проведению Всероссийской недели помощи голодающим предписывало подчеркивать политическое значение бедствия и характеризовать международную помощь как «сплошное лицемерие»¹⁵⁵. В постановлении «О помощи голодающим» IX Всероссийского съезда Советов, проходившего 23—28 декабря 1921 г., отмечалось, что «Советская республика не могла рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь из-за рубежа, находясь в кольце враждебных капиталистических государств»¹⁵⁶.

Крайне скупо и занижено оценивалась роль международных организаций в борьбе с голодом местными советскими и партийными деятелями. Так, председатель облисполкома Чувашской автономной области С.А. Коричев писал в воспоминаниях, что МФТЮ «в отдельных школах наладила бесплатное питание и открыла несколько детских столовых», а роль АРА «ограничилась открытием нескольких столовых»; областной военный комиссар И.Е. Ефимов в мемуарах скупо отметил, что «некоторую помощь голодающим детям Чувашии» оказывала Американская администрация помощи¹⁵⁷.

И в дальнейшем в советской историографии деятельность иностранных благотворительных организаций, оказывавших широкомасштабную помощь Советской России, рассматривалась как вражеская, контрреволюционная, основанная на вмешательстве во внутренние дела советского государства. «Американские империалисты под видом помощи голодающим направили в неурожайные районы американскую администрацию помощи, которая пыталась проводить разведывательную работу и антисоветскую агитацию среди населения», «при помощи АРА правящие круги США надеялись создать в нашей стране опорные пункты из различных контрреволюционных элементов, дискредитировать советскую власть», «многочисленные факты свидетельствовали о том, что представители АРА нередко пытались использовать хлеб и сгущенное молоко в политических целях», — традиционно утверждала советская историография¹⁵⁸.

Однако сложно тогда объяснить, почему председатель ЦК Помгол М.И. Калинин признал «большую роль заграничных организаций, в частности, АРА» в достижении результатов в борьбе с голодом, почему представитель СНК РСФСР при АРА А.В. Эйдук в интервью в январе 1922 г. заявил, что «американская поддержка в области помощи голодающим выливается сейчас в такие формы и размеры, что мы должны с ней считаться как с фактором первостепенного значения», и почему IX Всероссийский съезд Советов, несмотря на вышеприведенную нами констатацию, что «Советская республика не могла рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь из-за рубежа», выразил благодарность Фритьофу Нансену, «бескорыстно прилагающему старания к получению от других государств помощи для голодающих Поволжья», и Американской администрации помощи, «развившей эту помощь в наиболее широких размерах»¹⁵⁹.

В явное противоречие с приведенным выше утверждением председателя облисполкома Чувашской АО и по совместительству председателя Облпомгола входит направленное за его же подписью официальным представителям МФТЮ и опубликованное на страницах газеты «Чувашский край» благодарственное письмо, в котором отмечалось, что «пятьдесят тысяч ваших пайков для взрослых и сорок две тысячи детских на фоне людоедства говорят за все»¹⁶⁰. «Братское спасибо» за оказанную продовольственную помощь адресовали АРА и некоторые волостные исполкомы Чувашской АО¹⁶¹. Высоко оценило деятельность АРА и руководство Татарской АССР, подчеркнув, что «американский народ своей помощью населению в ТатССР спас десятки тысяч человеческих жизней, в том числе подрастающего поколения — детей. Своевременная доставка в ТАССР и умелая организация технического аппарата распределения продуктов органами Американской администрации помощи говорит о Вашем чутком отношении к человеческому горю и ЦК Помгола просит Вас принять нашу признательность за работу Американской администрации помощи в Татарской Республике»¹⁶².

Как показало анкетирование, проведенное В.В. Кондрашиным, в Поволжье и на Урале старожилы с благодарностью вспоминали благотворительную деятельность АРА в их деревнях¹⁶³. Вряд ли было бы возможно такое отношение населения при незначительном участии международных организации в спасении людей от голодной смерти. Значительную — и в ряде случаев первостепенную — роль международной помощи подтверждают конкретные факты. Например, «только после, когда стали получать помощь АРА, стали организовывать в деревнях столовые», — отмечено в воспоминаниях еще одного «ответственного» работника, заведующего Ядринским уездным отделом социального обеспечения Д.Г. Гурьева¹⁶⁴. О существенной помощи международной общественности свидетельствуют информационные сводки ГПУ*, приведенные в них свидетельства позволяют по-новому взглянуть на деятельность АРА, преодолеть идеологический стереотип в ее оценке. Так, госинфсводки чувашских чекистов за март 1922 г. сообщали, что только от АРА получалась регулярная продовольственная помощь, а столовые, содержащие-

* Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР — орган по охране государственной безопасности — было создано постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. на основе аппарата ВЧК. В 1923 г. преобразовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление).

ся на средства Наркомпрода, действовали с большими перебоями вследствие несвоевременной доставки продуктов¹⁶⁵.

Все голодающие регионы России АРА разделила на районы, границы которых приблизительно совпадали с административно-территориальным делением. Центром одного из таких районов стала Казань. Первоначально Казанский район состоял только из кантонов Татарской республики, но уже в декабре 1921 г. к ним добавились Марийская область и небольшая часть Чувашской автономии¹⁶⁶. Другая часть ЧАО была отнесена к Чувашскому району с центральным пунктом в г. Чебоксары¹⁶⁷. Многочисленные факты опровергают утверждения, что помощь АРА в Поволжье стала поступать лишь в декабре 1921 г. — январе 1922 г., а по мнению некоторых авторов — даже весной 1922 г.¹⁶⁸ В действительности, уже 23 сентября 1921 г. в Татарскую республику прибыл 2-й маршрутный поезд с продуктами АРА¹⁶⁹. Следовательно, 1-й поезд привез продукты еще раньше. Для Чувашии первый маршрутный поезд с продовольствием был отправлен Американской администрацией помощи из Москвы 26 октября 1921 г. В составе было 11 вагонов картофеля, 2 вагона с рожью, 1 — с крупой и 2 — со смешанными продуктами¹⁷⁰.

В Чувашской автономии АРА сначала была готова принять под свою опеку 50 тыс. детей, однако впоследствии их число было уменьшено вдвое с условием обратного увеличения при первой же возможности¹⁷¹. Архивные документы свидетельствуют, что АРА и МФТЮ действовали только в сельских районах и разбили территорию автономии на так называемые «зоны ответственности»: Американская администрация помощи открывала свои столовые в Чебоксарском и Цивильском уездах, Международная федерация тред-юнионов — в Ядринском и Ибресинском¹⁷². В пайковую норму АРА входила сдобная булка, рисовая каша, какао, сгущенное молоко¹⁷³. Калорийность рациона менялась в зависимости от ситуации: в декабре 1921 г. она составляла около 800 ккал в день, но в самые напряженные моменты с поставками снижалась до 500 ккал¹⁷⁴. Конечно, для нормального развития детского организма (при потребности в 1500—1700 ккал в сутки) этого было недостаточно, однако сохранение стандартной нормы пайка означало сокращение количества детей, получающих столь необходимую помощь. Поэтому выбор делался в пользу уменьшения рациона с сохранением численности охваченных продовольственной поддержкой.

Следует отметить, что американцы изначально рассматривали свой паек только в качестве «добавочного питания к существующему основному» пайку¹⁷⁵. Однако в действительности все могло складываться с точностью наоборот: например, на объединенном заседании представителей Президиума Симбирского губернского исполкома, Губпомгола, АРА, уполномоченного правительства РСФСР при всех заграничных организациях, Помгола по Симбирскому району от 23 марта 1922 г. было принято решение, что «питание голодающих производится сначала пайками АРА, а по истечении таковых — Помгола»¹⁷⁶. На практике же скромный паек АРА зачастую оказывался единственным питанием ребенка.

Столовые АРА и МФТЮ открывались практически в каждой волости Чувашской автономии. Так, в Убеевской волости Цивильского уезда было организовано питание 650 детей в 15 столовых АРА. В Батыревском (Ибресинском) уезде в Шихазановской волости в 17 столовых АРА питалось 2 144 ребенка в возрасте до 14 лет, в Муратовской волости — 2 111 детей в 22 столовых, в Хормалинской волости в столовых АРА питалось 30% голодающего населения и т.д. К июню 1922 г. в Чувашии в 294 организованных АРА столовых питалось 31 947 детей, еще 42 073 детей — в 329 столовых МФТЮ¹⁷⁷. Всего же в области действовало 2 092 столовых, в которых кормилось 149 307 детей и 72 114 взрослых. По данным Центрального статистического управления, к августу 1922 г. на полном иждивении заграничных организаций находилось 20% голодающего населения Чувашской автономии¹⁷⁸.

Стоит отметить, что в ряде случаев местные органы управления обкладывали семьи, чьи дети питались в столовых АРА, дополнительными налогами, используя какой-либо благовидный предлог. Так, в Алатырском уезде, где АРА обеспечивала продуктами питания 22% голодающего населения, на заседании Президиума упомгола 16 марта 1922 г. было принято решение об обложении родителей всех питающихся в столовых АРА детей налогом по 30 тыс. руб. в месяц с каждого «для поддержания дальнейшей работы столовых»¹⁷⁹. Однако на самом деле работоспособность столовых АРА мало зависела от финансовых вливаний советских государственных структур. По-видимому, таким образом власти пытались изыскать средства на жизнеобеспечение других категорий населения, а возможно, и на увеличение продовольственного снабжения «нужных» людей.

По состоянию на 1 августа 1922 г. международными организациями в Чувашию было доставлено 161,2 тыс. пудов продоволь-

ственных грузов. При этом органами статистики отмечалось, что в Чувашию наряду с Челябинским районом продовольственная помощь была доставлена в наименьших размерах по сравнению с другими регионами (Таблица 1).

Таблица 1

Сведения о доставленном международными организациями в голодающие регионы продовольствии (по состоянию на 1 августа 1922 г.)

Районы	Всего грузов		В пудах на 1 душу голодающего населения
	в тыс. пудов	в % к итогу	
Саратовский	4684,8	17,1	1,5
Царицынский	3615,1	13,2	1,8
Самарский	5045,0	18,3	1,8
Челябинский	107,8	0,4	0,1
Татреспублика	3888,7	14,2	0,7
Уфимский	2199,3	8,0	2,0
Симбирский	2107,4	7,7	1,2
Чувашский	161,2	0,6	0,2

Источник: Бухман К. Голод 1921 года и деятельность иностранных организаций // Вестник статистики. — 1923. — Книга XIV. — № 4—6. — С. 105.

Кроме непосредственной продовольственной помощи, зарубежные организации ввиду вспышки в охваченных голодом районах эпидемических заболеваний доставляли в автономию и различные медицинские препараты (вакцину для борьбы с дизентерией, жаропонижающие лекарства и т.п.)¹⁸⁰. Почти исключительно от АРА поступали госпитальные принадлежности¹⁸¹. Следует отметить, что в марте 1922 г. Облпомгол обратился в Управление АРА с ходатайством о выделении специальных пайков для медперсонала области¹⁸².

Обратился Облпомгол и к европейскому пролетариату с просьбой о помощи «сотням тысяч терпящих муки голода»¹⁸³.

По инициативе III Коммунистического интернационала (Коминтерна) был создан Международный комитет рабочей помощи голодающим (Межрабпомгол). В декабре 1921 г. первый продовольственный транспорт Межрабпомгола прибыл в Казань¹⁸⁴. В сентябре 1922 г. Межрабпомгол приступил к работе в Чувашской АО¹⁸⁵. Его представителем стал Антонин Яноушек. За почти год работы в столице автономии чехословацкий революционер практически стал послом международной солидарности и помощи чувашскому народу. Усилиями «Антоня Антоновича» (так звали Яноушека в России) в Чебоксарах был открыт детский дом им. В.И. Ленина на 500 человек¹⁸⁶, в котором детей помимо создания условий для простого жизнеобеспечения еще и учили политехническим навыкам¹⁸⁶. В воспоминаниях журналиста Степана Лашмана утверждается, что А. Яноушек также организовал в столице Чувашии и первый инкубатор для искусственного выведения цыплят¹⁸⁷. Вообще, Межрабпомгол был единственной из международных организаций, которая занималась ввозом на территорию России орудий сельского хозяйства, промышленности и транспорта¹⁸⁸.

С лучшей стороны показали себя международные организации в Чувашской автономии, чего нельзя, к сожалению, сказать о некоторых представителях советской власти. Так, ревизия, проведенная в конце апреля 1922 г. инспектором АРА по Ядринскому уезду, показала, что волостные представительства АРА (волракоподы) «к делу питания детей относятся очень халатно». Выяснилось, что, получив продукты со складов АРА, волракоподы распределяли их между местными столовыми с задержкой в 10—14 дней; входящейисходящая корреспонденция и бухгалтерские книги велись с нарушением требований или не велись вообще. Не было обращено должного внимания на подготовку столовых и инструктирование заведующих: в представленном отчете инспектор АРА отметил, что «помещения столовых грязны, совершенно не оборудованы, кухонь нигде нет, варка завтраков производится в сараях, совершенно не приспособленных для этой цели», «сарай без крыш или с полуразвалившимися крышами, крышек у котлов нет, почему сор, пыль, дождевая вода могут свободно попадать в котлы»¹⁸⁹.

* В воспоминаниях областного военного комиссара И.Е. Ефимова приводится другой вариант названия («Детский дом имени К. Маркса и В.И. Ленина») и указывается меньшая цифра воспитывавшихся детей (300 человек). См.: **Ефимов И.Е.** В первые годы Чувашской автономии. — Чебоксары, 1964. — С. 20.

На местах допускалось неправильное распределение питания, а то и прямое воровство продуктов. Так, председателем местного сельсовета со склада МФТЮ на станции Ибреси было похищено более 9 пудов сала¹⁹⁰. И такие случаи не были единичными. После четырехдневного инспектирования в мае 1922 г. Ядринского уезда представитель делегации Международной федерации тредюнионов Рубен представил в бюро помгола на станции Канаш соответствующее заключение «о безобразиях в столовых». Оказалось, что «впечатление от детского питания в столовых у него катастрофическое. Во многих столовых детские пайки разделены в сухом виде и съедены взрослыми», «большинство столовых дают фиктивные отчеты», «пайки получают дети обеспеченных граждан», а «действительно нуждающиеся дети голодают». В этой связи инспекторами МФТЮ был даже поднят вопрос о полном прекращении продовольственного снабжения Ядринского уезда. Только вмешательство представителей облпомгола и начало работы сессии Ревтрибунала позволило выправить ситуацию¹⁹¹. «Классовый принцип» при отборе получателей помощи отмечало руководство Казанского района АРА: в списках на питание оказывались дети коммунистов и советских работников, не испытывавших острой нужды в продовольственной помощи¹⁹².

Продолжая анализ места и роли АРА и других заграничных организаций в деле спасения голодающих, нельзя не вернуться к поставленному в самом начале вопросу об отношении руководителей Советской России к иностранным организациям. По данным председателя ЦК Помгол М.И. Калинина, АРА спасла от голодной смерти 10,4 млн советских граждан, а сформированная Ф. Нансеном организация, объединявшая главным образом добровольные общества Красного Креста девяти европейских государств (Швеции, Голландии, Чехословакии, Эстонии, Германии, Италии, Швейцарии, Сербии и Дании) — 1,5 млн человек; еще 220 тыс. голодавших выжили благодаря активной помощи тредюнионов¹⁹³. Почему, несмотря на такие внушительные цифры, руководители «первого в мире пролетарского государства» особой признательности к АРА и другим международным организациям (за исключением Межрабпомгола) не испытывали? Почему в советской историографии и в ряде работ современных исследователей выражается крайне негативное отношение к деятельности международных благотворительных организаций?

Самый точный ответ на поставленный вопрос содержится, наверное, в утверждении Л.Д. Троцкого, что голодающие получили «незабываемую помощь» от АРА, хотя американский комитет оказался «высококвалифицированным щупальцем, продвинутой правящей Америкой в самую глубь России»¹⁹⁴. В.И. Ленина и прочих вождей вполне устроила информация ведомства «Железного Феликса» Дзержинского, согласно которой из 300 американцев — сотрудников АРА — большинство были военными или офицерами американской разведки¹⁹⁵. Например, в Казанском районе, по данным Лубянки, из 10 работавших там американцев было «6 военных, 2 сражались в Белой армии, 3 работали в американской и английской разведке», и «по своим способностям и прошлому, в случае военного выступления, Казанское отделение АРА имеет опытного руководителя всеми операциями и людьми, могущими исполнять обязанности начальников штаба, отдела снабжения, разведки и т.д.»¹⁹⁶

Руководители Советской России фактически в каждом иностранце, и уж тем более в организованных структурах «видели» врага и, соответственно, потенциальную угрозу своей власти. Видимо поэтому местные органы управления (вероятно, с подачи центральных властей) вводили режим жесткого ограничения контактов представителей АРА и других международных организаций с государственными служащими и населением. Так, циркуляром Ибресинского уисполкома предписывалось осуществлять контакты с иностранцами, сопровождавшими грузы до станции Ибреси, только через специального уполномоченного, «без ведома коего никто из членов уисполкома и укомпомгола не имеет права войти с ними в деловые отношения»¹⁹⁷.

Конечно, нельзя отрицать проведения сотрудниками АРА разведывательных акций на территории нашей страны и фактов вербовки советских граждан. Но нельзя и так просто, основываясь на отдельных фактах, навешивать ярлык «шпионской и подрывной работы» со стороны целой организации. Обстоятельство, что в структуре АРА было значительное количество бывших военных, не является, на наш взгляд, достаточным поводом для обвинения в антисоветской деятельности. Следует отметить, что масштабы деятельности Американской администрации помощи и специфика ситуации в голодающих районах России требовали четкой координации процесса оказания помощи, поэтому неудивительно, что штаты АРА были укомплектованы военными,

привыкшими к беспрекословному подчинению и четкому выполнению поручений, способными реагировать на любые непредвиденные ситуации.

Нельзя не обратить внимания и на еще одно обстоятельство. В адрес представителей АРА и других международных организаций предъявлялось советской историографией и предъявляется рядом современных исследователей обвинение в спекуляции, попытках, используя голод, по дешевке закупать в России предметы антиквариата, произведения искусства, драгоценности и т.п. Без сомнения, такие обвинения возникли не на пустом месте, они имели реальную подоплеку. Так, 5 декабря 1922 г. на станции Себеж Витебской губернии были задержаны и отправлены в Москву семь мешков багажа сотрудников АРА общим весом 12 пудов 10 фунтов. При вскрытии в мешках оказались меха, драгоценности, ковры, старинные вещи. Дошли до нас свидетельства и о том, что сотрудники АРА в Казани и приезжавшие к ним из Москвы коллеги скупали золото, меха и т.д.¹⁹⁸

Однако сама советская власть провернула в отношении собственных граждан основанную на подобной схеме махинацию с куда более грандиозным размахом в период голода 1932—1933 годов. В ноябре 1931 г. Политбюро разрешило, а в декабре того же года постановление СНК СССР узаконило скупку золотых вещей у граждан в обмен на товары в магазинах «Специальной конторы по торговле с иностранцами на территории СССР» («Торгсин»). Руководство страны фактически расписалось в том, что меры для облегчения продовольственного положения в стране приняты не будут, а голод будет использован для выкачивания ценных сбережений граждан. За два голодных года люди принесли в «Торгсин» более 76 тонн чистого золота¹⁹⁹. Виктор Астафьев, вспоминая 1933 г. в своем сибирском селе, пишет: «В тот год, именно в тот год, безлошадный и голодный, появились на зимнике — ледовой енисейской дороге — мужики и бабы с котомками, понесли бархато и золотишко, у кого оно было, на мену, в «Торгсин»²⁰⁰. Драматизм ситуации состоял в том, что люди снимали с себя не только серьги и другие украшения, но и обручальные кольца, нательные кресты и т.п. При этом советские граждане платили золотом, да и платили втридорога, за товары сомнительного качества: документальные материалы «Торгсина» пестрят описаниями испорченных продуктов и ширпотреба низкого качества²⁰¹.

Резюмируя роль иностранных организаций в оказании по-

мощи голодающим, следует отметить, что советская власть вынуждено допустила подобное вмешательство в борьбу с голодом 1921—1922 годов. Кроме продовольственной помощи, зарубежные организации доставляли различные медицинские препараты, госпитальные принадлежности, сельскохозяйственную технику. Несмотря на то, что усилия международных организаций спасли от смерти миллионы человек, «благодарностью» за оказанную помощь стала оценка деятельности АРА и других организаций не иначе как «вражеской, контрреволюционной, основанной на вмешательстве во внутренние дела советского государства». Характерным явлением было обвинение сотрудников международных организаций в шпионаже, спекуляции, попытках, используя голод, по дешевке закупать в России предметы антиквариата, произведения искусства, драгоценности и т.п. Это клише прочно закрепилось в трудах советских и ряда современных историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Калинин М. И.** О помощи голодающим // Калинин М. И. Избранные произведения: в 4 т. Т. 1. — М., 1960. — С. 306.
2. См.: **Плаксин Р. Ю.** Тихоновщина и ее крах. — Л., 1987. — С. 168; **Кондрашин В. В.** Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. — М., 2008. — С. 52.
3. Краткая чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001. — С. 211.
4. **Орлов В. В.** Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. 107.
5. См.: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. — С. 59—60.
6. **Михайлов В. М.** Демографические последствия неурожая 1921 г. в Чувашской автономной области // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Выпуск IV. — Чебоксары, 2006. — С. 72—73.
7. **Орлов В. В.** Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия. — С. 107; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. — Чебоксары, 1974. — С. 122; **Петров И. Е.** Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. — Чебоксары, 1968. — С. 95; **Поляков Ю. А.** 1921-й: победа над голодом. — М., 1975. — С. 13—14, 22; **Ухъянкин С. П.** Спасенные жизни (об участии на-

родов Советской России в спасении детей Чувашии от голодной смерти в 1921—23 гг.). — Чебоксары, 1980. — С. 5.

8. **Михайлов В. М.** Указ. соч. — С. 71; **Тишкина А. В.** Причины голода 1921—1922 гг. в Среднем Поволжье // Исторические записки: межвузовский сб. науч. трудов. Выпуск 10. — Пенза, 2006. — С. 96.

9. **Кнурова В. А.** Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921—1922 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Астрахань, 2007. — С. 10; **Румянцев Д.**, свящ. Русская Православная церковь в годы большевистских гонений 1918—1926 годов // Азбука веры: электронная православная энциклопедия: [сайт]. URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/kniznaya_polka/rumiancev/rumiancev_istoriya_russkayapravoslavnaya_cerkov_2-all.shtml.

10. **Тополянский В.** Репортаж о голоде 1921—1922 гг. // Новая газета (цветной выпуск). — 2008. — 21 ноября.

11. **Александров Е.** Жертвою пали... // Независимая газета. — 1992. — 16 апреля. — С. 5.

12. **Максимов Л.** В те голодные годы // Чебоксарские новости. — 2008. — 11 ноября. — С. 5.

13. **Кондрашин В. В.** Указ. соч. — С. 318—319.

14. **Сануков К. Н.** Голод 1921—1922 годов в Марийской автономной области и американская помощь // Polemika: электронный журнал: [сайт]. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/06/san/>

15. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р—23. ОП. 1. Д. 13а. Л. 12.

16. **Орлов В. В.** Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. — М., 2009. — С. 347—350.

17. **Минеева Е. К.** Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920—1930-е годы). — Чебоксары, 2009. — С. 160, 377.

18. **Поляков Ю. А.** Переход к НЭПу и советское крестьянство. — М., 1967. — С. 287; **Кристкалн А. М.** Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997. — С. 18.

19. **См.: Терентьев А. И.** Чебоксары и чебоксарцы. — Чебоксары, 1992. — С. 20.

20. Анализ пожарной ситуации в республике за последние

годы // *Цивильский вестник* (Çёрпӹ хыпарши). — 2010. — 6 августа. — С. 2; ГИА ЧР. Ф. Р—687. Оп. 1. Д. 79. Л. 21, Оп. 2. Д. 2. Л. 4; *Лесное хозяйство Чувашии: два века в датах, событиях, фактах и цифрах* (1798—1998). — Чебоксары, 1998. — С. 178—179; *Очерки истории Марийской АССР (1917—1960)* / отв. ред. А.В. Хлебников. — Йошкар-Ола, 1960. — С. 140—141; **Хлебников А. В.** Образование и развитие советской автономии марийского народа. 1917—1929. — Йошкар-Ола, 1970. — С. 182.

21. **Кондратьев Н. Д.** По пути к голоду // Кондратьев Н. Д. Особое мнение: избранные произведения в 2 кн. Кн. 1. — М., 1993. — С. 96.

22. Постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции* (далее — *СУ РСФСР*). — 1918. — № 41. — Ст. 518.

23. **Поляков В. А.** К вопросу о продолжительности первого советского голода в 1920-е годы: на материалах Поволжья // *Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья* / отв. ред. А.Г. Иванов. — Йошкар-Ола, 2002. — С. 329.

24. **Роднов М. И.** Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. — М., 2009. — С. 12.

25. **Моргенштерн М. М.** 15 месяцев голодного фронта // *Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг.* — М., 1922. — С. 9.

26. См.: **Николаев Г. А.** Продовольственное положение Чувашии в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // *Вопросы истории Чувашии периода капитализма.* — Чебоксары, 1986. — С. 51—53.

27. *Очерки истории Чувашской областной организации КПСС.* — С. 111; *Хозяйственное строительство Чувашской автономной области.* — Чебоксары, 1921. — С. 33, 35.

28. См.: **Димитриев В. Д.** К истории сельского хозяйства и крестьянства Советской Чувашии в годы гражданской войны // *Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии.* — Чебоксары, 1983. — С. 43.

29. См.: *Резолюция VII Всероссийского съезда Советов «Об организации продовольственного дела в РСФСР»* // *Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Т. 1. 1917—1922 гг.*

— М., 1959. — С. 117.

30. **Орлов В. В.** Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. — С. 330.

31. **Лаптев Д. К.** Революцией призванные (Из воспоминаний красногвардейца). — Чебоксары, 1969. — С. 47.

32. **Петров И. Е.** Указ. соч. — С. 39—40.

33. Ленин и Чувашия. Документы, материалы, воспоминания. — Чебоксары, 1980. — С. 60—61.

34. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р—125. Оп. 1. Д. 3. Л. 173.

35. Там же. Ф. Р—389. Оп. 1. Д. 354. Л. 138.

36. См.: **Мокиенко В. М.** Словарь бранной лексики: Матизмы. Обсценизмы. Эвфемизмы. — Berlin, 1995. — S. 84; **Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Толковый словарь языка Совдепии. — М., 2005. — С. 337.

37. См.: Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. документов / сост. Е.В. Касимов. — Чебоксары, 2009. — С. 4; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. — С. 113; **Руссков Д. С.** К истории Чапанного восстания 1921 г. (по материалам Чебоксарского уезда) // Научно-информационный вестник докторантов, аспирантов, студентов ЧГПУ. — Чебоксары, 2008. — Т.1. — № 1 (11). — С. 109—113.

38. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П—9. Оп. 1. Д. 97. Л. 28—28об.; ГИА ЧР. Ф. Р—152. Оп. 1. Д. 71. Л. 193—193об.

39. ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 2. Д. 33. Л. 29—30.

40. См.: Ленин и Чувашия. Документы, материалы, воспоминания. — С. 64.

41. См.: Декреты Советской власти: Т. XVII. Июль 1921 г. — М., 2006. — С. 324.

42. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 474.

43. **Орлов В. В.** Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е гг. XX века: автореф. дис.... докт. ист. наук: 07.00.02. — Казань, 2009. — С. 30.

44. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2431. Л. 3об.

45. Там же. Инв. № 2439. Л. 84—85.

46. Отчет Чувашского областного экономического совещания Совету Труда и Оборона. Октябрь 1921 г. — март 1922 г. —

Чебоксары, 1922. — С. 20—21.

47. См.: **Петров Е. И.** Указ. соч. — С. 96; ГИА ЧР. Ф. Р.—125. Оп. 2. Д. 157. Л. 55—55об.

48. **Ухъянкин С. П.** Указ. соч. — С. 7.

49. Базанов В. Дело продовольствия в нашей области // Известия Ревкома Автономной Чувашской области. — 1920. — 20 августа. — С. 1.

50. **Куб-в Г.** [псевдоним]. Многострадальная волость // Известия (орган облисполкома, Чувотдела Наркомнаца и обкома РКП (б) ЧАО). — 1921. — 31 декабря. — С. 1—2.

51. Голодная статистика // Чувашский край. — 1922. — 12 мая. — С. 1.

52. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 34. Л. 36.

53. **Сеспель М.** Голодный псалом // Сеспель М. Собр. соч. — Чебоксары, 1959. — С. 127.

54. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 2об.

55. Подробнее см.: **Игошин Д. Н.** Некоторые стереотипы крестьянского сознания периода продовольственного кризиса весны — лета 1918 года (на материалах Среднего Поволжья) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. А. Г. Иванов. — Йошкар-Ола, 2002. — С. 291.

56. **П. Р-ский** [псевдоним]. Помощь близка! // Красный вестник. — 1921. — 10 августа. — С. 1.

57. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 55. Л. 8.

58. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 460, 499.

59. Чем питаются чуваша // Беднота. — 1921. — 15 ноября. — С. 2.

60. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 223—224.

61. **Александров В. Н.** В борьбе с последствиями неурожая 1921 года в Чувашии (Воспоминания). — Чебоксары, 1960. — С. 12.

62. Там, где голодают // Беднота. — 1921. — 13 октября. — С. 2.

63. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 218.

64. IX съезд Советов... Стенографический отчет. — М., 1922. — С. 36—37; **Поляков Ю. А.** 1921-й: победа над голодом. — С. 25.

65. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 550.

66. Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской области за время со II по III област-

ной съезд Советов (июль 1921 г. — ноябрь 1922 г.). — Чебоксары, 1922. — С. 11; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. — С. 122.

67. См.: Штрихи о голоде. — Чебоксары, 1922. — С. 10—11; ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 41.

68. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 460.

69. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 218об.

70. Человеческие документы // Известия ВЦИК. — 1922. — 12 января. — С. 2.

71. См.: Высă вырăнсенче [На местах голода] // Херле Урал (Красный Урал). — 1921. — 2 декабря. — С. 2.

72. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 556; ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 15, 36. Следует отметить расхождение отдельных цифр в опубликованных и архивных источниках. В госинфсводке за 1—15 января 1922 г., извлеченной из фондов ГИА ЧР (ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34), говорится о 10 тыс. погибших от голода; по сведениям полномочного представительства ВЧК за 7—10 января 1922 г., отложившимся в Центральном архиве ФСБ (Ф—1. Оп. 6. Д. 461. Л. 239—244) и опубликованным в сборнике «Советская деревня глазами ВЧК...» (Т. 1. С. 556), речь идет об 1 тыс. умерших от голода.

73. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 36.

74. **Мезенский Н.** Нужно развернуть шире // Известия Всета-тарского ЦИК. — 1922. — 11 января. — С. 3.

75. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 600.

76. Голод в Шибулгинской и Чуратчинской волостях // Чувашский край. — 1922. — 12 марта. — С. 2.

77. Цит. по: **Орлов В. В.** Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия. — С. 111.

78. См.: Штрихи о голоде. — С. 17.

79. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 568; ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 3. Д. 22. Л. 26.

80. Людоедство // Правда. — 1922. — 24 января. — С. 4; **Яр-в** [псевдоним]. Людоеды // Там же. — 27 января. — С. 4; **Робин Н.** Людоеды // Там же. — 28 января. — С. 2; **Ингулов С.** Голод в цифрах. — М., 1922. — С. 4; **Мариенгоф А. Б.** Циники. — М., 1990. — С. 76, 79, 82, 86, 92.

81. Ужасы голода // Чувашский край. — 1922. — 5 марта. — С. 2; Ужасы голода в Ибресинском уезде // Там же. — 14 марта. — С. 1; Голод и борьба с ним // Там же. — 22 марта. — С. 2.

82. **Терентьев А. И.** Указ. соч. — С. 191.
83. О Центральной Комиссии помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете: Декрет ВЦИК от 18 июля 1921 г. // СУ РСФСР. — 1921. — № 55. — Ст. 342.
84. **Кондрашин В. В.** Указ. соч. — С. 321; **Кнурова В. А.** Указ. соч. — С. 15; **Поляков Ю. А.** Указ. соч. — С. 33.
85. См.: **Ухьянкин С. П.** Указ. соч. — С. 11.
86. Работа начата // Красный вестник. — 1921. — 10 августа. — С. 2.
87. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.
88. Помощь голодающим детям и улучшение быта детей // Чувашский край. — 1922. — 7 января. — С. 1; ГИА ЧР. Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.
89. **Минеева Е. К.** Указ. соч. — С. 381.
90. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 201. Инв. № 488. Л. 57.
91. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 455—456, 468, 474.
92. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1196. Инв. № 4815. Л. 33об.
93. Там же. Ед. хр. 2361. Инв. № 8861. Л. 24.
94. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 458, 463, 475.
95. **Кондрашин В. В.** Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы международной конференции. — М., 1996. — С. 115—118.
96. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>.
97. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / пер. с фр. — М., 1999. — С. 135.
98. Декреты Советской власти. Т. XVII. Июль 1921 г. — М., 2006. — С. 153—156.
99. Газета «Помощь» // Беднота. — 1921. — 18 августа. — С. 1.
100. Россия в борьбе с катастрофами: в 2 кн. Кн. 2. XX век — начало XXI века / под общ. ред. С.К. Шойгу. — М., 2007. — С. 48.
101. См.: **Осоргин М. А.** Времена. — М., 1989. — С. 132.
102. Информационные материалы ВЧК—ОГПУ за 1918—1922 гг. как исторический источник / Л. Борисова [и др.] // Советская деревня... Т. 1. — С. 43; **Сабашников М. В.** Записки. — М., 1995. — С. 462; **Тополянский В.** Год 1921-й: покарание голодом // Континент: литературный, публицистический и религиозный жур-

нал: [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/130/topo15.html>.

103. См.: **Макаров В. Г., Христофоров В. С.** К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. — 2006. — № 3. — С. 199.

104. См.: **Моргенштерн М. М.** Указ. соч. — С. 12.

105. Сообщение ВЧК об арестах во Всероссийском Комитете помощи голодающим // Правда. — 1921. — 8 сентября; **Макаров В. Г., Христофоров В. С.** Указ. соч. — С. 202.

106. **Евстигнеев А.** Как отзывались места? // Беднота. — 1921. — 6 августа. — С. 1.

107. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 397, 435, 454, 457, 464, 520.

108. **Бородкин Л. И., Максимов С. В.** Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. — 1993. — № 5. — С. 126, 141.

109. ГИА ЧР. Ф. Р—611. Оп. 1. Д. 16. Л. 44.

110. Там же. Ф. Р—5. Оп. 1. Д. 56. Л. 50 и др.

111. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2431. Л. 4.

112. **Коричев С. А.** Первые шаги (воспоминания о первых шагах советской власти в Чувашии). — Чебоксары, 1969. — С. 46; ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 155. Л. 29.

113. ГИА ЧР. Ф. Р—5. Оп. 1. Д. 246. Л. 2.

114. Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов АЧО за время со II по III областной Съезд советов. — С. 9.

115. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф—16. Оп. 1. Д. 104. Л. 140об.

116. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 89.

117. **Орлов Ф. Н.** Огненные рейсы «Голубой двойки». — Чебоксары, 1982. — С. 13—14.

118. **Ухъянкин С. П.** Указ. соч. — С. 28—35; **Шульгин В.** Наши дети в Чехословакии // Народное просвещение. — 1922. — № 102. — С. 14—15; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 86.

119. **Ефимов И. Е.** В первые годы Чувашской автономии. — Чебоксары, 1964. — С. 24; История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917—1945. — Чебоксары, 2001. — С. 84; **Ухъянкин С. П.** Указ. соч. — С. 28—35; Чувашская область // Итоги борьбы с голодом 1921—22 гг. — С. 271.

120. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 2. Л. 51; Ф. Р—5. Оп. 1. Д. 151. Л. 8.
121. Там же. Ф. Р—5. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 3. Л. 117.
122. См.: **Димитриев В. Д.** Указ. соч. — С. 12—13.
123. См.: **Поляков Ю. А.** Указ. соч. — С. 37.
124. **Ухъянкин С. П.** Указ. соч. — С. 16—20.
125. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 142; Ф. Р—244. Оп. 1. Д.
144. Л. 23, Ф. Р—262. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.
126. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 92.
127. Вот как надо помогать голодным // Чувашский край.
— 1922. — 7 января. — С. 1; Борьба с голодом // Там же. — 10 января.
— С. 1; Идут на помощь // Там же. — 19 февраля. — С. 1.
128. **Моргенштерн М. М.** Указ. соч. — С. 18.
129. ГИА ЧР. Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 59. Л. 12; **Краснов А.** Оплăсе
килне сĕмĕс [В область пришли продукты] // Канаш. — 1922. —
18 июля. — С. 2; **Димитриев В. Д.** Указ. соч. — С. 28—29.
130. **Димитриев В. Д.** Указ. соч. — С. 29; **Моргунов М. И.** Бес-
смертный подвиг // Известия ВЦИК. — 1922. — 5 января. — С. 1.
131. **Львов П.** Из газет // Известия (Орган облисполкома, Чу-
вашского отдела Народного комиссариата по делам национально-
стей и обкома РКП (б) Чувашской АО). — 1921. — 27 сентября. — С. 1.
132. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 236об.
133. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 541, 556.
134. РГАСПИ. Ф—17. Оп. 65. Д. 228. Л. 26об—27об.
135. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 89об.
136. Там же. Л. 74.
137. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4с. Д. 9. Л. 241об.
138. **Александров В. Н.** Указ. соч. — С. 28—32.
139. **Орлов К.** Помощь должна быть постоянной // Чуваш-
ский край. — 1922. — 12 января. — С. 1.
140. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).
Ф. Р—4470. Оп. 1. Д. 6. Л. 125.
141. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 34. Л. 141об.; Ф. Р—787. Оп. 1.
Д. 7. Л. 3—9.
142. Положение ухудшается // Чувашский край. — 1922. —
22 марта. — С. 2.
143. Ликвидация Ядринского горпомгола // Чувашский
край. — 1922. — 23 апреля. — С. 1.
144. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 123; ГИА ЧР.
Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 1. Л. 85об.
145. ГИА ЧР. Ф. Р—5. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

146. **А. В.** [псевдоним]. Меры воздействия — помощь голодающим // Чувашский край. — 1922. — 5 апреля. — С. 2; **Сотрудник помгола** [псевдоним]. Да будет им стыдно // Там же. — 21 апреля. — С. 2.

147. В пользу голодающих // Чувашский край. — 1922. — 28 февраля. — С. 2.

148. Штраф в пользу голодающих // Чувашский край. — 1922. — 7 января. — С. 1; Правильно // Там же. — 10 января. — С. 1.

149. ГИА ЧР. Ф. Р—787. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

150. **Хоскинг Дж.** История Советского Союза. 1917—1991 / пер. с англ. П. Куценкова. — Смоленск, 2000. — С. 112.

151. **Кнурова В. А.** Указ. соч. — С. 17—18.

152. В ЦК помощи голодающим // Известия ВЦИК. — 1922. — 19 февраля.

153. См.: **Усманов Н. В.** Оренбургское отделение АРА (1921—1923 гг.) // Вопросы истории. — 2007. — № 12. — С. 111, 115.

154. Тов. Троцкий о моменте // Известия Всетатарского ЦИК. — 1922. — 24 марта. — С. 1.

155. НА РТ. Ф. Р—4470. Оп. 1. Д. 27. Л. 167.

156. См.: Постановление IX Всероссийского съезда Советов «О помощи голодающим» // Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Т. 1. 1917—1922 гг. — М., 1959. — С. 165.

157. **Ефимов И. Е.** Указ. соч. — С. 22; **Коричев С. А.** Указ. соч. — С. 52.

158. См.: **Лукашова О. М.** Советская страна в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Образование СССР (1921—25 гг.). — М., 1952; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) / под ред. А. П. Кучкина. — М., 1955; **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 169; **Поляков Ю. А.** Указ. соч. — С. 93; **Портной И. Л.** Провал антисоветской деятельности АРА на юге Украины (декабрь 1921 г. — июнь 1923 г.): дис. ... канд. ист. наук. — Одесса, 1955; **Трифонов И.** Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). — М., 1960.

159. См.: **Калинин М. И.** Год работы // Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг. — С. 4; П. [псевдоним]. Рекорд за Америкой // Известия ВЦИК. — 1922. — 15 января. — С. 2; Постановление IX Всероссийского съезда Советов «О помощи голодающим». — С. 166.

160. Рабочим Запада нашего чувашское спасибо // Чувашский край. — 1922. — 10 мая. — С. 1.

161. Братское спасибо // Чувашский край. — 1922. — 15 но-

ября. — С. 1.

162. НА РТ. Ф. Р—4470. Оп. 3. Д. 22. Л. 205.

163. См.: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. — С. 66.

164. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1196. Инв. № 4815. Л. 32.

165. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 596—597.

166. **Аншакова Ю. Ю.** Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921—1922 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2007. — Т. 9. — № 2. — С. 383.

167. Голодающие дети // Беднота. — 1921. — 18 сентября. — С. 2.

168. См.: **Александров Е.** Жертвою пали... — С. 5; **Аншакова Ю. Ю.** Указ. соч. — С. 385; **Максимов Л.** В те голодные годы... — С. 5.

169. См.: Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 500.

170. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 241об.

171. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 9. Л. 241; ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 2. Д. 5. Л. 80об.

172. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 27. Л. 178; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 87.

173. Помощь «АРА» // Чувашский край. — 1922. — 19 февраля. — С. 1.

174. Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. — 1921. — № 18. — С. 22; **Аншакова Ю. Ю.** Указ. соч. — С. 384.

175. **Бухман К.** Голод 1921 года и деятельность иностранных организаций // Вестник статистики. — 1923. — Книга XIV. — № 4—6. — С. 107.

176. ГИА ЧР. Ф. Р—195. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

177. Борьба с голодом // Чувашский край. — 1922. — 21 февраля. — С. 1; ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 4. Д. 28. Л. 7об; Ф. Р—611. Оп. 1. Д. 42. Л. 8, 10.

178. См.: **Бухман К.** Указ. соч. — С. 94; Чувашская область // Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг. — С. 271.

179. ГИА ЧР. Ф. Р—195. Оп. 1. Д. 16. Л. 26об.; Д. 34. Л. 4.

180. **Краснов А.** Оплăсе килне симĕс [В область пришли продукты] // Канаш. — 1922. — 18 июля. — С. 1; ГИА ЧР. Ф. Р—263. Оп. 1. Д. 79. Л. 1—2.

181. **Бухман К.** Указ. соч. — С. 104.

182. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об.

183. Там же. Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

184. **Бухман К.** Указ. соч. — С. 110.

185. Отчет о деятельности Областного исполнительного ко-

митета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов АЧО за время со II по III областной Съезд советов. — С. 13.

186. Подробнее см.: **Козлов Ф. Н.** Посол доброй воли // Чебоксарские новости. — 2009. — 27 октября. — С. 2.

187. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2437. Л. 35.

188. **Бухман К.** Указ. соч. — С. 104.

189. ГИА ЧР. Ф. Р—106. Оп. 1. Д. 347. Л. 43.

190. Там же. Ф. Р—100. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

191. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 777. Инв. № 2439. Л. 165.

192. **Аншакова Ю. Ю.** Указ. соч. — С. 383.

193. **Калинин М. И.** За эти годы. Кн. 1. — Л., 1926. — С. 205.

194. **Тополянский В.** Год 1921-й: покарание голодом // *Континент: литературный, публицистический и религиозный журнал*: [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/130/topo15.html>

195. **Городничий Н. Ф.** Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // *Вопросы истории*. — 1968. — № 12. — С. 49.

196. См.: **Аншакова Ю. Ю.** Указ. соч. — С. 388; **Макаров В., Христофоров В.** Гангстеры и филантропы: АРА под зорким наблюдением чекистов // *Родина*. — 2006. — № 8. — С. 84.

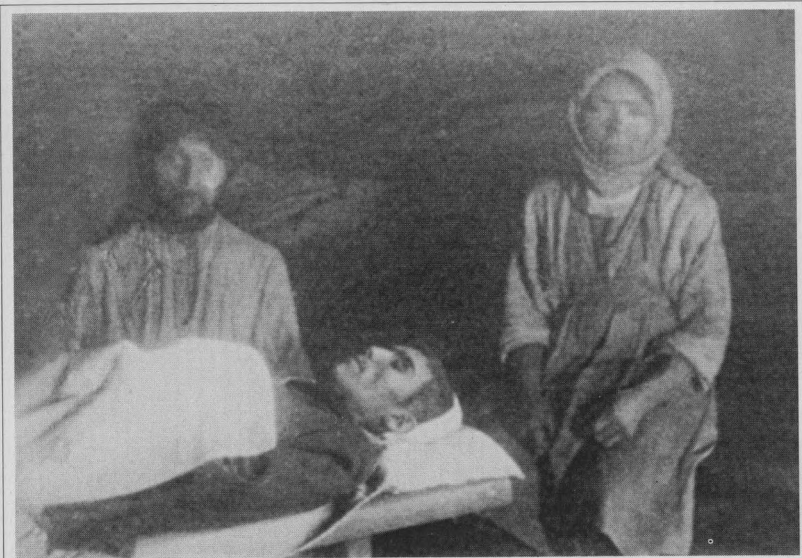
197. ГИА ЧР. Ф. Р—1610. Оп. 1. Д. 14. Л. 36.

198. См.: **Городничий Н. Ф.** Указ. соч. — С. 55.

199. См.: **Осокина Е. А.** Золото для индустриализации: «Торгсин». — М., 2009. — С. 19, 41, 97.

200. **Астафьев В.** Последний поклон // *Где-то гремит война*. — М., 1975. — С. 130.

201. **Осокина Е. А.** Указ. соч. — С. 94, 97.

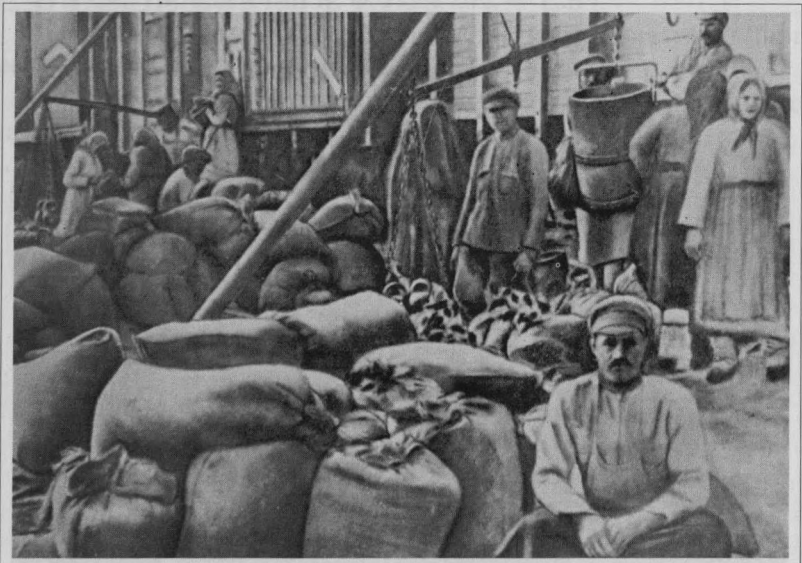
Родственники у гроба скончавшегося от голода крестьянина Т. Артемьева.
Чувашско-Сорминская волость Ядринского уезда. Ноябрь 1921 г.

Изба умерших от голода крестьян Дмитриевых.
Чувашско-Сорминская волость Ядринского уезда. Ноябрь 1921 г.

Семья Григорьевых за выпечкой лепешки из желудей.
Чувашско-Сорминская волость Ядринского уезда. Ноябрь 1921 г.

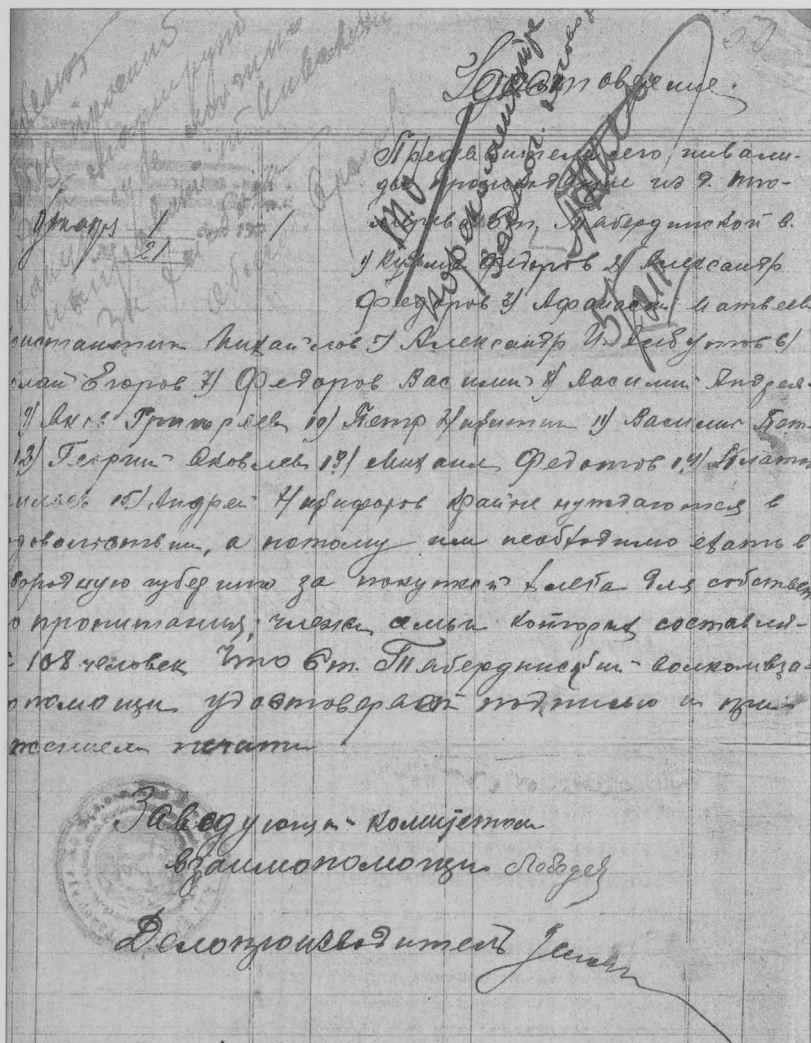
Мешки с зерном – помощь Московской губернии голодающей Чувашии.
Станция Шихраны (Канаш), 1921 г.

Группа детей, эвакуированных из голодающей Чувашии в колонию «Новые горки». Московская область. 1921 г.

Крестьяне, покидающие деревни во время голода.
Станция Шихраны (Канаш). 1921 г.

Удостоверение, выданное комитетом взаимопомощи
крестьянам д. Тюмерево Старотябердинской волости Цивильского уезда
на выезд в хлебобордную губернию за продовольствием.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОВЕДЕНИЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

2.1. Деятельность Русской Православной церкви по оказанию помощи голодающим

Спасение совершается по благодати или предопределению Божьему.
Августин Аврелий, «О предопределении святых»

Уже первые появившиеся известия о начавшемся в стране бедствии вызвали значительное общественное движение помощи голодающим, в которое включились многие светские и церковные организации в России и за рубежом. Однако на протяжении десятилетий в советской историографии превалировала идеологическая составляющая, «партийно обусловленный» подход вынуждал отечественных историков рассматривать проблему не столько с научных, сколько с политических позиций. В исследовательских работах преподносились «героические усилия» и «решающая роль» в борьбе с голодом продовольственной и иной помощи пострадавшим регионам со стороны Советского правительства¹ и, напротив, либо не говорилось вообще о вкладе Русской Православной церкви в оказание помощи бедствующему населению, либо Церковь выставлялась как откровенно реакционная сила, ни в коей мере не желавшая оказывать помощь голодающим и использовавшая катастрофическое положение в стране для оживления религиозных чувств «отсталой части населения»². Между тем, Русская Православная церковь одной из первых откликнулась на тяжелое бедствие, обрушившееся на Поволжье и другие регионы.

В августе 1921 г. Патриарх Тихон обратился к российской пастве, к восточным Патриархам³, к Папе Римскому и архиепископу Кентерберийскому с посланиями, в которых призвал провести сбор необходимого продовольствия и денежных средств: «Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха ва-

* *Восточные Патриархи* — четыре православных патриарха (Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский), управляющие греко-восточной церковью. Первенствующее положение принадлежит патриарху Константинопольскому.

шего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос Мой стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества»³. На призыв Патриарха Московского и всея Руси откликнулись католики, протестанты и представители других религиозных течений. Так, 86 тыс. пудов продовольственных товаров направили на Украину американские и голландские меннониты; на протяжении года Католическая миссия помощи кормила в столице страны 19 тыс. детей и 10 тыс. студентов; 270 тыс. человек взяли на свое обеспечение квакеры⁴.

Поддержала инициативы Патриарха Тихона по сбору добровольных пожертвований в пользу голодающих и многочисленная русская эмиграция. Русское зарубежное духовенство обратилось с призывом о помощи «Ко всем верующим в Бога Правительствам и народам всего мира» и установило в православных церквях (в Англии, Франции, Германии, Маньчжурии и др.) специальный кружечный сбор, на который затем было закуплено зерно и отправлено на имя Патриарха Московского и всея Руси с целью его дальнейшего распределения через приходы. Харбинский общественный комитет помощи голодающим, откликаясь на призыв Патриарха Тихона, принимал в качестве пожертвований даже церковные ценности. Выходившая в Белграде газета «Новое время» вообще предлагала «передать все дело помощи голодающим... в руки Святой православной Церкви», поскольку, по мнению редакции, оказать таковую была способна только Церковь. Речь шла не столько о сборе средств, сколько о распределении, поскольку в эмиграции сложилось устойчивое мнение, что большевики собранные средства используют не для спасения голодающих, а для своих агитационно-пропагандистских целей, для разжигания мировой революции⁵.

Сбор денег в помощь голодающим в храмах и среди отдельных групп верующих начался и по всей России. Под эгидой Церкви на местах создавались уполномоченные общественные органы. Так, в июле—августе 1921 г. в Новгороде под председательством митрополита Арсения был образован специальный комитет по оказанию помощи голодающим Поволжья, в сферу влияния которого вошли приходы Новгородской и Череповецкой губерний. Сам митрополит пожертвовал 100 тыс. руб. из собственных средств и выпустил воззвание ко всем верующим с призывом об оказании помощи голодающим⁶. В августе Комитет помощи го-

лодающим был образован в Оранском монастыре (Нижегородская губерния), монахами которого был перечислен 1,0 млн руб. и пожертвованы холсты и теплые вещи⁷. Тихвинский Успенский монастырь Новгородской епархии к 15 августа пожертвовал пострадавшим от неурожая также 1,0 млн руб.; в октябре от настоятеля монастыря архимандрита Антония (Демянского) поступило еще 416 168 руб. церковного сбора⁸. В сентябре-октябре 1921 г. приняли постановления об оказании помощи голодающим Поволжья общие собрания приходских религиозных общин Енисейского и Минусинского уездов Енисейской губернии; в ноябре 1921 г. призвал паству к сбору пожертвований епископ Назарий⁹. Сумма пожертвований в фонд помощи голодающим по Рязанской епархии с сентября 1921 г. по февраль 1922 г. составила свыше 1,0 млн рублей¹⁰. В начале 1922 г. единовременный церковный денежный сбор в пользу детей из Поволжья, прибывших в Новгородскую губернию, произвели священники Липицкой, Клевичской и Филиппогорской церквей Демянского уезда Новгородской губернии¹¹. Подобных примеров еще можно привести множество по всей стране.

При этом необходимо отметить, что осуществлялась эта деятельность на тонкой грани дозволенного, под постоянной угрозой неминуемых репрессий. Внутри партийного руководства страны не затихала борьба мнений о допустимости использования в складывающихся экстремальных условиях помощи религиозных организаций. Эта борьба подогревалась постоянными сообщениями с мест обо все усиливающихся лишениях и бедствиях. Однако выработать единой точки зрения высшее советское руководство не могло. Видимо поэтому ответа на обращения Патриарха об утверждении Положения о Церковном комитете, «мною образованном для оказания помощи голодающим», просто не последовало. Решения о возможности или невозможности Русской Православной церкви собирать пожертвования в помощь голодающим принимались на местном уровне и всецело зависели от позиции региональных партийных лидеров. Так, немногим более недели просуществовал епархиальный комитет помощи голодающим в Самаре, успев собрать только 1 250 руб. Его деятельность была признана «контрреволюционной», а все члены во главе с епископом Павлом арестованы и осуждены. Два запроса председателя ВЦИК М.И. Калинина в Самарский губисполком по этому делу вообще остались без ответа¹². В Татарии бюро обкома

партии, 28 марта 1922 г. рассмотрев предложение духовенства об организации общественной помощи голодающим, отказалось узаконить его, «принимая во внимание катастрофическое положение ТССР и невозможность ввиду этого организовать общественную помощь голодающим внутри самой республики»¹³. В Петрограде же сбор средств из церковного и личного имущества хотя и с колебаниями, но был разрешен¹⁴.

Лишь 8 декабря 1921 г. ВЦИК официально разрешил, наконец, религиозным организациям собирать средства в помощь голодающим, но для этого необходимо было появление специальных регламентирующих инструкций и положений. Последовала очередная продолжительная задержка по времени. Соответствующий документ был утвержден только 1 февраля 1922 г.¹⁵ В начале февраля была утверждена и «Инструкция, устанавливающая порядок сбора пожертвований, их направления и форм отчетности»¹⁶. Разрешив Церкви сбор пожертвований, власть поставила этот процесс под жесткий контроль со стороны ЦК Помгола и органов Рабоче-крестьянской инспекции в центре и губернских комиссий на местах¹⁷. Причинами столь длительной волокиты, по мнению Н.Н. Покровского, была боязнь дать хоть какое-то легальное поле действия неболшевицким общественным силам, а также продолжавшиеся споры вождей о наилучших методах искоренения религиозности и церковности в преимущественно крестьянской стране. Речь шла о выборе между однопланово-репрессивным подавлением чекистско-военными методами и допущением определенных компромиссов с лояльными советской власти церковными иерархами¹⁸.

6(19) февраля 1922 г. Патриарх Тихон обратился с очередным воззванием о помощи голодающим, в котором призвал православных протянуть «руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам» и не жалеть «для них ничего, деля с ними и кусок хлеба и одежду по заветам Христа»¹⁹. Под председательством самого Патриарха был образован «Всероссийский церковный комитет помощи голодающим»²⁰. К февралю 1922 г. Церковь собрала более 8 млн 962 тыс. руб. (без учета ювелирных изделий, золотых монет и натуральной помощи голодающим) — сумму, по размерам сопоставимую с помощью отдельных государственных структур²¹. И — главное, что следует подчеркнуть в данном случае, — пожертвования, несомненно, использовались на помощь голодным: по утверждению Я.Г. Кротова, «мы имеем упоминание

о продовольствии, полученном в Чувашии из Москвы на собранные деньги»²². Проходившие через Церковь средства действительно поступали к нуждающимся.

Однако добровольные пожертвования священнослужителей и верующих «не устроили тех, кто рассчитывал на все церковные богатства и их бесконтрольное использование», церковная организация была признана Советским правительством излишней²³. В недрах партийного руководства был подготовлен законодательный проект о насильственном изъятии церковных ценностей. Как писал А.И. Солженицын, «гениальность политика в том, чтоб извлечь успех и из народной беды. Это озарением приходит — ведь три шара ложатся в лузы одним ударом: пусть попы и накормят теперь Поволжье! ведь они — христиане, они — добренькие! Откажут — и весь голод переложим на них, и церковь разгромим; согласятся — выметим храмы; и во всех случаях пополним валютный запас»²⁴.

Между тем архивные документы и опубликованные источники содержат сведения о многочисленных фактах сборов добровольных пожертвований в церквях и после роспуска Всероссийского церковного комитета помощи голодающим и начала кампании по изъятию церковных ценностей. Даже в дни проведения насильственной экспроприации ценностей Церковь не оставалась в стороне от благого дела посильной помощи голодающему населению. 26 февраля 1922 г. представители приходов Бронницкой, Никольской, Подберезской и Новоселицкой волостей Новгородского уезда одноименной губернии на объединенном собрании приняли решение «поделиться последним куском хлеба с голодающими»²⁵. В марте петроградское духовенство при монастыре в Смольнинском районе организовало столовую на одну тысячу человек для «Центра беженцев Поволжья»²⁶. Местные органы управления были вынуждены «узаконивать» этот процесс, придавая видимую «легитимность» действиям священнослужителей. Так, почтотелеграммой исполкома Краснококшайского кантона Марийской АО, направленной в волостные исполкомы 20 апреля 1922 г., предписывалось «привлечь» духовенство к сбору пожертвований, организацию сбора средств представить самому духовенству «под строгим контролем» со стороны властных и карательных структур²⁷.

Подытоживая анализ деятельности Русской Православной церкви по оказанию помощи голодающим, следует подчер-

кнуть, что РПЦ одной из первых откликнулась на тяжелое бедствие, обрушившееся на Поволжье. По всей стране в храмах и среди отдельных групп верующих проводился сбор финансовых и материальных средств. В нескольких выпущенных Патриархом Тихоном воззваниях содержался призыв к православным и представителям других христианских течений протянуть «руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам». Откликнулись католики, протестанты и др. Поддержала инициативы Патриарха и русская эмиграция.

2.2. Законодательная и идеологическая подготовка к изъятию церковных ценностей

*Граждане! Поймите же, наконец,
Голод дошел до ужаса. Надо дать есть.
Хлеба нет. Надо на золото
его из-за границы привезть.
Мы нищи. А в церквях и соборах
драгоценностей ворох.*

В.В. Маяковский, «Граждане...»

Русская Православная церковь в трудные для страны дни одной из первых проявила заботу о ближних своих. Естественно, что принимаемые Церковью меры осуществлялись под «пристальным оком» правительственных и партийных структур. Изначально в Политбюро ЦК РКП (б) шла борьба по вопросу об отношении к духовенству и его деятельности по сбору средств в пользу голодающих. Так, видные партийные деятели А.И. Рыков, Л.Б. Каменев и М.И. Калинин выступали против принятия «решительных» мер в отношении духовенства, на чем настаивали Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и др. Ф.Э. Дзержинский с присущей ему прямолинейностью указывал, что «официальные или полуофициальные сношения с попами — недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не религию»²⁸. «Железный Феликс» категорически отверг предложение наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского использовать некоторых иерархов, чтобы «в безопасной для нас форме примирить с нами крестьянство идеологически». В.И. Ленин, по мнению ряда отечественных исследователей, первоначально колебался. Однако первые спровоциро-

ванные столкновения при конфискации ценностей подтолкнули его в сторону радикально настроенных партийцев²⁹.

Несмотря на всю трагичность ситуации, борьба с голодом партийными лидерами была разыграна и как карта для укрепления дисциплины в собственных рядах и усиления влияния партии на местах. В обращении ЦК РКП (б) «Об организации Всероссийской Центральной Комиссии по борьбе с голодом при ВЦИК», направленном на места в августе 1921 г., была выражена уверенность, что каждая местная партийная организация «проявит максимум инициативы, максимум организованности, что она сумеет создать не только сильный и глубокий порыв, пробудить волю к помощи голодающему населению, но что и в процессе этой работы она сумеет создать могучую организацию, сблизиться на этой работе с широкими рабоче-крестьянскими массами и еще сильнее укрепить сознание трудящихся, что только советская власть может вывести трудящихся из тяжелого положения при самых трудных условиях»³⁰. Вместо традиционного для российского крестьянства «Господи, помоги!» предлагалось актуализировать другой молитвенный лозунг: «Советская власть, помоги!»

Более того, продовольственную катастрофу в стране и изъятие церковных ценностей Л.Д. Троцкий и его сторонники предполагали использовать для разрешения усиливающихся финансово-экономических трудностей режима. Еще 11 ноября 1921 г. Л.Д. Троцкий был назначен «ответственным за объединение и ускорение работ по поиску валютных резервов вне зависимости от их происхождения». В декабре 1921 г. он выступил с сообщением о тяжелом экономическом положении страны на совещании части делегатов IX Всероссийского съезда Советов у председателя ВЦИК М.И. Калинина. Лев Давидович обратил внимание делегатов на острую нехватку средств на оборонные нужды, катастрофически малые размеры золотого запаса и прямо дал установку на необходимость изъятия церковных ценностей³¹. Отметим, что в речи Л.Д. Троцкого оказание помощи голодающим даже не было названо среди приоритетов предстоящей работы. Главный идеолог «перманентной революции» изначально указал на совсем иные цели и задачи предстоящей кампании.

С этого времени началась подготовка властных органов к активным мероприятиям по насильственному изъятию у Русской Православной церкви ценных предметов культа. Определенный опыт по экспроприации собственности советскими органами управления был уже накоплен. С самого начала своей деятельно-

сти новая власть как в центре, так и на местах проявляли немалую энергию в деле изъятия собственности и сокровищ «старого мира». Оптимизацией этого процесса не раз занималось даже Политбюро, подчас входя в мельчайшие детали³². Ярким примером экспроприации большевиками имущества «старорежимных хозяев» является национализация имущества Ефремовых, Кушевых и других представителей торгово-промышленных кругов г. Чебоксар. При конфискации недвижимого и движимого имущества описывалось все, вплоть до фарфоровых тарелок, эмалированных тазов, жестяных терок, глиняных блюд, чайных стаканов, чайных и столовых ложек и т.п.³³

Ко времени появления декрета ВЦИК от 16 (23) февраля 1922 г. о насильственном изъятии церковных ценностей партия уже накопила изрядный опыт не только по части общих конфискации, но и по части «оптимизации» имущества религиозных организаций. Законодательная база этой деятельности была заложена с первых же шагов советской власти. Одновременно с ликвидацией церковно-монастырского землевладения прошла и экспроприация недвижимого монастырского имущества. Предварительно определив, что «все бывшие церковно-приходские дома независимо от того, на чьи средства (государственные, частных лиц, церковные и т.п.) они выстроены, являются национализированными»³⁴, государство упростило себе задачу изъятия монастырских и церковных зданий. Стоит отметить, что на территории Чувашского края в 1918—1919 годах под закрытие в основном попали монастыри и церкви при больницах и других общественных учреждениях. Конфискация недвижимого имущества сопровождалась благовидными предложениями и основывалась на «ходатайствах» и «решениях» населения.

Определенным аспектом государственно-церковных отношений с полным правом следует считать проблему обеспечения продовольствием и предметами первой необходимости. В послереволюционные месяцы наблюдалось повсеместное сворачивание государственной и частной торговли, нарушились поставки товаров с фабрик и заводов, совершенно прекратился их ввоз из-за рубежа. Молодое советское государство стало принимать меры к наведению порядка, выразившиеся прежде всего в монополизации торговли и обеспечения продуктами питания. Усиливавшийся кризис продовольственного снабжения вынуждал власти к принудительному перераспределению наличного продовольствия. Декретом ВЦИК от 9 мая 1918 г. наркому про-

довольствия были представлены чрезвычайные полномочия по борьбе с укрывательством и спекуляцией хлебными запасами³⁵. Была установлена продовольственная диктатура, распределялись задания по поставкам продовольствия, на выполнение которых направлялись вооруженные отряды рабочих. Так, в июле-августе 1918 г. в Чувашии действовали 5 продовольственных, 3 агитационно-инструкторских и 5 заградительных (для борьбы против «мешочников») отрядов в составе более 1,5 тыс. рабочих из Москвы, Петрограда, Иванова, Рыбинска, Твери, Казани, Нижнего Новгорода и других городов³⁶.

21 ноября 1918 г. вышел Декрет СНК РСФСР «Об организации снабжения населения всеми продуктами личного потребления и домашнего хозяйства»³⁷, который окончательно закрепил государственную монополию на торговлю. В Высшем совете народного хозяйства был создан отдел цен (впоследствии преобразованный в Комитет цен), в директивном порядке устанавливавший так называемые «твердые» цены на товары. Государство объявило настоящую войну «мешочникам». Одним из средств борьбы со спекулянтами органы власти избрали реквизиции.

При этом изъятие продовольственных и товарных «излишков» активно проводилось не только у зажиточных крестьян и подпольных торговцев, но и в монастырских и церковных учреждениях. Зачастую сам факт обнаружения подобных «излишков» расценивался как попытка спекуляции. Например, в сентябре 1919 г. Казанская губчека по результатам обыска в Чебоксарском женском монастыре нашла неучтенные продовольственные (масло постное, соль, мука ржаная, рожь и овес) и непродовольственные (мыло, спички, карандаши) товары и расценила это как подготовку «спекуляции». Дело рассматривалось Чебоксарским районным продовольственным комитетом, который с учетом «малозначительности запаса» оценил обнаруженное продовольствие и товары только как «некоторое сбережение». Однако часть продуктов (рожь) была реквизирована, а остальное зачтено в норму обитателей монастыря на последующие месяцы³⁸.

Налагались на монастырские хозяйства и различного рода обязательства по поставке продуктов питания. Так, Казанский губернский продовольственный комитет своим распоряжением от 10 ноября 1919 г. обязал насельниц Цивильского Тихвинского женского монастыря «сдавать все молоко в губернский продовольственный комитет». Подобное решение вызвало негатив-

ную реакцию как 246 монахинь и послушниц, так и религиозной общины монастыря, постановившей «выразить протест против решения губпродкома», «возбудить ходатайство об освобождении монастыря от обязанности доставлять молоко», т.к. последнее «при отсутствии других питательных средств и недостаточном количестве хлеба» является основным средством поддержания насельниц³⁹.

С принятием в ноябре 1918 г. декрета о чрезвычайном революционном налоге⁴⁰ и предоставлением уездным, городским и губернским Советам депутатов права устанавливать единовременные чрезвычайные революционные налоги⁴¹ под соответствующее обложение наряду с другими «эксплуататорскими классами» попали и священнослужители. Так, на священников с. Янтиково и Алдиарово Цивильского уезда был определен налог в размере 1 000 руб., что примерно соответствовало средним показателям налоговых ставок по волости⁴². Вместе с тем необходимо отметить, что чрезвычайный налог на священнослужителей нередко значительно превышал аналогичное налоговое обложение представителей других бывших сословных групп — купцов и торговцев-мещан. Например, мариинско-посадским торговцам М.А. Журкину, В.И. Муштакову и В.Г. Бандину налог был определен всего в 500 руб., 1000 и 3000 руб. соответственно (10% от оценочной стоимости недвижимого имущества каждого)⁴³. На настоятеля Чебоксарского Троицкого монастыря был наложен чрезвычайный революционный налог в размере 10 000 руб. Ходатайство настоятеля о снижении налога Чебоксарская уездная по единовременному чрезвычайному революционному налогу комиссия отклонила, мотивировав, «что у настоятелей монастырей имеются большие средства, что, в частности, относится и к настоятелю Серафиму, и что сумму налога он может вполне уплатить»⁴⁴.

Вероятно, случаи произвольного обложения чрезвычайным налогом, без учета реально полученных духовенством доходов были нередкостью. Так, в конце 1919 г. Цивильским уездным финотделом рассматривалось прошение священника с. Старые Арабоси Г. Денисова о сложении установленного налога в размере 3750 руб., т.к. его жалование составляло всего 500 руб. в денежном выражении и около 75 пудов ржи, из которых 1/3 отдавалась псаломщику⁴⁵. Уникальным следует признать случай, когда на приходского священника с. Большие Кошелеи Батыревского

уезда Виктора Зайкова при предварительной разбивке в декабре 1918 г. был наложен чрезвычайный революционный налог в размере 50 000 руб.⁴⁶ (к сожалению, документы финансовых органов не содержат сведений об уплате священником налога). Однако спустя год на заседании Цивильского уездной по чрезвычайному налогу комиссии священник был освобожден от уплаты налога как «неплатежеспособный плательщик», «не имеющий никакого имущества»⁴⁷.

Знаменитый декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласил принцип полного лишения религиозных организаций любой собственности⁴⁸. В соответствии с Инструкцией Народного комиссариата юстиции РСФСР от 24 августа 1918 г. у церковных и религиозных обществ были отобраны фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы и «вообще все доходные имущества»⁴⁹, а инструкциями местных органов управления, разработанными на основании Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, в ведение государства были «отобраны имущества и капиталы, принадлежащие самим церквям и религиозным обществам, образованным для отправления какого-либо культа, а также обществам, преследующим цели оказания непосредственной помощи или поддержки религиозному культу»⁵⁰.

27 декабря 1921 г. появился декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях». В нем говорилось о судьбе «колоссальных ценностей, находящихся в церквях и монастырях, как историко-художественного, так и чисто материального значения». Все ценное имущество было распределено по трем категориям: «имущество, имеющее историко-художественное значение» (подлежало исключительному ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР), «имущество материальной ценности» (должно было выделяться в Государственное хранилище ценностей РСФСР) и «имущество обиходного характера» (оставалось в церквях и монастырях)⁵¹. Тем самым была создана предварительная законодательная база для изъятия ценностей.

14 января 1922 г. Л.Д. Троцкий, заместитель наркома внутренних дел А.Г. Белобородов и заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт разослали по губерниям телеграмму о создании в каждой из них специальных «троек» для изъятия ценностей.

Особая работа велась по линии ВЧК, органы которого на местах начали проводить мероприятия по выявлению и вербовке «лояльного духовенства».

Для прикрытия этих мероприятий ЦК Помгола вел переговоры с Патриархом Тихоном об оказании церковной помощи голодающим⁵². Комиссия обратилась к нему с настоятельным призывом к пожертвованиям, и 6(19) февраля Патриарх издал воззвание, в котором призывал приходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если они не имеют богослужебного употребления: «Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощания средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим»⁵³. Со стороны Патриарха это был дипломатический шаг в попытке разрешить все более конфликтно складывающуюся ситуацию и сохранить некоторый паритет (если такая формулировка применима в отношении государственно-церковных отношений в Советской России) с органами управления. Сделав «хорошую мину», власть предержащие разрешили опубликовать воззвание предстоятеля Русской Православной церкви. В последовавшем чуть позже Указе Патриарха конкретизировалось, что «Мы разрешаем отдавать только лом и подвески с образов»⁵⁴.

Несмотря на готовность православного духовенства пожертвовать часть церковной утвари для помощи голодающим, 16 февраля был принят ВЦИК, а 23 февраля опубликован в «Известиях» Декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих, в соответствии с которым местным Советам надлежало в месячный срок изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, «драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»⁵⁵. По мнению некоторых церковных исследователей, этот декрет ВЦИК появился «совершенно неожиданно»⁵⁶, хотя вышеприведенные факты четко и ясно свидетельствуют о планомерной подготовке данного законодательного акта. Тем самым центр тяжести был окончательно

перенесен на насильственное изъятие властью церковных ценностей. Партийные «эксперты» даже подсчитали, что, по самым неполным данным, в распоряжении только православных церквей находилось столько ценностей, что церковное богатство должно было составить в переводе на серебро 525 тыс. пудов, ценностями церквей можно было загрузить поезд длиной в 7 верст и в результате их реализации можно было прокормить до нового урожая несколько десятков миллионов человек и обсеменить поля озимого клина в неурожайных губерниях⁵⁷. Не зря Л.Д. Троцкий в письме В.И. Ленину утверждал, что будет «в этом смысле добыча крупнейшая»⁵⁸.

С принятием декрета началась масштабная общероссийская кампания по его реализации. По стране в целом и на местах проводилась массовая агитационная кампания. Шифрограмма ЦК РКП (б) от 23 февраля 1922 г., направленная губкомам РКП (б), подчеркивала, что необходимо «организовать» движение беспартийных рабочих и крестьян в пользу использования золота и серебра, лежащего в храмах, для голодающих и «расширить» уже начавшееся движение «до размеров общесоюзного движения, добившись того, чтобы не было ни одной фабрики, ни одного завода, не принявших решения по этому вопросу»; местным партийным структурам вменялось «все решения рабочих, красноармейских и крестьянских собраний немедленно печатать в местной прессе и присылать одновременно в «Правду», «Известия» и РОСТ»⁶⁰.

«Следует подумать о церковных драгоценностях», — заявлялось в «Известиях Всетатарского ЦИК», — «молиться можно и на иконы без серебряных риз, причащаться можно и из глиняных чаш»⁶⁰. В годину великого бедствия государство «обязано взять сокровища церкви», а верующие во имя любви к ближнему «должны добровольно отдать на борьбу с голодом ценности», — декларировалось в совместном обращении Казанского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов и Совета профессиональных союзов Татареспублики⁶¹. 24 февраля «Правда» опубликовала «обращение» самарских крестьян, которым «ведомо, что наше государство нищее, что у него нет сил прокормить всех голодных», и призывавших «нашу власть» принять меры, чтобы «большое имущество, сложенное в церквях и монастырях» пошло на прокормление голодных⁶². На страницах газеты «Красный пахарь», ориентированной на крестьянскую аудиторию Иркутской

губернии, в апреле 1922 г. появились призывы: «Помогите быстро и решительно изъять церковные драгоценности и обменять на хлеб!.. Следите, чтобы не была скрыта и не пропала ни одна крупица золота, которая принадлежит теперь голодным»⁶³. Действия властей при этом преподносились как «ответ на требования масс». Так, официальный «рупор» советской власти — газета «Известия ВЦИК» — утверждала, что изъятие церковных ценностей вызвано не чем иным как настойчивыми требованиями населения, и «пока среди самих масс не назрела мысль об изъятии церковных ценностей для спасения гибнущего Поволжья, власть не считала нужным прибегать к этой мере»⁶⁴.

Патриарх отреагировал на декрет посланием от 15 (28) февраля, в котором прямо заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею как святотатство»⁶⁵. Партийные идеологи тут же вывели тезис, что «единственный ресурс спасения голодающих — изъятие церковных ценностей — встретил организованный отпор со стороны черносотенной церковной верхушки», а «церкви превратились в политические клубы, где идея изъятия всячески поносились»⁶⁶. Секретарь ЦК РКП (б), председатель Антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б) Е.М. Ярославский безапелляционно утверждал: «Когда доведенную до разорения всем прошлым хозяйничаньем эксплуататорских классов Россию посетил страшный голод, рука патриарха поднялась не для благословения тем, кто требовал изъятия церковных ценностей для немедленной помощи погибающим от голода миллионам крестьян, а для проклятия»⁶⁷. В воспоминаниях заместителя председателя Комиссии помощи голодающим Чувашской АО В.Н. Александрова священнослужители показаны как дезертиры: «В одной избе встречаемся с попом», у которого где-то нашлась «рука» и он едет в «благополучную» губернию, «спешит удрать, как крыса с корабля, терпящего бедствие»⁶⁸.

Однако в данном случае, на наш взгляд, власть просто «перевела стрелки», снимая с себя ответственность за эскалацию конфликта. Декрет от 23 февраля 1922 г. стал определенным водоразделом кампании по изъятию церковных ценностей. Это четко зафиксировали информационные сводки ГПУ. Например, в информсводке за 1—21 марта 1922 г. отмечено, что вся кампания по изъятию ценностей распадается на два довольно резко разграниченных периода. После первого, сочувственного воззвания Па-

триарха работа по учету и изъятию ценностей почти повсеместно шла спокойно, нигде не вызывая никаких волнений. Второй период кампании (после издания декрета об изъятии церковных ценностей и второго воззвания Патриарха) «ознаменовался целым рядом контрреволюционных выступлений со стороны духовенства»⁶⁹. Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) «о деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей» от 20 марта 1922 г. информировала, что Патриарх Тихон и «окружающая его свора» в «противовес декрета ВЦИК от 26/II—22» вели «контрреволюционную и ничем не прикрытую работу против изъятия»⁷⁰. Однако необходимо отметить, что банковские счета, эмеритальные кассы* и прочие финансы уже были конфискованы в ходе осуществления Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 1922 г. речь шла только о предметах культа и богослужебной утвари, изъятие которых также было уже ранее апробировано. Так, в Петрограде за вторую половину 1919 г. вывезли в государственные хранилища церковных ценностей на 1915 тыс. руб.⁷¹ В 1922 г. опыт отдельного региона применили уже ко всей стране.

Состоявшееся 8 марта 1922 г. совещание в ГПУ приняло решение «обязать редакции всех газет ежедневно размещать статьи по вопросу об изъятии ценностей», «возложить на губкомы организацию докладов-диспутов с широким привлечением групп голодающих», кампанию по изъятию церковных ценностей «проводить решительно»⁷². По разработанному сценарию акции показательное изъятие сначала должно было пройти в Москве. Затем, основываясь на «положительном опыте» столицы, должны были провести изъятие регионы: «Если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой». Особое значение придавалось Москве не только как столице страны, но и как городу «сорока сороков» церквей. Однако уже 12 марта Л.Д. Троцкий писал В.И. Ленину, что работа в Москве даже не налажена, «комиссия за время моего пребывания вне Москвы ни разу не собиралась», «из церквей не изъято фактически почти ничего»⁷³. Организовать

* *Эмеритальные кассы* — специальные пенсионные кассы. Существовали в России с 1856 г. Денежные средства эмеритальной кассы складывались из членских взносов в размере 4—6 % от получаемого жалования, начисленных процентов по вкладам, случайных поступлений. Эмеритальные кассы духовенства создавались с целью обеспечения священнослужителей, их вдов и сирот дополнительными пенсиями и пособиями, находились под контролем общих собраний уполномоченных от духовенства епархии (как правило, по одному представителю от каждого благочинного округа).

показательное изъятие в столице с первой попытки не получилось, «кавалерийская атака» сорвалась из-за «мягкости» членов комиссии («тройки»). В результате 16 марта на заседании Политбюро было принято постановление, что «дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки», а 19 марта шифрограммой ЦК РКП (б) губкомам, обкомам и облбюро было предложено «приостановить проведение изъятий»⁷⁴.

Л.Д. Троцкий в письме от 17 марта 1922 г. потребовал «в каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя такой недели)»⁷⁵. На предприятиях и в учреждениях, в селах и деревнях организовывались многочисленные собрания трудящихся, которые выносили резолюции о необходимости изъятия церковных ценностей. Только в редакцию журнала «Наука и религия» поступило около 12 тыс. писем в поддержку мероприятий властей по изъятию церковных ценностей. Так, работницы московского завода «Богатырь» на общем собрании постановили, что «жизнь людей дороже всякого золота — не может быть никаких колебаний, никаких сомнений. Только за золото можно купить хлеб, и оно должно быть изъято из храмов. Постановление ВЦИК правильно. Всякая мать, знающая, что такое ребенок, иначе рассуждать не может»⁷⁶. Делегатское собрание рабочих Московского района Петрограда записало в своей резолюции, что «для спасения от голодной смерти миллионов крестьян Поволжья немедленно изъять все ценности из церквей и превратить их в хлеб насущный»⁷⁷. Начальник Центрального оперативного штаба докладывал, что «из сводок, представленных с предприятий, — среди рабочих твердо настроение за изъятие ценностей»⁷⁸.

Однако из сведений, направленных в Центральную комиссию по изъятию церковных ценностей секретарем аналогичной комиссии по Краснопресненскому району г. Москвы, вырисовывалась совершенно иная картина. На собраниях на столичных заводах и фабриках рабочие были «не против» изъятия церковных ценностей, но сомневались «скоро ли попадут эти ценности в Поволжье» и вообще «попадут ли эти ценности голодающим»? Наиболее радикальные представители пролетариата интересовались, что «делала центральная комиссия помощи голодающим до сих пор: пьянствовала или заботилась о голодающих?».

В адрес коммунистов откровенно говорилось: «кончить пора ограбление, дайте отчет куда дели все золото Кремля», «уйдите от власти, дайте другим, которые прокормят всех голодающих, и не будут на нашей шее сидеть»⁷⁹.

«Известия ВЦИК» на страницах номера, вышедшего 2 марта, вынужденно констатировали, что несмотря на проводимую агитационную кампанию «верующие сами знают завет Христа и не нуждаются в газетных поучениях»⁸⁰. Более того, в ряде мест, например, в Липецком уезде Тамбовской губернии, выносились постановления о том, чтобы «собранные церковные ценности сдать патриарху или организовать специальную комиссию, которая произведет обмен церковных ценностей на хлеб и действительно распределит хлеб среди голодающих»⁸¹. Приведенные факты свидетельствуют о недоверии населения к действиям властей. На местах распространялись слухи о том, что церковные ценности будут распределены между коммунистами, чтобы «бежать за границы в случае падения власти» (Алтайская, Владимирская, Воронежская, Тамбовская губернии, Татарская АССР), пойдут на военные цели (Нижегородская, Петроградская губернии, Вологодская область) или на уплату царских долгов (Вятская губерния), достанутся жидам (Архангельская губерния) и т.д.⁸²

Выработке единой линии проведения конфискаций способствовало проведение 30 марта секретного совещания секретарей губернских парткомов и председателей губисполкомов, прибывших на XI съезд РКП (б). Совещание по изъятию церковных ценностей было намечено В.И. Лениным еще 12 марта: в срочной телеграмме В.М. Молотову «вождь мирового пролетариата» потребовал немедленной отправки от имени ЦК «шифрованной телеграммы всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях»⁸³. Аналогичное требование в регионы ушло и по линии НКВД⁸⁴. Тем самым центральные власти получили с мест необходимые сведения о потенциале задуманной кампании, а перед местными органами управления были четко обозначены цели и задачи предстоящей акции.

Проведенный анализ законодательной и идеологической подготовки к изъятию церковных ценностей позволяет обратить внимание на целый ряд показательных моментов. Во-первых, выработка основных положений кампании по изъятию ценно-

стей велась властью параллельно с переговорами с Патриархом Тихоном о добровольном пожертвовании Церковью части храмовой утвари на нужды голодающих. Среди партийных лидеров в первое время не было единого мнения об отношениях с духовенством в вопросе организации помощи голодающим, но в конце концов возобладала позиция Л.Д. Троцкого и его сторонников о насильственном изъятии «церковных богатств». К тому времени советские органы управления уже накопили определенный опыт как по части общих конфискаций, так и по части «оптимизации» имущества религиозных организаций. Во-вторых, с момента официального утверждения декрета об изъятии церковных ценностей партийными структурами велась широкая агитационно-пропагандистская работа, центральная и местная пресса были ориентированы на публикацию «решений» и «обращений» о необходимости изъятия. Факты неприятия декрета преподносились как попытки «черносотенного» духовенства защитить свое добро, однако организовать «показательное изъятие» не удалось даже в столице, что привело к временному «замораживанию» акции и усилению в последующих действиях роли карательных структур. В-третьих, борьба с голодом вообще и кампания по изъятию церковных ценностей в частности были использованы для укрепления партийной дисциплины и усиления влияния организаций РКП (б) на местах. На региональное руководство была возложена персональная ответственность за проведение кампании.

2.3. Ход кампании по изъятию церковных ценностей в Чувашии

*Чем столетие интересней для историка,
Тем для современника печальней...*

Н. Глазков, «Лез всю жизнь в богатые да в гении...»

Издание Декрета об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих стало официальной отправной точкой для организации соответствующей работы в Чувашии. Хотя работа в этом направлении началась в автономии заблаговременно. Принятый 27 декабря 1921 г. декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», совместное письмо Л.Д. Троцкого, А.Г. Белобородова и И.С. Уншлихта от 14 января 1922 г. о создании

специальных «троек» для изъятия ценностей обязали местное советское и партийное руководство к принятию соответствующих мер. Так, в Татарской республике комиссия по учету, изъятию и сосредоточению ценностей была создана в конце января 1922 г.⁸⁵ В протоколе заседания президиума Чувашского обкома РКП (б) от 17 февраля 1922 г. обозначен доклад заведующего отделом управления облисполкома М.В. Шевле «об использовании церковных богатств на помощь голодающим»⁸⁶. Указанное обстоятельство только в очередной раз подтверждает «двойную» игру ЦК Помгола, проводившего переговоры с Патриархом об участии Церкви в деле помощи голодающим и одновременного готовившего массовое изъятие церковных ценностей.

По данным Информационного отдела ГПУ, обобщавшего поступающие с мест сводки, в первых числах марта в Чувашской АО были организованы 2 комиссии: одна по изъятию ценностей из закрытых церквей и монастырей, другая — из прочих церквей⁸⁷. Однако вполне вероятно, что создание двух самостоятельных комиссий произошло только на бумаге, поскольку по исследованным нами материалам архивов Чувашской Республики, координацией работы по изъятию церковных ценностей занималась только одна комиссия под председательством С.А. Коричева, курировавшая всю деятельность комиссий при уездных и волостных исполкомах⁸⁸. В конце марта подкомиссия по изъятию церковных ценностей была создана и в Алатырском уезде, свою работу она начала с организации специализированной «рабочей» конференции и проверки описей церковного имущества⁸⁹. Перед созданными подкомиссиями стояла задача в сжатые сроки провести изъятие церковных ценностей и передачу их в фонд помощи голодающим. При этом решением облисполкома председатели уисполкомов в обязательном порядке возглавляли уездные подкомиссии по изъятию церковных ценностей и несли «персональную ответственность за работу по изъятию»⁹⁰. Циркуляром финансового отдела облисполкома предписывалось включать в состав подкомиссий заведующих уездными финотделами или кассами⁹¹.

На предварительном этапе деятельности Чувашской областной КИЦЦ шел сбор информации о церковном имуществе, в связи с чем уезды для «более успешной работы» разбивались на специальные районы⁹². Чувашский обком РКП (б) предложил всем уездным комиссиям до начала процесса изъятия ценностей «под-

нять агитационную кампанию», обстоятельно разъяснить населению содержание декрета⁹³. Местная пресса пестрела многочисленными пропагандистскими публикациями, выражавшими уверенность, что «верующие отнесутся к указанному средству — изъятию ценностей из храмов — с должным вниманием и серьезностью»⁹⁴. Был даже издан специальный агитационный плакат на русском и чувашском языках. Нельзя не отметить такую деталь: первоначально облполитпросветом был сделан заказ на печать «плаката о реализации золотых и серебряных ценностей церквей» только на чувашском языке, т.е. с преимущественной ориентацией на сельскую местность. Лишь после ходатайства заведующего агитационно-пропагандистским отделом Г. Кубина в издательский план был включен выпуск плаката на русском языке для агитации и среди городского населения, тем более что изъятие планировалось начать со столичных церквей⁹⁵.

Кампания по изъятию церковных ценностей использовалась и как инструмент активизации антирелигиозной пропаганды. Чувашский обком РКП (б) рекомендовал уездным комитетам партии активно использовать кампанию по изъятию церковных ценностей «для антирелигиозной пропаганды», поскольку «факты отказа «князей церкви» и других духовных лиц от выдачи церковных ценностей в то время, когда от голода гибнут миллионы драгоценнейших человеческих жизней, могут служить прекраснейшим материалом для этой цели», «нужно их только умело использовать»⁹⁶.

Практически сразу публикации в местной прессе приобрели откровенно антирелигиозный и антицерковный характер. Так, газета «Чувашский край» в феврале - марте 1922 г. сообщала: «При создавшейся обстановке немедленно должен быть поднят вопрос об использовании для борьбы с голодом средств тех организаций, кои ничего не сделали для помощи голодающим», «религиозные общины Чувашобласти до сих пор мало сделали для помощи голодающим. Эта ошибка должна быть исправлена. Служители культа и религиозные общины должны немедленно поднять вопрос о передаче церковных драгоценностей на покупку хлеба для голодающих», «православные христиане так же, как и прежде, молятся на позолоченные и серебряные иконы в тот момент, когда население умирает от голода. Необходимо с согласия самих общин церковные драгоценности реализовать на хлеб,

оставляя в церквях образа и предметы богослужения без драгоценностей: золота и серебра. В этой плоскости у нас в Чувашобласти почти ничего еще не сделано», «в уездах уже наблюдаются случаи людоедства. А святые отцы молчат!»⁹⁷

Аналогично разворачивались события и в других регионах Среднего Поволжья. Так, на страницах «Известий Всетатарского ЦИК» регулярно публиковались призывы: «Церковные ценности — голодающим», «Богатства церквей — голодающим», «Церковные ценности на хлеб» и т.д.⁹⁸ Марийская областная КИЦЦ 14 марта 1922 г. обратилась с воззванием ко всем трудящимся автономии, предложив выбрать «одну из двух дорог»: или церковные ценности будут целы и погибнут тысячи и миллионы детей, или церковных ценностей не будет, но останутся тысячи и миллионы детских жизней⁹⁹.

В последней декаде апреля — первой декаде мая 1922 г. в газете «Чувашский край» появился самостоятельный раздел «Церковные ценности — в хлеб», где печатались резолюции различных конференций в пользу «скорейшего проведения в жизнь» декрета (областной беспартийной крестьянской конференции, собраний военнослужащих и жителей г. Ядрина, общих собраний граждан г. Чебоксар и г. Мариинского Посада и др.)¹⁰⁰. Раздавались и отдельные призывы к изъятию колоколов, причем делалась ссылка на предшествующий подобный опыт: «Когда царское правительство затеяло войну и когда у него не хватило для пушек и снарядов металла, то было объявлено взять из церквей колокола. Много колоколов, которые были пригодны для снарядов и пушек было снято с церквей и переделано в пушки и снаряды. Совершенно прекратили литье новых колоколов»¹⁰¹. На страницах официального издания обкома и облисполкома Чувашской АО помещались и соответствующие «мнения религиозных людей» по вопросу об изъятии церковных ценностей: так, делегат 4-й областной беспартийной конференции, некий «Петров из Ибресинского уезда» негодовал по поводу того, что «церковное золото, не принося никакой пользы, мертворосло на основах религии, затемняя существо ея»¹⁰².

Инструкцией центральных органов управления о порядке изъятия церковных ценностей определялось, что комиссии приступают к работе в «наиболее богатых храмах», и рекомендовалось «золотые и с бриллиантами предметы культа по возможности заменять аналогичными из серебра»¹⁰³. Циркуляром

Комиссии по учету и сосредоточению ценностей от 20 марта 1922 г. предписывалось «к церквам в крестьянских бедных приходах относится с осторожностью»¹⁰⁴. Стоит отметить, что в Чувашском крае еще в 1919 г. техническими отделами уездных Советов народного хозяйства был осуществлен сбор описей изделий из золота, серебра и платины, хранящихся в местных церквах¹⁰⁵. Поэтому власти имели представление о «драгоценном» потенциале культовых учреждений на территории автономии.

Оценивая подготовительный этап к процессу изъятия, нельзя не отметить следующего факта: в отправленной в регионы секретной инструкции «Для руководства изъятием церковных ценностей» констатировалось, что «определить с полной точностью понятие церковных ценностей, не имеющих существенного значения для самого культа, нет возможности»¹⁰⁶. Отсутствие четкого критерия развязывало руки: местные органы управления были относительно свободны в установлении границ изъятия. Так, решением КИЦЧ Чувашской АО от 13 апреля 1922 г. изъятию из храмов подлежали практически все металлические предметы богослужения — оставлялось только по одному предмету, а изъятые вещи частично шли в спецфонд Гохрана, частью ими заменялись более ценные предметы других церквей¹⁰⁷.

Подготовительные мероприятия в автономии затянулись почти на полтора месяца. Непосредственная процедура изъятия церковных ценностей в Чувашской АО началась только в начале апреля 1922 г. К этому времени центральная Комиссия по учету и сосредоточению ценностей, уже столкнувшись с агитацией и прямым противодействием изъятию ценностей в столице и ряде других городов, секретным постановлением определила необходимость «при фактическом изъятии ценностей иметь на близком расстоянии от церкви надежную воинскую часть»¹⁰⁸. В Чувашии по этой причине уездные подкомиссии практическую часть своей работы начинали каждый раз с «предварительного предупреждения» начальников органов милиции и командиров дислоцированных в районе частей особого назначения¹⁰⁹.

По указанию областной комиссии изъятие церковных ценностей началось с г. Чебоксар и уездных центров, а затем распространилось на сельскую местность. Первым в списке чебоксарских храмов стал Введенский кафедральный собор. Понятно, что внимание привлекло обилие скопленных в течение нескольких столетий драгоценных уборов на иконах, серебряных, позолоченных и золотых предметов, украшенных драгоценными камнями.

Комиссию практически не интересовали сами иконы, основное внимание обращалось на драгоценные уборы икон и утварь. В составлявшихся описях изымаемого богослужебного имущества и актах фиксировалась не художественная или антикварная ценность того или иного «лика», а наличие драгоценных металлов и камней в его убранстве (Приложение 1). Поэтому после проведенной «работы» по изъятию почти все иконы остались в соборе, но уже без окладов, риз, венчиков и другого убранства. Аналогично действовали комиссии по изъятию церковных ценностей и в других местах. Так, решениями Цивильской, Алатырской уездных подкомиссий изымались все без исключения серебряные и «серебряные с драгоценными и простыми камнями» ризы с икон, серебряные оклады и украшения Евангелий и т.д.¹¹⁰

В результате такой «деятельности» членов КИЦ и уездных подкомиссий в храмах оставались ободранные иконы, богослужебные книги и утварь. Зато в очередных газетных публикациях с удовлетворением констатировалось, что «церковных ценностей по Чувашобласти, видимо, наберется порядочное количество. Так, в одной только Вознесенской церкви (г. Чебоксары — Ф.К.) набралось серебра 1 пуд 32 фунта 79 золотников, в Христорождественской церкви — 8 фунтов 66 золотников. Есть церкви, где количество ценностей дойдет до 5 пудов»¹¹¹. Вместе с тем некоторые церкви были настолько бедны, что изымать там было нечего. Например, в Троицко-Инвалидной церкви г. Алатыря имелось мало серебряных изделий, и все они были необходимы для богослужения, «к изъятию серебряных вещей не оказалось» в церквях с. Янтиково и с. Новое Ахпердино Батыревской волости Ибресинского уезда¹¹².

Отношение духовенства к кампании по изъятию церковных ценностей в советской историографии оценивалось довольно однобоко: «большинство трудящихся, включая верующих, одобрило этот декрет», но «реакционная часть духовенства отказалась подчиниться советскому правительству и попыталась поднять верующих против советской власти» (И.А. Чемерисский)¹¹³; «поскольку закупка продовольствия за границей была связана с затратами большого количества золота, в среде народных масс возникла идея использовать на эти цели церковные ценности», но «антисоветски настроенная верхушка церкви отрицательно отнеслась к этому предложению» (Ю.А. Поляков)¹¹⁴; «религиозные организации не тревожило, что люди умирали с голода. Священнослужители встретили в штыки декрет Советского правительства об изъятии церковных ценностей и обмене их

на хлеб для голодающих» (Г.Е. Кудряшов)¹¹⁵; кампания по изъятию церковных ценностей вызвала «очередной взрыв ненависти к советской власти у князей церкви» (И.Я. Трифонов)¹¹⁶. Не столь резок В.Д. Димитриев, отметивший, что в фонд помощи голодающим поступили «некоторые церковные ценности, изъятые по инициативе населения и разрешению Советского правительства, а также с согласия церковных властей»¹¹⁷. В целом, в оценках советских исследователей проявились соответствующие партийные установки.

Однако вопреки утверждению советских исследователей, что «церковники использовали костлявую руку голода в своекорыстных целях»¹¹⁸, следует подчеркнуть, что добровольно от священнослужителей и общин верующих в фонд помощи голодающим поступало финансовых средств не меньше, чем в ходе принудительного изъятия церковных ценностей. Так, в февралемарте 1922 г. в Михаило-Архангельской церкви г. Чебоксар было собрано более 22,5 тыс. руб., в Чебоксарском Троицком мужском монастыре — 164 тыс. руб., в Благовещенской церкви столицы — 600 тыс. руб.¹¹⁹ Неоднократно зафиксированы факты передачи средств от церковных общин в Фонд помощи голодающим в отчетах волостных советов Чебоксарского уезда за апрель—май 1922 г.: в церквях Покровской волости было собрано 145 тыс. руб., в церкви с. Икково Тогашевской волости — 293 994 руб., в церквях с. Альгешево и с. Чимурша Чебоксарской волости — 745 тыс. руб., в церквях Акулевской волости — 1,497 млн руб., в церквях с. Янгильдино и с. Ишаки Янгильдинской волости — 1,899 млн руб., в церквях с. Акрамово, с. Моргауши, с. Оринино и других населенных пунктов Акрамовской волости — 1,741 млн руб., в церквях с. Анат-Киняры, Хыркасы и Пихтулино Сюндырской волости — 74 714 руб.¹²⁰ Т.е. уже после опубликования Декрета и начала кампании по изъятию церковных ценностей от представителей духовенства и общин верующих автономии в фонд помощи голодающим поступило более 6 млн руб. В Алатырском уезде священнослужителями и прихожанами добровольно были пожертвованы одна золотая испанская монета и 33,5 золотника серебряных крестов и медалей¹²¹.

Показательно при этом отметить отношение самих членов партии к сбору личных ценных вещей в фонд помощи голодающим. Конечно, на общих собраниях областных, уездных и кантонных комитетов партии единогласно принимались решения

о ежемесячном отчислении от получаемого пайка, о «немедленной» сдаче всех золотых и серебряных вещей в комиссию помгола¹²². В советской историографии как величайший подвиг преподносилось пожертвование семьей Ульяновых столового серебра и «немногочисленных ценностей», а также передача лично от В.И. Ленина золотой медали, полученной при окончании гимназии¹²³. Однако реальная картина была куда как более прозаичной и приземленной. Представители власти всюю «драли» церковные ценности, но личное имущество в фонд помощи голодающим особо не передавали. Так, Ибресинский уездный комитет РКП (б) в марте 1922 г. сообщал, что приступил к сбору серебряных и золотых вещей, имеющих у членов и кандидатов РКП (б), однако в результате этой акции «сданных вещей не оказалось»¹²⁴. В Цивильском уезде пожертвования в фонд помощи голодающим поступили всего от 6 (!) членов РКП (б); в списке пожертвований числились серебряная 20-копеечная монета, одно золотое и 2 серебряных кольца, пара серебряных сережек, оцененных в 109 621 руб.¹²⁵ Аналогично складывалась ситуация в Чебоксарском и Ядринском уездах. В результате в облфинотдел от партийцев поступило всего 11 золотых, 9 серебряных изделий и 1,5 руб. серебром¹²⁶. «Незначительным» оказался приток добровольных пожертвований и отчислений по Алатырскому уезду: от рабочих и служащих — 40 612 руб. 50 коп., от красноармейцев — 268 руб.¹²⁷

В отличие от многих регионов страны в Чувашии изъятие церковных ценностей прошло относительно быстро. В Чебоксарах оно было завершено уже к 15 апреля 1922 г.¹²⁸, в мае—июне кампания была проведена в сельской местности. Немногим более трех месяцев понадобилось местным властям, чтобы выпотрошить церковную утварь. 21 июля 1922 г. появилось последнее постановление областной Комиссии по изъятию церковных ценностей, которым она самоликвидировалась¹²⁹.

По официальным данным местной КИЦЦ, из 223 церквей и 5 монастырей Чувашской АО было изъято изделий из золота и серебра и драгоценностей общим весом 82 пуда 3 фунта 48 золотников 32 доли, а также 2 фунта 90 золотников медных денег, 1 жемчуг в 25 золотников¹³⁰. Основной объем изъятых церковных ценностей пришелся на городские церкви. Так, практически треть изъятых (1 золотник 93 доли золота, 24 пуда 26 фунтов 15 золотников 48 долей серебра) пришлось на столицу¹³¹. Чебокс-

сарские церкви вполне естественно оказались гораздо богаче церквей сельских приходов. К примеру, общий вес изъятых церковных ценностей в Шемалаковской, Хомбусь-Батыревской и Малоляличиковской волостях Батыревского (Ибресинского) уезда составил всего 2 фунта 76 золотников, 6 фунтов и 6 фунтов 73,5 золотника серебра соответственно¹³², в то время как из самой бедной чебоксарской церкви (Христорождественской) было изъято 8 фунтов 68 золотников, а из Введенского и Николаевского соборов, Михайло-Архангельской, Воскресенской, Вознесенской и Покровской церквей, Свято-Троицкого монастыря церковные ценности изымались пудами¹³³. Изъятие церковных ценностей прошло непропорционально и по уездам. Так, по официальным данным в Чебоксарском уезде было изъято 10 золотников 52 доли золота, 21 пуд 1 фунт 50 золотников 6 долей серебра, 1 жемчуг в 25 золотников и 5 неизвестных камней, в Цивильском — 41 золотник 81 доля золота, 16 пудов 34 фунта 91 золотник серебра, в Ядринском — 16 пудов 11 фунтов 33 золотника 52 доли серебра, в Ибресинском — 1 пуд 30 фунтов 47,5 золотников серебра и 2 фунта 90 золотников медных денег¹³⁴. В Алатырском уезде общий объем изъятых церковных ценностей составил 36 золотников 84 доли золота и 33 пуда 29 фунтов серебра¹³⁵.

Подытоживая анализ проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Чувашии, следует обратить внимание на несколько существенных моментов. Во-первых, расходятся данные о действовавших в автономии комиссиях: по сведениям центральных органов управления, в Чувашской АО были образованы две комиссии по изъятию (отдельно из действующих и закрытых церквей), однако фактически действовала только одна. Во-вторых, изъятие церковных ценностей началось в Чувашии только в начале апреля 1922 г., т.е. с почти полуторамесячной задержкой относительно общероссийских сроков. Такого временного отрезка местным властям хватило на подготовку и проведение масштабной агитационной кампании, причем публикации в местной прессе практически сразу приобрели откровенно антицерковный характер. В-третьих, собственно изъятие прошло в два этапа: сначала были выпотрошены культовые учреждения столицы автономии и уездных центров, затем — церкви в сельской местности. Не получив четких директив о «церковных ценностях, не имеющих существенного значения для самого культа», местные власти изымали из храмов практически все металличе-

ские предметы богослужения. На проведение акции понадобилось немногим более трех месяцев. В июле 1922 г. Комиссия по изъятию церковных ценностей в Чувашской АО самоликвидировалась.

2.4. Результаты кампании по изъятию церковных ценностей: экономический аспект

Бди!

Зри в корень.

На дне каждого сердца есть осадок.

Афоризмы Козьмы Прутков

Если человек ищет Абсолюта в земных ценностях, то чаще всего приходит к разочарованию.

А. Мень. «Познание добра и зла»

Оценивая экономические последствия кампании по изъятию церковных ценностей, следует выделять и анализировать несколько ключевых направлений исследования, в своей совокупности позволяющих представить степень эффективности и рациональности проведенной государством акции. С точки зрения настоящего исследования, приоритетным представляется сопоставление реально обеспеченных кампанией финансовых возможностей с прогнозно ожидавшимися результатами. Крайне важно изучение вопроса о целевом использовании полученных в ходе кампании по изъятию церковных ценностей средств. Так, необходимо рассмотреть использование полученных в ходе изъятия культовых ценностей средств на действительную помощь голодающим, а также выявить и оценить другие сферы приложения финансов и их соотношение с пропагандировавшимися целями.

Всего по стране в ходе проведенной кампании по изъятию церковных ценностей было получено 33 пуда золота, 23 997 пудов серебра, 14 тыс. пудов жемчуга, более 35 тыс. алмазов и бриллиантов, 71 тыс. других драгоценных камней¹³⁶. В 1923 г., когда изъятие церковных ценностей официально было уже завершено и соответствующие комиссии ликвидированы, без особой огласки

было проведено так называемое «доизъятие», в ходе которого из уже разграбленных храмов, например, в Тамбовской губернии было изъято еще более 160 кг серебра¹³⁷. Однако даже дополнительные конфискации не позволили реально приблизиться к тем суммам, о которых думали и говорили идеологи и вдохновители кампании. Так, по ожиданиям партийных лидеров, финансовые показатели изъятия должны были «обеспечить фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр)»¹³⁸. В ряде свидетельств современников приводились действительно астрономические суммы: 666 431 448 золотых руб.¹³⁹, — якобы полученных от реализации изъятого церковного имущества, однако какого-либо документального подтверждения эти цифры не имели. По всей вероятности, это было пусканием «пыли в глаза», очередным эпатажным агитационным ходом. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что общая оценка экспропрированного церковного имущества (без учета стоимости 964 «антикварных вещей») составила всего 4 650 810 золотых руб.¹⁴⁰ Именно такая «по приблизительному подсчету» цифра приведена в «Ведомости количества собранных церковных ценностей по 1-е ноября 1922 г.», представленной ЦК Последгола¹⁴¹. Это означает, что с точки зрения соответствия конечного результата предварительным ожиданиям кампанию по изъятию церковных ценностей следует признать провальной.

Другим принципиально важным вопросом, на который необходимо ответить, является целевое использование вырученных в ходе изъятия финансовых средств. Согласно «Инструкции о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», все изъятые ценности поступали в Центральный орган Государственного хранилища ценностей на особый счет и реализовывались ЦК Помгол «на закупку продовольствия и семена для голодающих»¹⁴². По утверждению советских историков, собранные в ходе изъятия церковных ценностей средства были полностью «затрачены на ввоз продовольствия, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и т.д.»¹⁴³ За границей было закуплено около 3 млн пудов хлеба, которые соответствующим образом распределялись между пострадавшими регионами¹⁴⁴. Чувашия получила, например, за изъятые церковные ценности 16 159 пудов хлеба, 2 002 пуда муки, 432 пуда овощей¹⁴⁵.

При этом следует отметить, что есть некоторое расхождение

между сообщениями прессы 1920-х годов и данными исследователей о начале поступления в Чувашию продуктов, приобретенных за счет реализованных церковных ценностей. Так, «Известия ВЦИК» сообщали, что уже 15 мая (выделено нами. — Ф.К.) на станцию Шихраны (Канаш) прибыл продовольственный маршрут из 16 вагонов с закупленной в Финляндии мукой¹⁴⁶. По сведениям же П.В. Денисова, уже в июле (выделено нами. — Ф.К.) 1922 г. в Чувашию стали поступать продукты в специальных вагонах с надписью «Маршрут реализованных церковных ценностей». Так, Алатырский уезд в счет ценностей, изъятых из церквей уезда, получил 5 вагонов ржи и ржаной муки (всего 4 869 пудов 24 фунта)¹⁴⁷. Разница между приведенными датами, как нетрудно подсчитать, составляет не менее полутора месяцев. Вместе с тем, на наш взгляд, важна в данном случае не столько конкретная дата поступления продовольствия, сколько сам факт его поступления.

Часть вырученных от реализации церковных ценностей средств, как видно, действительно пошла на удовлетворение продовольственной потребности голодающих регионов. Однако рассекреченные документы и исследования последних лет с полным на то основанием позволяют говорить, что на самом деле кампания по изъятию церковных ценностей преследовала если уж не совсем иные, то приоритетно другие цели. За официальной причиной изъятия ценностей в пользу голодающих Поволжья скрывалась глубоко прагматичная цель — практические мероприятия были использованы для определенной консолидации местных партийных организаций, средства шли на насыщение государственной казны золотовалютным резервом, а в целом кампания была направлена на ослабление и дезорганизацию Русской Православной церкви. О глубоко прагматичных целях разгрома РПЦ и финансового обеспечения партии-государства наглядно свидетельствует реакция советских и партийных структур на повсеместно отмечаемое требование верующих о замене священных предметов хлебом и другим продовольствием, а также просьбы выкупать церковное имущество или обменивать на соответствующее количество денег, золота и т.д. Вопрос о замене постоянно возникал и при непосредственном изъятии (например, в Михаило-Архангельской церкви г. Чебоксар, в с. Пошнары Малокарачкинской волости Чебоксарского уезда, в с. Шемердяны Бадаевской волости Ядринского уезда и других случаях)¹⁴⁸ и в засыпавших ЦК Помгол, Совнарком и лично В.И. Ленина телеграм-

мах и обращениях верующих из разных губерний России¹⁴⁹.

Основываясь на многочисленных ходатайствах с мест и чтобы разрядить и без того напряженную ситуацию, председателю ЦК Помгола М.И. Калинину удалось получить согласие на принятие 13 марта 1922 г. постановления ВЦИК «О замене в исключительных случаях изъятых из церквей равным по весу количеством золота или серебра»¹⁵⁰. 22 марта 1922 г. за подписью М.И. Калинина и Т.В. Сапронова председателям губернских исполкомов была направлена циркулярная телеграмма о порядке замены изымаемых ценностей золотом. Здесь надо обратить внимание, что циркуляр разъяснял порядок замены изымаемых культовых предметов только равновесным количеством золота, производить замену серебром центральными властями не рекомендовалось. Вместе с тем следует подчеркнуть, что предусматривалось рассматривать ходатайства о замене в каждом конкретном случае ЦК Помголом, не приостанавливая при этом само изъятие, что чаще всего делало обмен трудновыполнимым, а ходатайство бесполезным.

Более того, вопреки принципу, декларированному в выше-названном постановлении ВЦИК, верующим предлагалось не просто заменять церковную реликвию «равным по весу количеством золота или серебра», а вносить большее по весу количество драгметаллов — якобы для компенсации историко-художественной ценности идущей в переплавку вещи! Но и на этом КИЦЦ не останавливались. Характерен случай с просьбой прихожан Сергиевской церкви г. Саратова. Они готовы были заменить изымаемую служебную чашу *двойным* (выделено нами. — Ф.К.) количеством серебра, а губернская КИЦЦ требовала с них *тройное* (выделено нами. — Ф.К.) количество драгметалла. На обращение верующих в ЦК Помгол заместитель особоуполномоченного СНК по учету и сосредоточению ценностей Г.Д. Базилевич полагал возможным «во избежание волокиты и загрузки телеграфа» принять условия общины, однако последовала итоговая резолюция М.И. Калинина, что губкомиссии виднее «как ближе знакомой с обстоятельствами дела» и надо согласиться с ее условиями¹⁵¹.

На основе выявленных архивных документов следует констатировать, что по Чувашской автономной области фактов замены золотом изымавшихся священных предметов нет. Объяснить это, на наш взгляд, можно, с одной стороны, тем, что местные приходы вообще были относительно бедны и не располагали достаточным количеством золота, чтобы собрать необходимое по весу для

обмена церковных ценностей, с другой стороны — даже имевшиеся прежде у населения золото к тому времени в значительной своей части уже «ушло» в хлебобродные районы. Известны лишь единичные случаи разрешения на замену церковных ценностей равновесным количеством серебра¹⁵². Чаще всего обратившиеся с подобным ходатайством прихожане получали отказ. Следует отметить, что подобные обращения горожан (например, прихожан Благовещенской церкви г. Чебоксары) получали «принципиальный отказ» без указания причин, сельчанам же разъяснялось, что «замена серебра ляжет тяжелым бременем на крестьянское сельское хозяйство»¹⁵³.

Когда же речь заходила о замене церковных драгоценностей на хлеб, просьбы верующих встречали категорический отказ. Так, отклонила предложение одной из религиозных общин о представлении хлеба взамен церковных ценностей Калужская губернская комиссия, «ни в коем случае» не допустила выкуп церковной утвари хлебом и продовольствием Московская губернская комиссия¹⁵⁴. Абсолютно ничего не сказал о возможности замены ценностей хлебом М.И. Калинин в интервью газете «Известия» в конце марта 1922 г., когда заявил о готовности ЦК Помгола оказать верующим содействие в приобретении предметов религиозного обихода взамен изъятых ценностей¹⁵⁵. Позднее председатель ЦК Помгол телеграфировал в г. Гомель: «Принять [к] руководству, что замена хлебом не допускается, по разрешению ЦК Помгола может быть разрешена замена равноценным количеством золота только ценностей особо чтимых предметов культа»¹⁵⁶. В июле 1922 г. на обращение совета приходской общины с. Бараитского Красноярского уезда Енисейской губернии с просьбой разрешить замену изымаемых церковных ценностей продуктами (хлебом, мясом, маслом) заместителем заведующего Оргуправлением ЦК Помгола Моргуновым была наложена резолюция, что «замена ценностей хлебом воспрещается»¹⁵⁷. Когда делегация г. Вышний Волочек обратилась в ЦК Помгол с просьбой разрешить подобную замену, П.Г. Смидович прямо «объяснил делегации, что нужен не хлеб, а золото»¹⁵⁸. Категорически против замены золота продовольствием стоял Л.Д. Троцкий.

Естественно возникает резонный вопрос: почему, инициировав изъятие культового имущества под предлогом сбора средств для борьбы с голодом, партийные и советские руководители так упрямо отказывали в замене церковных ценностей столь не-

необходимыми продуктами питания? почему твердили о необходимости золота и серебра для покупки хлеба за границей, если собственные граждане готовы были дать столь нужное продовольствие в необходимых количествах? Ответ, как представляется, очень прост: подобная замена не входила в разработанный партийный сценарий проведения кампании по изъятию церковных ценностей, призванной, по оценке В.И. Ленина, в первую очередь «обеспечить фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей», без которого «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе* в особенности, совершенно немыслимы»¹⁵⁹. Еще 5% от общих сумм должны были поступать «на усиление обороны республики»¹⁶⁰. На наш взгляд, власти отказывали в замене церковного золота на хлеб также и по той причине, что готовились к проведению в РСФСР денежной реформы. Уже на XI съезде РКП (б), проходившем 27 марта — 2 апреля 1922 г., было принято решение о создании устойчивой советской валюты, в резолюции съезда указывалось на необходимость «твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого (выделено нами. — Ф.К.) обеспечения денег»¹⁶¹.

Следует отметить, что Государственный банк России накануне Первой мировой войны хранил золота на сумму около 1,7 млрд золотых руб. Однако еще до прихода большевиков к власти часть российской золотой казны — 643,4 млн руб. — была вывезена за границу царским и Временным правительствами на получение военных кредитов. В перипетиях гражданской войны истратили, украли и потеряли золота на сумму около 240 млн руб. Но даже с учетом этих потерь в распоряжении новой власти к концу

* Генуэзская конференция 1922 г. (10 апреля — 19 мая) — международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием 28 западных стран, Советской России и 5 британских доминионов. Европейские страны предъявили России совместные требования: компенсировать долги царского и Временного правительств (18 млрд руб. золотом); вернуть национализированную большевиками западную собственность на территории бывшей Российской империи; отменить монополию внешней торговли и открыть дорогу иностранным капиталам; прекратить революционную пропаганду в их странах. Советское правительство выдвинуло свои условия: компенсировать ущерб, причиненный иностранной интервенцией в годы гражданской войны (39 млрд руб.); обеспечить широкое экономическое сотрудничество на основе долгосрочных западных кредитов; принять советскую программу всеобщего сокращения вооружений и запрещения наиболее варварских методов ведения войны. Поднятые вопросы разрешены не были.

гражданской войны из запасов Российской империи оставалась значительная сумма — около 1,0 млрд руб., включая золото Румынии, переданное в Кремль на хранение накануне Февральской революции, а также более 40 тонн чистого золота из сибирской добычи, которую не успели до октябрьских событий включить в баланс Государственного банка. Но уже к началу 1920-х годов от этого внушительного золотого запаса почти ничего не осталось: золото было передано Германии по Брестскому миру, прибалтийским странам в качестве «подарков» на мирных переговорах и Польше — как контрибуция; безвозмездная финансовая помощь была отпущена Турции; огромные средства шли на поддержку коммунистического и рабочего движения, подталкивание мировой революции и шпионаж. К 1 февраля 1922 г., как подчеркивает Е.А. Осокина, свободная от платежных обязательств золотая наличность советской власти составляла всего около 115 млн руб. Это было все, что осталось от миллиардной золотой казны Российской империи. Золотой запас страны нужно было создавать заново¹⁶².

В проведении денежной реформы, стабилизовавшей экономику России и обеспечившей для Советского правительства «первоначальное накопление капитала», по мнению Я.Г. Кротова, большую роль сыграли именно полученные церковные ценности¹⁶³. Денежная реформа началась с простой деноминации: в 1922 г. один рубль нового образца был приравнен к 10 тыс. прежних; в соответствии с декретом СНК от 11 октября 1922 г. Госбанк СССР выпустил бумажные банковские билеты достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Сразу же было установлено золотое обеспечение червонца в 7,74 грамма чистого золота, т.е. столько же, сколько в дореволюционной монете достоинством в 10 руб. По словам Д. Румянцева, осенью 1922 г. были выпущены и первые советские монеты из церковного серебра, и датировались они 1921 г., что политически было не менее важно, чем само появление серебряных денег¹⁶⁴. Через год один рубль образца 1923 г. был приравнен к 100 рублям 1922 г., и одновременно с выпуском бумажных денег в 1923 г. были отчеканены золотые монеты достоинством 10 руб.

Подытоживая анализ экономических показателей кампании по изъятию церковных ценностей, следует констатировать следующее. Ожидания государственных и партийных лидеров на захват «колоссальных средств» Русской Православной церкви не

оправдались. При этом, как мы имели возможность убедиться, декларированное советской властью использование изъятых церковных ценностей на оказание продовольственной помощи голодающим не совсем соответствовало действительности. Широко «разрекламированная» кампания по изъятию церковных ценностей главным экономическим вектором имела отнюдь не оказание помощи бедствующему населению, а глубоко прагматичную цель золотовалютного насыщения государственной казны. Лишь незначительная толика полученных финансовых средств пошла на удовлетворение потребностей населения в хлебе насущном.

2.5. Кампания по изъятию церковных ценностей как культурная трагедия

Прежде всего

Я член Партии, —

А стихотворец — потом!

А. Безыменский, «Прежде всего...»

Оценивая результаты проведенной кампании по изъятию церковных ценностей, следует принимать во внимание все аспекты этого процесса. В частности, представляется необходимым оценить последствия кампании по изъятию церковных ценностей и с точки зрения культурного наследия. Только в таком логическом алгоритме представляется реальным отразить всю сущность этого явления. При этом, на наш взгляд, при анализе культурных последствий кампании по изъятию церковных ценностей можно выделить два главных вектора: музеефикация церковных ценностей и уничтожение выдающихся образцов церковного искусства.

Одним из важных аспектов изучения проблемы кампании по изъятию церковных ценностей является вопрос о так называемой «музеефикации церковных ценностей». Этот вопрос возник сразу после начала экспроприации культовых предметов и все более актуализировался по мере разворачивания кампании. В Чувашии часть изъятой церковной утвари, имевшей историко-музейную ценность, была передана в областной музей как предметы художественного творчества^{*}. Одной из возможных

^{*} Часть культовых предметов, поступивших в ходе кампании по изъятию церковных ценностей в областной краеведческий музей, в 1990-е годы была воз-

причин такого поступка являлось то обстоятельство, что золотых предметов в местных церквях было незначительное количество и изымались преимущественно ценности из серебра. Не последнюю роль сыграла и та оперативность, с какой чувашские музейные работники вмешались в работу КИЦЦ. 31 марта 1922 г. на экстренном заседании Центрального чувашского музея было принято решение «в спешном порядке» взять на учет все ценности храмов г. Чебоксар и делегировать в Комиссию по изъятию ценностей в качестве полномочного представителя — заведующего музеем Н.П. Неверова¹⁶⁵. Напомним, что непосредственная процедура изъятия церковных ценностей в Чувашской АО началась только в начале апреля 1922 г. И когда уполномоченные по изъятию появились в столичных церквях, то культработники уже располагали необходимыми сведениями о потенциальных экспонатах музейных коллекций.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что музейщики определили культурноисторическую ценность культового имущества в основном чебоксарских церквей и практически не участвовали в экспертных оценках культурно-исторической значимости предметов, изымавшихся в других местах. Например, при изъятии из Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря в музей были переданы 34 предмета, из Вознесенской церкви — 26, из Спасо-Кладбищенской церкви — 10 предметов и т.д.¹⁶⁶ Среди оказавшихся в музейных экспозициях и запасниках были напрестольные кресты, иконы, Евангелия, богослужебная утварь (тарелочки, лжицы, потиры и др.). Для сравнения, из числа доставленных в столицу автономии из Ядринского уезда церковных ценностей в областной музей был передан, по нашим сведениям, только один предмет — «серебряный ковшик времен Екатерины II»¹⁶⁷. Однако язык не поворачивается упрекнуть сотрудников созданного в феврале 1921 г. Центрального чувашского музея: недавняя организация, незначительная штатная численность, отсутствие транспорта и другие объективные причины не позволили им охватить изучением все культовые объекты Чувашии.

Необходимо указать, что если в Чувашской автономии возвращена Чебоксарско-Чувашской епархии. Так, указами Президента Чувашской Республики и приказами Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики епархии были переданы: в 1991 г. — напрестольное облачение, в 1993 г. — икона Иверской Божией Матери в металлическом окладе, в 1995 г. — Большое напрестольное Евангелие в серебряном окладе, Напрестольное Евангелие среднего размера в серебряном окладе, две митры, комплект облачения священнослужителя, скульптура «Николай Можайский» и др.

ефикация церковных ценностей прошла относительно спокойно, без выраженных эксцессов, то в целом ряде регионов между сотрудниками Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (Главмузея) и представителями уполномоченных на изъятие органов управления возникали спорные и даже конфликтные ситуации: чиновники от культуры обвиняли партийных и советских работников в порче и уничтожении бесценных предметов культового искусства, музейным работникам со стороны представителей Комиссий по изъятию церковных ценностей «предъявлялись тесные связи с контрреволюционными церковными кругами, которые пытались препятствовать конфискационному процессу»¹⁶⁸.

Оценивая культурные последствия процесса изъятия церковных ценностей, нельзя не указать на во многих случаях варварское отношение членов КИЦЦ к церковным ценностям, многие из которых были настоящими произведениями искусства. Так, при изъятии в лом были превращены уникальные серебряные ризы и раки XVII в. в Пафнутаевском Боровском монастыре, для последующей переплавки были изъяты шедевры церковного искусства Ярославля, Ростова Великого, Смоленска, Зарайска, Соловецкого монастыря¹⁶⁹.

Руководство и эксперты Главмузея старались доказать партии и правительству, что крайне нецелесообразно губить в ходе кампании по изъятию церковных ценностей предметы огромного художественного и исторического значения, ломать иконостасы, выковыривать драгоценные камни из окладов и переплетов, обрывать жемчуг с риз и т.д. Так, заведующий Вязниковским уездным музеем Владимирской губернии как представитель Главмузея разошелся во взглядах с членами комиссии по изъятию, собиравшимися снять ризу с иконы Казанской Божией Матери XVI в., и написал взволнованное заключение в защиту декоративного убранства иконы: «Разрушение этого национально-художественного исторического целостного памятника искусства и старины является совершенно немыслимым и недопустимым»¹⁷⁰. Заведующий Казанским губернским музеем К.В. Харлампович, обращаясь к руководителю Главмузея Н.И. Троцкой*, настаивал на

* Нельзя не отметить особого положения Н.И.Троцкой, вызванного политическими и семейными обстоятельствами: возглавляя ведомство, призванное обеспечить сохранность памятников искусства, она являлась женой инициатора и главного организатора кампании по изъятию церковных ценностей. Не известно, как решались подобного рода противоречия в семейном кругу, но как руководитель Главмузея Н.И.Троцкая принципиально отстаивала позиции курируемого ею

координации усилий по сохранению отечественного культурного достояния. К.В. Харлампович сообщал в столицу, что «настали критические для музеев дни: их осматривают с целью извлечения наиболее ценных вещей. В печати не было декрета о предоставлении кому бы то ни было права опустошать музеи», «делают только глухие ссылки на какие то секретные циркуляры»¹⁷¹.

Некоторые из современных историков сурово оценивают позицию Н.И. Троцкой, так как она заботилась, по их мнению, лишь о более выгодной реализации церковных ценностей за рубежом¹⁷². Однако, по мнению Н.Н. Покровского, одного из составителей сборника документов «Архивы Кремля. Политбюро и церковь», можно возразить, что подобные аргументы стали приводиться ею лишь во вторую очередь, после того, как не сработали аргументы о необходимости сохранения культурно-исторического достояния страны. Н.И. Троцкая предложила вообще не трогать, исключить из кампании по изъятию 103 наиболее значительных и знаменитых церковно-монастырских комплекса страны, объявив их целиком под музейной охраной, т.е. создав из них музейно-церковные комплексы¹⁷³.

Настоящая борьба развернулась между сотрудниками музеев и властями за святыни Казанского и Исаакиевского соборов Петрограда. Эксперты Эрмитажа требовали передачи музею большинства ценностей соборов как уникальных предметов русского и мирового искусства. При этом ими использовались мандаты за подписью М.И. Калинина, предоставляющие экспертам «северной столицы» право окончательной экспертизы и решения вопроса о месте хранения ценностей, просмотра всех отобранных в Гохран или фонд Помгола вещей. Владелец такого мандата при нарушении указанных правил или в особо важных случаях имел право обратиться непосредственно к центральным органам управления. Против изъятия иконостаса Казанского собора Петрограда выступили не только сотрудники Главмузея; но и видные деятели науки и искусства: председатель Российской академии истории материальной культуры А.И. Васильев, ректор Российской академии художеств А.Е. Белогруд, академики Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург¹⁷⁴.

В связи с участвовавшими конфликтами и недоразумениями между членами комиссий по изъятию и представителями Главмузея, Л.Д. Троцкий 22 марта 1922 г., подчеркивая величайший

политический вред вандализма и невнимания к историко-художественным ценностям и пообещав строго карать разрушение или порчу музейных предметов, вместе с тем дал указания Т.В. Сапронову, М.И. Калинину и Н.И. Троцкой о недопустимости права последней экспертизы о музейной ценности изымаемых предметов за Главмузеем. Мимоходом отметив права Главмузея, главный идеолог изъятия церковных ценностей показал каждому из конфликтующих его место: «Среди археологов, работающих в Главмузее, по самой их профессии, имеется немало лиц, теснейшим образом связанных с церковными кругами, настроенных контрреволюционно и стремящихся сорвать работу по изъятию ценностей. Таким тенденциям нужно давать суровый отпор»¹⁷⁵. Суровый отпор был дан: группа экспертов — сотрудников Главмузея за сопротивление изъятию церковных ценностей пошла под суд. Однако это не привело к прекращению конфликтов. Так, 3 апреля КИЦЦ в Московской губернии приняла решение: «Изъятие церковных ценностей, по отношению ко всем тем ценностям, которые находятся на учете Главмузея, производить в усиленном порядке». В ответ 4 апреля, когда начали изымать ценности из Ново-Девичьего монастыря, Главмузей мобилизовал силы и организовал «чрезвычайный наплыв» своих представителей в монастырь, опечатал ризницу и главный алтарь. Аналогично сложилась ситуация и в Смоленском храме: главный чекист столицы Ф.Д. Медведь с негодованием сообщал начальству, что эксперты Главмузея Н.Н. Померанцев и В.И. Троицкий препятствуют вывозу драгоценностей. Только прибытие на место представителя Агитационного отдела Московского комитета РКП (б) заставило экспертов признать спорные вещи третьестепенными образчиками, подлежащими изъятию¹⁷⁶.

Последнее слово в разгоревшейся баталии за собой оставил ВЦИК: 27 апреля 1922 г. была издана инструкция об изъятии церковных ценностей, имеющих музейно-исторический характер. В случае возникновения разногласий между членами комиссий и представителями Главмузея о характере церковных ценностей спорные предметы должны были поступать в Гохран, а представителями Главмузея направляться протесты в Главмузей. Если же разногласия приобретали острый характер, то допускалась отправка предметов в Москву в Гохран при участии Главмузея для окончательной экспертизы. При этом предписывалось строго следовать всем указаниям экспертов при упаковке и

транспортировке хрупких и ветхих ценностей. Если же снятие отдельных ценностей (риз, украшений) с предметов грозило разрушением целостности памятника искусства, то местные комиссии должны были, не снимая такие ценности, взять их на учет и под свою охрану¹⁷⁷.

Как отмечает О.П. Постернак, удар, нанесенный Церкви кампанией по изъятию церковных ценностей, мобилизовал представителей Главмузея на выработку дальнейшей музейной политики в жестких условиях разрушения старой культуры. Насильственное изъятие, сопровождавшееся фактическим уничтожением шедевров древнерусского искусства, ускорило принятие решений о придании монастырям статуса музейных комплексов. Так, уже в 1922 г. был создан историко-бытовой музей на территории Донского монастыря¹⁷⁸. Однако, несмотря на принципиальную позицию Главмузея, варварское разграбление храмов — уже превращенных в музеи! — продолжалось с неослабевающим напором. Тем самым положение декрета ВЦИК от 27 декабря 1921 г. «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», согласно которому «имущество, имеющее историко-художественное значение», подлежало исключительному ведению Главмузея¹⁷⁹, осталось просто зафиксированным на бумаге и не имеющим никакой реальной силы.

В защиту Н.И. Троцкой следует отметить, что она, основываясь на многочисленных сообщениях с мест, 3 мая 1922 г. снова обратилась с докладом в Бюро Комиссии по изъятию церковных ценностей при ВЦИК. Руководитель Главмузея привела примеры ужасающего вандализма, когда не только в действующих, но и превращенных в музеи храмах изымались памятники мирового значения. Так, в Боровском монастыре, превращенном в Музей древнерусского искусства, несмотря на неоднократные запрещения ВЦИК, местная комиссия по изъятию переломала уникальные ризы XVII в. и вывезла рукописное Евангелие 1533 г. с миниатюрами, описанное во многих научных трудах¹⁸⁰. В архивных документах зафиксирована массовая порча изымаемых (для переплавки!) шедевров церковного искусства Ярославля, Ростова Великого, Смоленска, Зарайска, Соловецкого монастыря, конфискация Гохраном для «реализации» уникальных памятников старины в Москве, Петрограде, Костроме, Нижнем Новгороде, Калуге, Рязани, Казани и других городах. Из всего поступившего в Гохран Главмузей смог спасти лишь 1/170 (по весу!) часть¹⁸¹.

Оценивая изъятие церковных ценностей как культурную трагедию, нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. В ходе данной акции часть культовых предметов попросту исчезла: их не оказалось в числе изъятых, но не осталось и в храмах. Так, исчезли некоторые особо чтимые иконы (например, из Царевококшайской Мироносицкой мужской пустыни исчезла икона Пресвятой Богородицы Владимирской со святыми женами мироносицами¹⁸²). На наш взгляд, в этом нельзя обвинять только верующих (как делали практически все советские историки) или только «нечистых на руку» представителей власти (как поступают некоторые современные исследователи). Вполне возможно, что утварь, имевшая прежде всего духовное значение, действительно была укрыта священнослужителями и прихожанами, а материальные ценности экспроприировались членами КИЦЦ, однако каждый конкретный случай требует отдельного разбирательства. И не суть важно, кто «прихватизировал» церковное имущество, — для нас важно подчеркнуть, что проведение кампании по изъятию церковных ценностей несомненно способствовало подобным утратам.

Подытоживая роль кампании по изъятию церковных ценностей в культурологическом аспекте, необходимо подчеркнуть главное: изъятие церковных ценностей нанесло непоправимый урон историко-культурному наследию страны, навсегда утратившей немало памятников культового искусства. Руководство и эксперты Главмузея старались доказать партии и правительству, что крайне нецелесообразно губить в ходе кампании по изъятию церковных ценностей предметы огромного художественного и исторического значения, однако попытки придать изымавшимся ценностям музейный статус в большинстве случаев игнорировались, а зачастую и жестко пресекались партийными и советскими руководителями самого высокого ранга. Как результат — в музейные коллекции попала незначительная (всего 1/170) часть уникальных предметов старины. Вместе с тем нельзя не признать и того факта, что передача части — пусть и весьма малой! — изъятых ценностей в музеи спасла их от варварского уничтожения (превращения в лом, переплавки и т.п.).

2.6. Сообщающиеся сосуды: сопротивление изъятию церковных ценностей и репрессии

*Люди всегда подвергались
соблазну поделить мир на
«своих» и «чужих».*

С. Хантингтон,
«Столкновение цивилизаций»

Репрессии, как «карательная мера, наказание, применяемое государственными органами»¹⁸³, были неотъемлемой частью политики Советского государства на всем протяжении его существования. В этом отношении репрессии против Русской Православной церкви не надо воспринимать как нечто исключительное. Масштабные репрессии против религиозных организаций стали всего лишь одним из эпизодов перераспределения социальных функций; «люди, совершившие переворот 1917 г. и создавшие СССР, искренне считали, что единственной полезной социальной структурой является государство, а все остальные должны быть либо уничтожены, либо перейти под его полный контроль»¹⁸⁴. Поэтому жестокость проведения кампании по изъятию церковных ценностей не вызывает удивления. Однако сам вопрос о сопротивлении представителей духовенства и сообществ верующих экспроприации церковных ценностей, равно как и вопрос об использовании властью фактов противодействия религиозной части населения процессам изъятия церковных ценностей, неизбежно должны оказаться в фокусе внимания исследователей.

По мнению большинства историков, декрет от 23 января 1922 г. имел «явно антицерковную направленность», кампания по изъятию церковных ценностей «стала тем страшным ударом по церкви, который давно вынашивался»¹⁸⁵. В итоговом отчете ЦК РКП (б) XII съезду партии в апреле 1923 г. подчеркивалось, что «кампания по изъятию церковных ценностей оживила антирелигиозную пропаганду партии, и поэтому ее значение оказалось более широким, чем та практическая цель, которая вызвала непосредственную надобность в конфискации церковных ценностей»¹⁸⁶. Даже не попытался сколько-нибудь затушевать истинную цель акции Председатель ЦК Помгола М.И. Калинин. Выступая на торжественном собрании в г. Орехово-Зуево, он назвал изъятие «одним из крупнейших политических актов», которым «преследовалась огромная политическая цель — убить авторитет церкви»¹⁸⁷.

В пользу подобных заключений свидетельствуют не только выступления «партийных боссов» на съездах и митингах, но и рассекреченные в последние годы некоторые документы конфиденциальной переписки. Так, в письме членам Политбюро В.И. Ленин, давая оценку событий, характеризовал текущую ситуацию как «единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету»¹⁸⁸.

Принципиально жесткая позиция советского руководства, продиктованная стремлением использовать ситуацию с максимальной выгодой для себя, была не просто ориентирована на возможность конфликта, но и была призвана способствовать эскалации противостояния. Направляемые на места директивные указания предполагали только один вариант разрешения возникающих противоречий, что нашло отражение в процитированном выше письме В.И. Ленина. Поэтому зачастую и действовали КИЦЦ без какой-либо оглядки на религиозные чувства граждан. Не редкостью были случаи превышения членами комиссий по изъятию церковных ценностей своих должностных полномочий. Например, в заявлении уполномоченного от общины верующих церкви с. Шемердяны Ядринского уезда Чувашской АО председателю уездного исполкома указывалось на «незаконное изъятие церковного имущества, представляющегося необходимым для службы»¹⁸⁹. Начальник Татполитотдела ГПУ С.С. Шварц, назначенный в апреле 1922 г. председателем Комиссии по изъятию церковных ценностей в ТССР, прямо заявлял, что «моя личная тенденция была такова, что в церквях и монастырях по возможности ничего не оставлять, несмотря ни на какие условия, в которых будет протекать изъятие, и несмотря ни на какие ходатайства»¹⁹⁰.

Положение с развернувшимся по стране изъятием услугблялось кощунственным, хамским поведением в храмах членов комиссий, красноармейцев, чоновцев, чекистов. Ругательства и непристойности, курение в храмах, варварское обращение с православными святынями оскорбляли и без того ущемленное религиозное чувство обираемых прихожан и духовенства. К апрелю 1922 г. в редакциях газет накопилось такое количество жалоб на установившийся порядок, что власти вынуждены были обратиться на это внимание, прежде всего, потому, что это вредило работе по изъятию и вызывало справедливое негодование верующих, зачастую выливающееся в активное сопротивление¹⁹¹. На места за подписью заместителя председателя ГПУ была направлена телеграмма, требовавшая «не допускать бесчинств и произвола при изъятии церковных ценностей» и «привлекать виновных к суровой ответственности»¹⁹².

Однако в первую очередь органы управления реагировали не на сообщения о превышении полномочий своими назначенцами, а на факты оказания сопротивления процессу экспроприации. В четком соответствии с директивами руководителей страны работал карательный аппарат советской власти. В представлении многих сотрудников «силовых» структур еще была действенна формулировка «по всей строгости революционного времени...» Благо уголовное законодательство предусматривало за «использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям» наказание вплоть до высшей меры¹⁹³.

Жесткие меры властей действительно вызвали ответное сопротивление. Развернувшаяся кампания по изъятию церковных ценностей почти повсеместно сопровождалась вспышками антиправительственных выступлений. Так, в Псковской губернии имело место избиение толпой граждан, высказывавшихся за изъятие церковных ценностей; физическому насилию со стороны толпы верующих подверглись представители уездной власти в одной из волостей Уржумского уезда Вятской губернии; «беспорядки» при изъятии возникли в Старорусском уезде Новгородской губернии; «открыто препятствовали» изъятию в некоторых населенных пунктах Сапожковского уезда Рязанской губернии; в Уянской волости Зиминского уезда Иркутской губернии толпа женщин пыталась избить коммунистов и т.д.¹⁹⁴

В целом ряде российских городов (в Петрограде, Москве, Киеве, Смоленске, Калуге, Симбирске, Нежине, Вологде и др.), по характеристике советского историка И.А. Чемерисского, «имели место серьезные столкновения с реакционной частью духовенства, поддержанной другими контрреволюционными силами», при изъятии церковных ценностей дело дошло до «нападений со стороны фанатиков и антисоветских элементов на представителей местных властей, осуществлявших декрет»¹⁹⁵. Наиболее показательными стали события в г. Шуе*. Когда здесь, приводя в исполнение декрет, начали изымать церковные святыни из собора, к паперти собрались прихожане. После безуспешной попытки милиции разогнать их, появились чоновцы, открывшие стрельбу по толпе — ранены были десятки человек, пятеро погибли¹⁹⁶.

Указывая на события в Шуе как на самый яркий пример сопротивления действиям властей, вместе с тем надо отметить, что в современной историографии вышеназванные события трактуются не только как выступления на сугубо религиозной почве. Так, по мнению ивановского исследователя Ю.А. Ильина, религиозные настроения масс стали политическим детонатором для социальных выступлений; кампания по изъятию церковных ценностей была мощным толчком слияния протеста разных социальных групп населения (крестьяне, фабрично-заводское население, учителя, «безпайковые обыватели» и др.) в связи с их катастрофическим положением. В случае успеха религиозную форму протеста, несомненно, сменила бы светская¹⁹⁷. Оценивая поведение духовенства в шуйских событиях, тот же историк задается вопросом: духовенство вынуждено было уступить поднявшейся за веру пастве или именно оно инициировало подъем прихожан и населения на борьбу с гонителями православия? Ответ, получаемый из анализа имеющихся источников, не оставляет сомнений: вдохновителями этой своеобразной «духовной оппозиции» власти стали именно священники трех главных храмов г. Шуи¹⁹⁸.

Говоря о причинах сопротивления духовенства изъятию церковных ценностей, прежде всего следует иметь в виду, что оно противилось не столько факту передачи части церковного

* Подробное изложение шуйских событий см.: **Дамаскин (Орловский)**, игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. — Тверь, 1996. — С. 37—53; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

имущества в фонд помощи голодающим (ведь еще до издания декрета с благословения Патриарха Тихона был образован «Всероссийский церковный комитет помощи голодающим» и начался сбор средств для оказания посильной помощи), сколько методом изъятия церковных ценностей, когда, по сути, во внимание принималась только материально-финансовая оценка того или иного культового предмета. Более того, власть предержащие сами планировали бандитские налеты на храмы, совершали хищения уже изъятых церковных ценностей. Так, начальник Татполитотдела ГПУ А. Денисов, возглавивший созданную комиссию по учету, изъятию и сосредоточению ценностей Татарской ССР, считал необходимым применение «разного рода налетов и нападений на церкви». Более того, предложенный А. Денисовым план 24 января 1922 г. был одобрен бюро Татарского обкома партии. Однако Политбюро ЦК РКП (б) отменило январское постановление Татобкома, объявив А. Денисову выговор и сместив с должности, а секретарю ЦК РКП (б) В.М. Молотову поручив «выяснить обстоятельства принятия подобного недопустимого и преступного решения»¹⁹⁹. По мнению историка М.Ю. Крапивина, отрицательное отношение Кремля к начинаниям казанских руководителей объяснялось скорее тактическими соображениями, нежели принципиальными²⁰⁰.

По официальным данным, представленным советской прессой и чаще всего используемым в исследовательских работах, при изъятии церковных ценностей в стране произошло 1 414 кровавых эксцессов, в которых погибли 2 691 священник, 1 692 монаха и 3 447 монахинь²⁰¹. Вместе с тем следует обратить внимание на мнение доктора исторических наук, специалиста по отечественной истории XX в. Н.Н. Покровского, который, комментируя данные современной науки по этому вопросу, отметил, что «из одной работы по истории РПЦ в другую переходит свидетельство активного участника событий «живоцерковного» протопресвитера В. Красницкого о том, что в ходе изъятия в 1922 г. в стране произошло 1 414 кровавых инцидента. Часто (хотя не всегда точно) приводятся сведения бежавшего из России священника Михаила Польского о том, что в 1922 г. общее число жертв, погибших при столкновениях и расстрелянных по суду, было 2 691 человек белого духовенства, 1 962* монашествующих, 3 447 монахинь и послушниц; всего 8 100 жертв. В литературе встречаются и упо-

* Данная цифра у Н.Н. Покровского расходится с вышеприведенными сведениями А.Л. Литвина.

минания о том, что в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. в стране прошло 231 судебное дело», однако «документы Политбюро и Лубянки пока не дают возможности определить цифровые характеристики ни числа столкновений между верующими и властями, ни количества убитых и раненых в этих столкновениях, ни числа репрессированных»²⁰².

По степени сопротивления изъятию церковных ценностей регионы России можно объединить в несколько условных групп. В наиболее резкой и острой форме протестовали верующие центральных губерний: Тамбовской, Смоленской, Калужской, Орловской и других. Здесь изъятие сопровождалось забастовками и волнениями среди рабочих и крестьян, доходившими до кровопролитных столкновений. В этом «хлебном» регионе экспроприация церковных ценностей накладывалась на конфискацию хлебных излишков, разгул продотрядов и другие мероприятия советской власти. Думается, не было исторической случайностью, что именно здесь вспыхнул главный очаг сопротивления. Еще свежи были воспоминания о крестьянских восстаниях 1920—1921 годов, особенно в так называемой «русской Вандее» (Тамбовщине). Ко второй группе сопротивляющихся губерний можно отнести Урал, Сибирь, Русский Север, а также юг России. Здесь верующие выступали не в столь резкой форме, хотя глухое недовольство проявлялось повсеместно. В третью условную группу можно выделить Поволжье, где изъятие удалось провести относительно спокойно. Это объяснялось, во-первых, заинтересованностью самих голодающих в оказании им помощи «любой ценой», и, во-вторых, слабостью населения этих районов: вымиравшее или спасающееся массовым бегством население в последнюю очередь задумывалось об активном сопротивлении действиям властей²⁰³.

Имевшие место факты сопротивления священнослужителей и верующих изъятию церковных ценностей были незамедлительно использованы органами власти для начала очередной волны репрессий против духовенства и наиболее активных прихожан. Обставлено это было в лучших советско-партийных традициях. Была проведена определенная подготовительная работа. Уже с конца февраля 1922 г. в ЦК Помгол начали поступать сообщения с разных концов страны о сопутствовавших изъятию пропажах церковных ценностей. Направленные во все губернии грозные телеграммы диктовали установить секретное наблюде-

ние за богатыми храмами и организовать их «окарауливание», арестовывать «виновных» попов и верующих, персональную ответственность за хищения возложить на них. Постановлением Комиссии по учету и сосредоточению ценностей от 20 марта 1922 г. заместителю особоуполномоченного СНК РСФСР по учету и сосредоточению всех ценностей республики Г.Д. Базилевичу и члену бюро Комиссии по изъятию церковных ценностей М.В. Галкину (М. Гореву) было поручено собрать «все имеющиеся данные по вопросу о воровстве ценностей попами»²⁰⁴. В письме Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) от 22 марта 1922 г. предлагалось «в течение недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей», а в письме от 30 марта было недвусмысленно подчеркнуто, что «Октябрьская революция докатилась до церкви только теперь»²⁰⁵. На заседании Политбюро 30 марта 1922 г. по рекомендации В.И. Ленина был принят план разгрома церковной организации, начиная с «ареста Синода и Патриарха». По мнению вождя, «один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым энергичным способом и в самый кратчайший срок»²⁰⁶.

Начались судебные процессы по обвинению в сопротивлении исполнению декрета об изъятии церковных ценностей. Процессы носили политический характер, этот факт постоянно подчеркивался в партийной агитации и пропаганде. «Советская власть не вмешивается в религиозные дела граждан», «обрушивая на тихоновцев весь аппарат судебных и административных репрессий, советская власть борется не с религией, а с контрреволюцией», — отмечалось в заявлении Агитпропа ЦК РКП (б)²⁰⁷. В мае 1922 г. начался судебный процесс по делу Патриарха Тихона. Партийными идеологами при этом утверждалось, что «в лице Тихона советский народ судил все контрреволюционное духовенство»; «не Тихон пройдет перед судом, а вся тихоновщина, вся церковь»²⁰⁸. В протоколах допросов Патриарха Тихона отмечалось, что «в находящихся в производстве губернских трибуналов Республики делах имеется ряд документов, свидетельствующих о значительном количестве» таких процессов²⁰⁹. По данным исследователей, всего по стране было рассмотрено более 250 дел о сопротивлении изъятию ценностей²¹⁰. По самому громкому из проведенных процессов — делу Патриарха Тихона — вынести «расстрельный» приговор власти не решились, видимо, осознав, что казнь Па-

триарха делает его мучеником в глазах верующих и будет лишь способствовать укреплению Церкви. Однако Московский (26.04—08.05.1922), Петроградский (29.05—05.07.1922), Смоленский (01.08.—24.08.1922) процессы окончились смертными приговорами для одних обвиняемых и заключением и ссылкой для других²¹¹.

В Чувашии изъятие в целом прошло относительно спокойно. По сведениям местного отдела ГПУ, «никаких заметных неудобств как со стороны церковнослужителей, так и представителей групп верующих не было», «острых конфликтов на почве изъятия церковных ценностей не отмечено»²¹². Хотя, конечно, были факты локального противостояния. Так, в Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда священник церкви с. Большой Сундырь препятствовал ознакомлению верующих с декретом, а игумен Александро-Невского мужского монастыря распространил слух о полном изъятии церковного имущества и прекращении службы²¹³. На некоторых собраниях граждан были приняты постановления «протестовать против изъятия колокольным звоном»²¹⁴. Небольшой инцидент произошел в Мариинском Посаде, где женщины преклонного возраста подняли шум на собрании, за что были арестованы, но, впрочем, тут же отпущены²¹⁵. В с. Ждамирово Алатырского уезда были избиты председатель уездного исполкома и председатель волостного исполкома, приехавшие разъяснять значение декрета об изъятии церковных ценностей²¹⁶. Были зафиксированы отдельные случаи отказа ряда общин верующих (например, религиозной общины Михаило-Архангельской церкви г. Ядрина, Никольско-Иверской женской общины Ибресинского уезда) сдавать церковные ценности в связи с необходимостью всех «имеющихся в храме по описи ценностей» для «богослужения и культа веры»²¹⁷. Служители Введенского кафедрального собора г. Чебоксары просто «потеряли» инвентарные описи церковного имущества²¹⁸.

Однако по Чувашии нам не известно фактов наказания за «хищение» церковных ценностей. С одной стороны, несмотря на то, что при изъятии, например, из Введенского кафедрального собора и Михаило-Архангельской церкви г. Чебоксар было выявлено несоответствие наличного культового имущества числившемуся по описям (Приложение 2), попытка возбудить уголовное преследование священнослужителей по обвинению в хищении оказалась безуспешной. В ходе расследования представители ду-

ховенства показывали, что уже при заключении договора часть культовых предметов отсутствовала²¹⁹. С другой стороны, в распоряжении властей имелись более или менее точные учетные сведения об имуществе религиозных общин. В Ядринском уезде, к примеру, органы управления располагали «Ведомостями золотых и серебряных вещей и драгоценных камней, находящихся в церквях города и уезда», с указанием приблизительного веса ценностей²²⁰. В начале 1920-х годов органами НКВД в автономии периодически осуществлялась проверка и оценка в золотой валюте имущества церквей, переданных религиозным организациям по договорам. Подобные проверки показывали, что «хищения, растраты и порчи имущества со стороны религиозных организаций не было»²²¹.

В Чувашии был проведен только один показательный процесс: священника и группу прихожан чебоксарской Воскресенской церкви обвинили в агитации против изъятия церковных ценностей. Это судебное «действие» широко освещалось на страницах местной прессы²²². Двое обвиняемых (священник Александр Соловьев и прихожанин Николай Галахов) как «непримиримые враги рабочекрестьянской власти, сознательно продолжающие дело черной революции в лице Патриарха Тихона и прочих князей церкви» были приговорены судом Революционного трибунала Чувашской АО к высшей мере наказания (расстрелу), один обвиняемый был оправдан, остальные — с учетом «неграмотности, неразвитости и социального положения» и «легкомысленного и болезненного состояния и чистосердечного признания» — осуждены к различным срокам заключения и принудительных работ. После кассационной жалобы приговоренных к расстрелу во ВЦИК РСФСР смертная казнь была заменена 10 годами принудительных работ для Н.Я. Галахова и 5 годами лишения свободы для А.А. Соловьева²²³. Всего же нами были выявлены фамилии 14 человек, арестованных за агитацию против изъятия ценностей, среди которых были священнослужители, старосты церквей и члены церковных советов, служащие советских учреждений, крестьяне (Приложение 3). Для сравнения, по данным Р.Р. Хайрутдинова, в Татарской АССР за сокрытие ценностей и агитацию против изъятия к августу 1922 г. были арестованы и переданы в ревтрибунал 7 человек (четыре священника и три церковнослужителя)²²⁴.

Таким образом, рассмотрение вопроса о сопротивлении духовенства и верующих насильственному изъятию церковных цен-

ностей и использовании властными структурами фактов такого противодействия для проведения репрессий позволяет отметить следующие ключевые моменты проблемы. Кампания, проводившаяся по принципу «надо изъять все самое ценное» и нередко сопровождавшаяся хамским поведением членов КИЦЦ, естественно провоцировала ответную реакцию духовенства и прихожан. Степень сопротивления изъятию была различной: если в относительно благополучных центральных губерниях дело доходило до кровавых столкновений, то в голодающем Поволжье экспроприация церковных ценностей прошла относительно спокойно. Столкнувшись в ряде регионов с массовым сопротивлением, власти потребовали от рядовых исполнителей «не допускать бесчинств», однако сам процесс изъятия не останавливали, а вспышки народных выступлений жестко подавляли. При этом факты сопротивления священнослужителей и верующих изъятию церковных ценностей были незамедлительно использованы для начала очередной волны репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: **Димитриев В. Д.** Помощь советского государства и русского народа трудящимся Чувашии по борьбе с голодом 1921—1922 гг. // Записки ЧНИИ. Выпуск IV. — Чебоксары, 1950. — С. 10; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть 1. — Чебоксары, 1989. — С. 89; **Петров И. Е.** Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. — Чебоксары, 1968. — С. 101; **Поляков Ю. А.** 1921-й: победа над голодом. — М., 1975. — С. 28—32.

2. См.: **Денисов П. В.** Религия и атеизм чувашского народа. — Чебоксары, 1972. — С. 279; **Плаксин Р. Ю.** Тихоновщина и ее крах. — Л., 1987. — С. 171; **Чемерисский Н. А.** Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающих // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 10. — М., 1962. — С. 186—212.

3. Послание Святейшего Патриарха Тихона «К народам мира и к православному человеку по поводу голода в России» // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / сост. М. Е. Губонин. — М., 1994. — С. 177.

4. **Кротов Я. Г.** История изъятия церковных ценностей в

1922—1923 гг. // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/chern/1922_izyatie.htm

5. **Урядова А. В.** Русская Православная церковь в Советской России в первой половине 1920-х гг. глазами эмигрантов // Российское объединение исследователей религии: [сайт]. URL: <http://www.rusoir.ru/print/04/23/>

6. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 477.

7. Там же. — С. 483.

8. **Хрусталеv М. Ю.** Русская Православная церковь в центре и на периферии в 1918—1930-х годах (на материалах Новгородской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Архангельск, 2004 // Цит. по: Вологодская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/khr/ust/aly/ov/4.htm>

9. **Доброновская А. П.** Религиозная жизнь населения Приенисейского региона на переломе эпох (1905—1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Красноярск, 2007. — С. 18.

10. **Семина М. В.** Кампания по изъятию церковных ценностей в Рязанской губернии (1922 г.) // Седмица.ru: сайт церковно-научного центра «Православная энциклопедия». URL: <http://www.sedmitza.ru/text/818101.html>.

11. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р—121. Оп. 2. Д. 15. Л. 9, 39, 46.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р—1235. Оп. 44. Д. 73. Л. 48—49; **Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.** Красные конкистадоры. — М., 1994. — С. 157—158; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>.

13. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф—15. Оп. 1. Д. 485. Л. 51.

14. **Кротов Я. Г.** История изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг. // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/chern/1922_izyatie.htm

15. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2. / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. — М., Новосибирск, 1997. — С. 8—10.

16. Там же. — С. 12—14.
17. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>
18. **Покровский Н. Н.** Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг.: в 2 кн. Кн. 1. — М., Новосибирск, 1997. — С. 9.
19. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 11.
20. См.: **Стародубцев О. В.** Русская Православная церковь и церковное искусство. 1917—1988 гг. // Православие.ру: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/iskusstvo.htm>; **Цыпин В.**, прот. Русская Православная церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2000. — С. 138.
21. **Губкин О.** Русская православная церковь под игом богороческой власти в период с 1917 по 1941 годы // Богослов: Научный богословский журнал: [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/246503/index.html>; **Румянцев Д.**, свящ. Русская Православная церковь в годы большевистских гонений 1918—1926 годов // Азбука веры: электронная православная энциклопедия: [сайт]. URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/kniznaya_polka/rumiancev/rumiancev_istoriya_russkaya_pravoslavnaya_cerkov_2-all.shtml
22. **Кротов Я. Г.** История изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг. // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/chern/1922_izyatie.htm
23. Воззвание патриарха Тихона к духовенству и верующим Российской Православной церкви по поводу изъятия церковных ценностей от 15 (28) февраля 1922 г. // Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 113; **Литвин А. Л.** Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. — Казань, 1995. — С. 210.
24. **Солженицын А. И.** Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 1. — М., 1990. — С. 248.
25. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р—822. Оп. 1. Д. 346. Л. 16.
26. А что сделало духовенство Москвы? // Известия ВЦИК. — 1922. — 8 марта.
27. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ).

Ф. Р—111. Оп. 1. Д. 156. Л. 34.

28. Цит. по: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 9.

29. См.: **Алексеев А. В.** Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. — 1990. — № 10. — С. 96; **Шкаровский М. В.** Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. — СПб., 1995. — С. 51—52.

30. Об организации Всероссийской Центральной Комиссии по борьбе с голодом при ВЦИК: Обращение ЦК РКП (б) от 10 августа 1921 г. № 111 // Справочник партийного работника. — Вып. 2. — М., 1922. — С. 159.

31. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>; **Хайрутдинов Р. Р.** В церквях и монастырях по возможности ничего не оставлять... (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Эхо веков. — 2006. — № 2. — С. 80.

32. См.: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 12.

33. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р—65. Оп. 3. Д. 26. Л. 167—195, 201—210; Д. 53. Л. 10об.; Ф. Р—96. Оп. 1. Д. 16. Л. 5—9.

34. О земле: Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 28 октября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции (далее — СУ РСФСР). — 1917. — № 1. — Ст. 3.

35. О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими: Декрет ВЦИК от 9 мая (26 апреля) 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 35. — Ст. 468.

36. **Димитриев В. Д.** К истории сельского хозяйства и крестьянства Советской Чувашии в годы гражданской войны // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. — Чебоксары, 1983. — С. 37.

37. Об организации снабжения населения всеми продуктами личного потребления и домашнего хозяйства: Декрет СНК от 21 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 83. — Ст. 879.

38. ГИА ЧР. Ф. Р—109. Оп. 1. Д. 131. Л. 8.

39. Там же. Д. 130. Л. 98—98об.

40. О единовременном чрезвычайном десятимиллиардном

революционном налоге: Декрет ВЦИК от 2 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 80. — Ст. 841.

41. О единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными Советами депутатов: Декрет СНК от 31 октября 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 81. — Ст. 846.

42. ГИА ЧР. Ф. Р—194. Оп. 1. Д. 50. Л. 7об.

43. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 34. Л. 3об.; Ф. Р—679. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об., 2.

44. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 34. Л. 22.

45. Там же. Ф. Р—157. Оп. 1. Д. 885. Л. 96—97.

46. Там же. Д. 10. Л. 16.

47. Там же. Д. 882. Л. 26.

48. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 18. — Ст. 263.

49. О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция): Постановление Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 62. — Ст. 685.

50. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р—982. Оп. 1. Д. 3. Л. 127—127об.

51. О ценностях, находящихся в церквях и монастырях: Декрет ВЦИК от 27 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 19. — Ст. 215.

52. **Говорова И. В.** Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2006. — С. 19—20.

53. Воззвание патриарха Тихона о помощи голодающим от 6 февраля 1922 г. // Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 11.

54. Указ («Секретная инструкция») Святейшего Патриарха Тихона по вопросу об отношении к изъятию церковных ценностей // Акты Святейшего Тихона... — С. 191.

55. О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих: Декрет ВЦИК от 23 января 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 19. — Ст. 217.

56. **Губкин О.** Русская православная церковь под игом богороборческой власти в период с 1917 по 1941 годы // Богослов: Научный богословский журнал: [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/246503/index.html>

57. **Горев М.** Церковные богатства и голод в России. — М., 1922. — С. 8; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Полит-

бюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

58. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф—2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1.

59. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 18.

60. **Лидин** [псевдоним]. Церковь и голод // Известия Всетатарского ЦИК. — 1922. — 12 февраля. — С. 2.

61. К трудящимся г. Казани! Обращение Казанского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов и Совета профессиональных союзов Татарской Республики // Известия Всетатарского ЦИК. — 1922. — 26 марта. — С. 1.

62. Правда. — 1922. — 24 февраля.

63. Красный пахарь. — 1922. — 2 апреля. — С. 1.

64. К вопросу об изъятии церковных ценностей [редакционная статья] // Известия ВЦИК. — 1922. — 24 марта. — С. 1.

65. Послание Святейшего Патриарха Тихона от 15 (28) февраля 1922 г. «О помощи голодающим и изъятии церковных ценностей» // Акты Святейшего Тихона... — С. 190.

66. **Моргенштерн М. М.** 15 месяцев голодного фронта // Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг.: сб. статей и отчетов. — М., 1922. — С. 20—21.

67. **Ярославский Е. М.** По делам вашим воздастся вам // Ярославский Е. М. Против религии и церкви: в 3 т. Т. 1. — М., 1932. — С. 55.

68. **Александров В. Н.** В борьбе с последствиями неурожая 1921 года в Чувашии (Воспоминания). — Чебоксары, 1960. — С. 13.

69. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 83.

70. Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 149.

71. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). — 3-е изд., доп. — М., 2005. — С. 77.

72. См.: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 115—116.

73. РГАСПИ. Ф—2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1.

74. Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 129, 139.

75. Там же. — С. 134.

76. Правда. — 1922. — 2 апреля.

77. **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 174.

78. **Трифонов И.** Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). — М., 1960. — С. 34; **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 184.

79. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 68об.; Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 110—112.
80. Тоже «христолюбцы» // Известия ВЦИК. — 1922. — 2 марта. — С. 2.
81. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 582.
82. Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 65—66; Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 582, 598, 600, 606, 619; ЦГА ИПД РТ. Ф—15. Оп. 1. Д. 485. Л. 195.
83. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М., 1965. — Т. 54. — С. 206.
84. ГА РМЭ. Ф. Р—111. Оп. 1. Д. 205. Л. 25.
85. **Хайрутдинов Р. Р.** Указ. соч. — С. 79.
86. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П—1. Оп. 3. Д. 10. Л. 44.
87. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 581.
88. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 175. Л. 11.
89. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р—200. Оп. 2. Д. 1068. Л. 3; Д. 1235. Л. 37, 38.
90. ГИА ЧР. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 155. Л. 16; Ф. Р—611. Оп. 1. Д. 4. Л. 133.
91. Там же. Ф. Р—157. Оп. 1. Д. 1639. Л. 1.
92. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 128, 129, 130, 131; Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 3—3об., 27—27об.; Ф. Р—238. Оп. 1. Д. 450. Л. 1—2.
93. ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 3. Д. 10. Л. 79; Д. 134. Л. 63.
94. **Альтюк** [псевдоним]. К вопросу об использовании церковных ценностей на помощь голодающим // Чувашский край. — 1922. — 14 марта. — С. 1.
95. ГИА ЧР. Ф. Р—123. Оп. 1. Д. 476. Л. 10.
96. **Денисов П. В.** Указ. соч. — С. 282.
97. Церковное золото для голодающих! // Чувашский край. — 1922. — 19 февраля. — С. 1; **Кузнец** [псевдоним]. Религиозные общины, спешите на помощь! // Там же — 28 февраля. — С. 1; Голод и верующие // Там же. — 18 марта. — С. 1.
98. Церковные ценности — голодающим // Известия Всетатарского ЦИК. — 1922. — 14 февраля. — С. 3; Богатства церквей — голодающим // Там же. — 15 февраля. — С. 1; Церковные ценности на хлеб // Там же. — 16 марта. — С. 1.
99. ГА РМЭ. Ф. Р—238. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.
100. Чувашский край. — 1922. — 21 апреля. — С. 2; 28 апреля. — С. 1; 3 мая. — С. 2; 5 мая. — С. 2.

101. **С. К.** [псевдоним]. Надо скорее закончить изъятие церковных ценностей // Чувашский край. — 1922. — 28 апреля. — С. 1.
102. Чувашский край. — 1922. — 15 апреля. — С. 2.
103. Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих: Постановление Центральной комиссии помощи голодающим и Народного комиссариата юстиции от 23 февраля 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 19. — Ст. 218.
104. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 89.
105. ГИА ЧР. Ф. Р—711. Оп. 1. Д. 41. Л. 74—80, 83—84, 109—111.
106. ГИА ЧР. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 155. Л. 32.
107. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 155. Л. 18; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 171. Л. 3; Ф. Р—300. Оп. 1. Д. 19. Л. 3—6.
108. Протокол № 7 заседания Комиссии по учету и сосредоточению ценностей от 10 марта 1922 г. // Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 42.
109. ГИА ЧР. Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 7.
110. Там же. Ф. Р—157. Оп. 1. Д. 1639. Л. 4, 7, 12; Ф. Р—244. Оп. 1. Д. 181. Л. 3.
111. Церковные ценности и верующие // Чувашский край. — 1922. — 15 апреля. — С. 1.
112. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 180. Л. 1; Ф. Р—300. Оп. 1. Д. 39. Л. 32.
113. **Чемерисский И. А.** Советская страна в борьбе с трудностями, вызванными неурожаем 1921 года: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1966. — С. 11—12.
114. **Поляков Ю. А.** Указ. соч. — С. 74.
115. **Кудряшов Г. Е.** Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. — Чебоксары, 1961. — С. 118.
116. **Трифонов И. Я.** Раскол в русской православной церкви (1922—1925 гг.) // Вопросы истории. — 1972. — № 5. — С. 67.
117. **Димитриев В. Д.** Помощь советского государства и русского народа трудящимся Чувашии по борьбе с голодом 1921—1922 гг. — С. 24, 28, 31.
118. **Денисов П. В.** Указ. соч. — С. 294.
119. Голод и верующие. Почин сделан // Чувашский край. — 1922. — 18 марта. — С. 1; Помощь верующих // Там же. — 3 мая. — С. 2.

120. ГИА ЧР. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 34. Л. 8, 10, 14, 16, 17, 18, 19; Ф. Р—122. Оп. 1. Д. 129. Л. 44—48.
121. Там же. Ф. Р—195. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.
122. Очерки истории Марийской АССР (1917—1960) / отв. ред. А.В. Хлебников. — Йошкар-Ола, 1960. — С. 142.
123. См.: **Елизаров Г. Е.** Незабываемое. — Саратов, 1962. — С. 209—210; **Ухъянкин С. П.** Указ. соч. — С. 104.
124. ГАСИ ЧРФ. П—1. Оп. 3. Д. 132. Л. 26—26об.
125. ГИА ЧР. Ф. Р—157. Оп. 1. Д. 1640. Л. 13.
126. Чувашский край. — 1922. — 31 января. — С. 1.
127. ГИА ЧР. Ф. Р—195. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
128. В Чебоксарах изъятие церковных ценностей закончено // Чувашский край. — 1922. — 15 апреля. — С. 1.
129. ГИА ЧР. Ф. Р—611. Оп. 1. Д. 4. Л. 229.
130. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 63. Л. 250; Д. 174. Л. 52; Д. 175. Л. 11.
131. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174. Л. 52.
132. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174. Л. 36; Ф. Р—1610. Оп. 1. Д. 20. Л. 36.
133. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 177. Л. 23, 26, 34об., 40, 45, 49, 58об., 65об.
134. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 33; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174. Л. 4, 11, 18, 33.
135. Там же. Ф. Р—195. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.
136. **Поляков Ю. А.** Указ. соч. — С. 74.
137. **Лёвин О. Ю.** Курс лекций по истории Тамбовской епархии, прочитанный в Тамбовской духовной семинарии в 2003—2006 гг. // <http://www.tambovdoc.ru/lektsii-po-istorii-eparhii/18-vskryitie-svyatyih-moschey-i-izyatie-tserkovnyih-tsennostey.php>
138. Письмо В.И. Ленина Л.Д. Троцкому для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. / публ. подготовлена Ю. Ахапкиным, И. Китаевым, В. Степановым // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 191.
139. Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. — С. 440.
140. См.: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 79.
141. ГАРФ. Ф. Р—1065. Оп. 4. Д. 182. Л. 125.
142. Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих: Постановление Центральной комиссии помощи голодающим и Народного комиссариата юстиции от 23 февраля 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 19. — Ст. 218.

143. **Чемерисский И. А.** Указ. соч. — С. 12.
144. См.: **Плаксин Р. Ю.** Тихоновщина и ее крах. — Л., 1987. — С. 184.
145. История Чувашии новейшего времени. 1917—1945. — Чебоксары, 2001. — С. 117.
146. Церковные ценности голодающим // Известия ВЦИК. — 1922. — 16 мая. — С. 4; Хлеб на церковные ценности // Там же. — 21 мая. — С. 2.
147. **Денисов П. В.** Указ. соч. — С. 291.
148. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 184. Л. 14; Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 46.
149. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 117 об.
150. ГИА ЧР. Ф. Р—76. Оп. 1. Д. 326. Л. 8.
151. См.: Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 246—248.
152. ГИА ЧР. Ф. Р—300. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
153. Там же. Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 184. Л. 14.
154. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 583; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>
155. В. М-с [псевдоним]. Ценности голодающим (беседа с председателем ВЦИК и ЦК Помгол М. И. Калининым) // Известия ВЦИК. — 1922. — 25 марта. — С. 2.
156. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 2. Д. 45. Л. 137.
157. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 306—307.
158. Там же. — С. 57.
159. Письмо В.И. Ленина Л.Д. Троцкому... — С. 191.
160. **Хайрутдинов Р. Р.** Указ. соч. — С. 79.
161. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 8-е изд. — М., 1970. — Т. 2. — С. 329.
162. **Осокина Е. А.** Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». — М., 2009. — С. 70—71.
163. **Кротов Я. Г.** История изъятия церковных ценностей в 1922-1923 гг. // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/chern/1922_izyatie.htm
164. **Румянцев Д.**, свящ. Русская Православная церковь в годы большевистских гонений 1918—1926 годов // Азбука веры: электронная православная энциклопедия: [сайт]. URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/kniznaya_polka/rumiancev/rumiancev_

istoriya_russkaya_pравoslavnaya_cerkov_2-all.shtml

165. ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 173. Л. 5.

166. Там же. Д. 178. Л. 9—10, 14, 16—18.

167. Там же. Д. 171. Л. 6.

168. См.: **Кутергина Ю. В.** Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви в 1918—1925 гг. во Владимирской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Иваново, 2008. — С. 19.

169. См.: **Покровский Н.Н.** Предисловие // Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 59.

170. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 741об.

171. Там же. Ф. А—2307. Оп. 3. Д. 303. Л. 21—21об.

172. **Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.** Красные конкистадоры. — М., 1994. — С. 189—193.

173. Подробнее см.: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 57—58.

174. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 115 — 118; **Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.** Указ. соч. — С. 179.

175. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 98; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

176. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 117об.; **Козлов В. Ф.** Свидетельствуют документы (Об изъятии церковных ценностей) // Журнал Московской Патриархии. — 1993. — № 9. — С. 51; **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

177. ГАРФ. Ф. Р—1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 1.

178. **Постернак О. П.** Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920—1930-е гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. — М., 2006 // Цит. по: Российский институт культурологии: [неофициальный сайт]. URL: <http://www.riku.ru/aref/poster.htm>

179. О ценностях, находящихся в церквях и монастырях: Декрет ВЦИК от 27 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 19. — Ст. 215.

180. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое под-

- чинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>
181. См.: Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 59.
182. **Стариков С. В., Левенштейн О. Г.** Православные храмы и монастыри Марийского края. — Йошкар-Ола, 2001. — С. 54.
183. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., СПб., 2000. — С. 1012.
184. **Митрохин Н.** Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М., 2004. — С. 8—9.
185. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>; **Шкаровский М. В.** Указ. соч. — С. 82.
186. Отчет за год работы ЦК РКП (б) // Двенадцатый съезд РКП (б). 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — М., 1968. — С. 786.
187. **Калинин М. И.** 38-летний юбилей Морозовской стачки // Калинин М. И. Избранные произведения: в 4 т. Т. 1. — М., 1960. — С. 364.
188. Письмо В. И. Ленина Л. Д. Троцкому... — С. 190—195.
189. ГИА ЧР. Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 46.
190. ЦГА ИПД РТ. Ф—15. Оп. 1. Д. 485. Л. 196.
191. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>
192. ГИА ЧР. Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 40.
193. Статьи 69 и 119 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. // Собрание кодексов РСФСР: официальное издание. — 3-е изд. — М., 1925. — С. 549.
194. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 594, 596, 601, 605, 668.
195. **Чемерисский И. А.** Указ. соч. — С. 11—12.
196. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>
197. **Ильин Ю. А.** Март 1922 г.: церковь, власть, общество (светский взгляд на события 13—15 марта в г. Шуе Иваново-Воз-

несенской губернии) // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2008. — № 3. — С. 54, 57.

198. Там же. — С. 60, 61.

199. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 63—64.

200. **Крапивин М. Ю.** Непридуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го — конец 1930-х годов). — Волгоград, 1997. — С. 68—69.

201. См., например: **Литвин А. Л.** Указ. соч. — С. 210.

202. **Покровский Н. Н.** Предисловие // Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 78.

203. Подробнее см.: **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

204. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 78.

205. Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 152, 161.

206. Письмо В.И. Ленина Л.Д. Троцкому... — С. 191.

207. **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 186.

208. Ярославский Е. М. Тихоновская контрреволюция перед судом // **Ярославский Е. М.** Против религии и церкви: в 3 т. Т. 1. — М., 1932. — С. 61.

209. Акты Святейшего Тихона... — С. 254—255.

210. См.: **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 185.

211. **Дамаскин (Орловский)**, игумен. Гонения на Русскую православную церковь в советский период // Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 // Православная энциклопедия. Русская православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2000. — С. 181.

212. Советская деревня глазами ВЧК... Т. 1. — С. 600; ГИА ЧР. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 776.

213. ГИА ЧР. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 31.

214. Архивы Кремля... Кн. 1. — С. 63.

215. ГИА ЧР. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 31; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174. Л. 2.

216. Люди-звери должны быть наказаны // Трудовая газета. — 1922. — 16 мая. — С. 1; Официальное сообщение президиума уисполкома о событиях в с. Ждамирове // Там же. — С. 1; Ждамировское дело // Там же. — 1 июня. — С. 1—2.

217. ГИА ЧР. Ф. Р—145. Оп. 1. Д. 49. Л. 25.

218. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 31; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174.

Л. 7—9.

219. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 184. Л. 60б.

220. Там же. Ф. Р—22. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

221. Там же. Ф. Р—784. Оп. 2. Д. 33. Л. 38.

222. **Г. К.** [псевдоним]. Верующий эсер Галахов // Чувашский край. — 1922. — 16 мая. — С. 1; **Лаш-н** [псевдоним]. На суде // Там же. — С. 2; «Черные помощники голода» // Там же. — 16 мая. — С. 1—2; 19 мая. — С. 1; **И. К.** [псевдоним]. Маски сняты // Там же. — 19 мая. — С. 1.

223. ГИА ЧР. Ф. Р—2669. Оп. 3. Д. 4560. Л. 237, 252.

224. **Хайрутдинов Р. Р.** Указ. соч. — С. 86.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЛИЯНИЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА РАСКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Религия — живой организм, некомпенсированное выпадение даже одного элемента из этой цепи может повлечь гибель всей системы в целом.

А.К. Салмин, «Система религии чувашей»

Нужда и голод <...> эти нормы разыгрывались всеми политическими партиями, даже церковью.

Вильгельм Райх, «Психология масс и фашизм»

Рассматривая кампанию по изъятию церковных ценностей как многоуровневую и сложносоставную систему, затронувшую практически все — политическую, экономическую, духовную, социальную — сферы жизни общества, нельзя пройти мимо одного исторического факта. Упоминание в различных документах «советского духовенства», «советской части духовенства» и т.п. ставит ребром вопрос об изучении ситуации внутри Русской Православной церкви в начале 1920-х годов. На наш взгляд, использование эпитета «советский (советское)» в отношении священнослужителей говорит, как минимум, об отсутствии в среде православных пастырей единства мнений в оценке предпринятой государственными структурами акции. Изъятие церковных ценностей явилось оселком для испытания моральной, нравственной, психологической и гражданской силы православного, прежде всего, духовенства. Вместе с тем события 1921—1922 годов не должны быть вырваны из общего контекста развития событий, поэтому, чтобы реально оценить происходившее в этот период, неизбежно приходится обратиться к более ранней истории.

Уже к началу революционных потрясений 1917 г. РПЦ находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Внешне она представлялась внушительной силой. Существовавшая в царский период «самодержавная модель» государственной политики вероисповедания закрепляла «союзнические» отношения

между правящим режимом и Русской Православной церковью, обеспечивала последней господствующее и первенствующее положение¹. В империи было 115—125 млн. (около 70% населения) православных верующих, 78 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита с 95 тыс. монашествующих и послушников, 35 тыс. начальных школ, 57 духовных семинарий и 4 духовные академии².

Однако авторитет и влияние этой мощной организации оказались в значительной степени подорванными. Кризис в Русской церкви нарастал постепенно на протяжении двух последних столетий. Отмена в начале XVIII в. патриаршества, введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника полицейскому чиновнику. Это способствовало бюрократизации духовенства и дальнейшему падению его авторитета. Сложность положения Церкви заключалась еще и в том, что формально она являлась государственной, а потому на нее противники легко могли возлагать долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом³. В результате с конца XIX в. в российском обществе, прежде всего — в интеллигентской среде, наступает охлаждение к ценностям православной веры.

Будучи одним из главных звеньев официальной идеологии, Православная церковь в начале XX в. являлась объектом острой критики со стороны местных общественных сил, формирующихся партий. Эпоха так называемого «Серебряного века», по характеристике Н.А. Бердяева, «это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения экстатической чувственности», «русский культурный ренессанс начала века был одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры. Это была эпоха появления новых душ, новой чувственности»⁴, в некоторой степени даже эпоха кардинального изменения индивидуальной и общественной ментальности. По воспоминаниям Андрея Белого, наступление XX в. «для многих совпало с решительным переломом в идеологии»⁵. Переломная эпоха, как правило, переосмысливает все прежние ценностные установки, все бытовавшие ранее нравственные ориентиры. И не остается при этом ни одной области, которая бы сохранила свои

позиции незыблемо. Сомнению подвергается все, знак вопроса ставится над каждой моральной, социальной, культурной, политической и т.п. нормой. Подобные тенденции отмечались в отечественной истории и раньше, но тогда они были идеями для «избранных», для узкого, замкнутого круга образованных людей. А в начале XX в. антиклерикальные настроения проникают, вызывая соответствующую реакцию, в широкие народные массы.

Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в самой Русской Православной церкви также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. часть духовенства, в том числе и епископата, открыто проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и системой в целом. Так, в этот год «группа 32-х священников»^{*} обратилась к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому) с запиской о необходимости перемен в русском церковном управлении. Более того, от слов в ряде случаев перешли к реальным делам: создавались приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, возрождалось проповедничество и т.д. Накануне 1917 г. в России сложилась такая ситуация, что сама Церковь была заинтересована в «отдалении» от государства, в отделении от его чиновнического аппарата; однако при этом Церковь желала сохранить свои финансово-политические привилегии: первенствующее и господствующее положение по сравнению с другими конфессиями, а также во многом — государственное обеспечение⁶.

Поэтому неудивительно, что Февральская революция стала и «религиозной революцией»: в марте-апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян, в соответствии с решениями которых с кафедр

* «Группа 32-х» («группа 32-х петербургских священников», «группа 32-х различных священников») – группа священников, обратившихся в 1905 г. к митр. Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому) с запиской о необходимости перемен в русском церковном управлении. Считаются родоначальниками движения за обновление Русской Православной церкви. В октябре 1905 г. «группа 32-х» была преобразована в «Союз церковного обновления», в конце того же года – в «Братство ревнителей церковного обновления». В августе 1907 г. появляются первые сведения о распаде «Братства...», вызванном как внешним давлением, так и отсутствием внутреннего единодушия. К 1914 г. «Братство...» прекратило свое существование. По мнению Ютты Шеррер (см.: Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 99), некоторые из прежних членов «Группы 32-х» вновь появились в 1917 г. Непосредственно после Февральской революции в Петрограде ими был создан «Общероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян», в Москве они активно участвовали в подготовке поместного Собора Русской Православной церкви.

были смещены свыше десяти наиболее скомпрометированных архиереев и вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления и демократизировалась приходская жизнь⁷. По заключению В. Черкасова, установилась «свобода церкви на началах соборности», «свобода, которая не дает отчета в своих решениях и распорядке своей жизни светской власти и не находится под ее давлением»⁸.

В последующие годы Церковь, сохраняя внешне институциональный характер, так и не смогла обрести законченной внутренней целостности. «Свобода, которая не дает отчета в своих решениях», распространилась не только на государственно-церковные отношения, но и на уклад жизни в самой Православной церкви. Некоторые из местных иерархов, например, украинских, почувствовав вкус «дарованной свободы», стремились ко все большей автономизации от Центра. Революционно-реформаторские мероприятия советской власти эхом отдавались в стенах православных храмов и других культовых объектов.

Во внутрицерковной политике начала 1920-х годов краеугольным камнем стал вопрос об отношении к изъятию церковных ценностей. «Большая» государственная политика вызвала раскол духовенства на два противоборствующих лагеря. В редакционной статье газеты «Правда» отмечалось, что «духовенство — в особенности рядовое — в вопросе помощи голодающим определенно стало на сторону мероприятий советской власти»⁹. В обобщающем информации с мест циркуляре Главполитпросвета констатировалось, что «низшее духовенство под влиянием потрясающих размеров голода и давлением более сознательной массы верующих проявляет готовность помочь голодающим путем выдачи церковного золота и серебра государству»¹⁰. Так, постановил «помочь голодающим и положить церковные богатства на алтарь спасения отечества» съезд духовенства Усть-Медведицкого округа Царицынской губернии¹¹. Воззвание к верующим о добровольной сдаче церковных ценностей в пользу голодающих выпустило в марте 1922 г. духовенство Белозерского и Кирилловского уездов Череповецкой губернии¹². «...много в наших храмах серебряных и других ценностей... Как же может быть спокойна душа, когда за эти драгоценности можно спасти сотни тысяч наших несчастных братьев», — говорилось в обращении Саратовской епархии¹³.

Нельзя при этом не отметить, что далеко не последнюю роль в поддержке местным духовенством действий властей по изъятию церковных ценностей в ряде случаев играл факт сокрытия руководителями ряда епархий посланий Патриарха Тихона. Так, важной причиной лояльного отношения духовенства и верующих Вятской епархии к изъятию церковных ценностей явилось то обстоятельство, что управляющим канцелярией епископа Павла протоиереем А.А. Поповым не только не была организована рассылка по приходам послания Патриарха Тихона от 23 февраля 1922 г. о недопустимости изъятия ценностей, но и вообще был сокрыт факт существования такового послания¹⁴.

Не было однозначным и отношение духовенства Чувашии к проводившейся кампании по изъятию церковных ценностей. Показательна в плане раскола ситуация в Ядринском уезде автономии: в телефонограмме помощника уполномоченного ГПУ по Ядринскому уезду отмечалось, что «священники ведут агитацию против изъятия»¹⁵, а в самом городе священник В. Никольский на заседании подкомиссии по изъятию церковных ценностей заявил, что «Церковь как таковая не нуждается ни в каких ценностях»¹⁶, и за подписью названного священника, а также протоиерея В. Бонифатьева и священника П. Зороастрова было выпущено воззвание, призывавшее духовенство и верующих принять «проведение в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей, как единственный выход к спасению голодающих собратий в мире и спокойствии»¹⁷. Аналогичное воззвание, подписанное священниками С. Егоровым (из с. Темяши), А. Ивановым (с. Хомбутьево) и Н. Максимовым (с. Ибреси), распространялось в апреле 1922 г. в Ибресинском уезде¹⁸. В решении, принятом 28 марта 1922 г. собранием представителей верующих и настоятелей общин г. Чебоксар, отмечалось, что «оставаться в стороне от святого дела помощи голодающим нельзя и преступно, а потому обещаем всемерно содействовать обпомголу в деле проведения декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей»¹⁹. Содействовали работе уездной комиссии по изъятию ценностей служители церквей с. Яндашево, с. Сидельниково, с. Тогаево Чебоксарского уезда²⁰.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что внутри Церкви не было единого мнения по вопросу об изъятии церковных ценностей; более того, именно кампания по изъятию церковных ценностей послужила внешней предпосылкой раскола и официального формирования так называемого «об-

новленчества». Часть религиозных деятелей, претендовавших на гегемонию в РПЦ, демонстративно поддержала действия советских властей. Л.Д. Троцкий, которому никак нельзя отказать в умении использовать малейший представившийся шанс для достижения своих целей, предложил немедленно использовать наметившийся раскол в РПЦ. Он недаром возглавлял «военное ведомство» страны (Реввоенсовет Республики) — мозг четко проработал ситуацию и взвесил все «за» и «против» крамольного с точки зрения идеологической и идеального с точки зрения тактической варианта.

Разрываясь между возможностью лобового удара и широкомасштабных репрессий, с одной стороны, и созданием «собственной», «партийной» Церкви, с другой стороны, Л.Д. Троцкий разыграл карту амбициозных устремлений ряда религиозных деятелей. В записке Льва Давидовича в Политбюро ЦК РКП (б) от 12 марта 1922 г. предлагалось допустить представителей «советской части» духовенства в центральные и местные органы Помгола, а в подготовленной в тот же день записке В.И. Ленину, отмечалось, что Комиссия по изъятию уже привлекла к организационно-технической работе «значительное количество» священников, в том числе архиереев, которые «стоят за изъятие» и даже «поддержат против патриарха в критический момент»²¹. На следующий день на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было официально принято решение о «временном допущении советской части духовенства» в органы Помгола²². Постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 13 апреля 1922 г. в состав ЦК Помгола для «работы по реализации церковных ценностей» был введен епископ Антонин* (Грановский)²³.

В записке Л.Д. Троцкого от 30 марта 1922 г., без возражений

* Антонин (Александр Андреевич Грановский), епископ (1865–1927) – русский православный библист, церковно-общественный деятель. В молодости принимал участие в археологических работах, изучал восточные языки. В 1891 г. окончил Киевскую духовную академию (КДА); на последнем курсе академии принял монашество. С 1891 г. – иеромонах и помощник инспектора КДА; затем преподавал в ряде духовных училищ на Украине, был ректором Благовещенской духовной семинарии. С 1898 г. – архимандрит, годом позже назначен членом Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета. В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. уволен на покой. В 1913 г. назначен епископом Владикавказским. В 1920-х годах примкнул к «обновленчеству», но затем основал самостоятельный «Союз церковного возрождения», в рамках которого проводил радикальные богослужебные реформы (алтарь был перенесен в центр храма, служба велась на современном языке и т.п.). В последние годы жизни вел переговоры о воссоединении с Московской Патриархией.

утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству. Основываясь на старом как мир принципе «разделяй и властвуй», Л.Д. Троцкий предлагал с помощью обновленческого духовенства «повалить контрреволюционную часть церковников» и довести эту кампанию до полного организационного разрыва с прежней иерархией, до созыва нового собора и выборов новой иерархии²⁴. Фактически власть санкционировала действия церковной «оппозиции» Патриарху Тихону на решительные действия.

Вполне естественно, что представители обновленчества не преминули воспользоваться предоставившимся им шансом. 12 мая 1922 г. их делегация в составе протоиереев А.И. Введенского* и В.Д. Красниченко**, священников Е.Х. Белкова*** и С. Калиновско-

* *Введенский Александр Иванович* (1889–1946) – один из лидеров обновленческого движения в 1922–1946 гг. Родился в семье учителя латинского языка (впоследствии – директора гимназии). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1913), экстерном – Санкт-Петербургскую духовную академию (1914). В июле 1914 г. рукоположен во пресвитера, в 1921 г. возведен в сан протоиерея, 6 мая 1923 г. хиротонисан в епископа Крутицкого, викария Московской епархии (обновленческого), в 1924 г. возведен в сан митрополита (обновленческого) и назначен управляющим Московской епархии, с апреля 1940 г. – заместитель «Первоиерарха Православной Церкви в СССР», с 10 октября 1941 г. – Первоиерарх Православной Церкви в СССР с титулом «Святейшего и Блаженнейшего Великого Господина и Отца». Один из организаторов «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян» (1917), «Петербургской группы православного духовенства» (1921), «Союза общин Древлеапостольской церкви» (1922). Активный участник Второго Всероссийского Поместного Священного Собора (обновленческого, 1923).

** *Красниченко Владимир Дмитриевич* (1880–1936) – протоиерей (в обновленчестве протопресвитер). Родился в семье сельского священника. Активный участник «Союза русского народа». Штатный член Петроградской духовной консистории (1917–1918). Член правления Братства приходских советов Петрограда и епархии (1918). В 1919–1921 гг. совмещал священнослужение в Князь-Владимирском соборе г. Петрограда с работой в различных советских гражданских и военных организациях. Автор ряда записок и очерков: «О направлении политики Советской власти в отношении православной российской церкви», «Основные положения сочувствующих Р[оссийской] К[оммунистической] партии из православного духовенства Петроградской епархии», «Революционные традиции православного духовенства» и др. (1919). С мая 1922 г. – председатель группы «Живая церковь», заместитель председателя обновленческого Высшего церковного управления.

*** *Белков Евгений Христофорович* (1882–1930) – священник, деятель обновленческого движения. Сын петербургского протоиерея. Беллетрист, писавший рассказы с резкой критикой быта духовенства под псевдонимом «К. Толшемский». Служил третьим священником в церкви святых Захарии и Елисаветы в Пе-

го^{*} посетила Патриарха Тихона и заявила ему, что контрреволюционная политика церковного руководства подрывает авторитет Православной церкви и ее влияние на широкие массы. Делегаты потребовали немедленной отставки Патриарха. Представители инициативной группы самочинно взяли высшую церковную власть в свои руки. Как отмечал впоследствии один из идеологов и организаторов обновленчества профессор Б.В. Титлинов, «деятели «Живой церкви»^{**} взяли власть сами, в порядке революционном, внеканоническом и, если угодно, антиканоническом»²⁵. Вскоре после «захвата власти» (по оценке начальника VI отделения Секретного отдела ОГПУ^{***} Е.А. Тучкова) обновленцы с целью оформления и закрепления легитимности своего движения созвали первый Всероссийский съезд, провели в Москве учредительное собрание и создали Высшее церковное управление (ВЦУ)²⁶.

Для захвата церковного управления на местах ВЦУ направил в Ленинград (Ленинграде). Первоначально был ближайшим сотрудником протоиерея А.И. Введенского. С мая по август 1922 г. являлся членом и управляющим делами обновленческого ВЦУ. В декабре 1922 г. порвал с А.И. Введенским и создал «Союз религиозно-трудовых общин», основным пунктом программы которого было утверждение, что «приход есть трудовая община, и богослужение – методология жизни, вводящая каждого человека во вселенское церковное действо. Единая же цель всего – богочеловечество людей в соборности, что и есть православие». Обновленческого собора не признал.

* *Калиновский Сергей* – священник, деятель обновленческого движения. Служил в Гребневской церкви на Лубянке в Москве. После революции пытался создать крайне левую Христианско-социалистическую партию, на что испрашивал благословения Святейшего Патриарха Тихона. К началу событий мая 1922 г. издал первый номер журнала «Живая церковь», от которого получило название все обновленческое движение на первом этапе. Вскоре был отстранен более энергичными лидерами обновленчества; после неудачной попытки создать группу «Внеобрядового христианства» сделал публичное заявление об утрате веры в Бога и снятии сана и стал сотрудничать в газете «Безбожник».

** *Живая церковь* – основная обновленческая группа до 1923 г. Создана 29 мая 1922 г., организована по принципу партии. Ее целью было провести радикальное реформирование Православной церкви. 6 августа 1922 г. живоцерковники созвали в Москве «Всероссийский съезд белого духовенства» для подготовки обновленческого Собора. На II Поместном Соборе (1-ом обновленческом) у живоцерковников была самая крупная фракция (около 200 делегатов). Однако в результате последовавших затем расколов «Живая церковь» начала терять сторонников. После смерти своего лидера В.Д. Красницкого в 1936 г. фактически распалась.

*** Секретный отдел Секретно-оперативного управления ОГПУ занимался борьбой с антисоветской деятельностью отдельных лиц, партий, организаций; имел восемь отделений, VI отделение специализировалось на борьбе с православной церковью, конфессиями и сектами.

вило по епархиям 56 уполномоченных. На территории Чувашии церковники-обновленцы впервые появились летом 1922 г., в ноябре того же года отдельные группы «прогрессивно-верующих» сторонников «Живой церкви» организационно оформились в г. Алатыре²⁷. В первой половине 1923 г. почти во всех уездах Чувашской автономной области состоялись съезды духовенства и мирян, в ряде случаев они не поддерживали обновленческое движение: так, не оправдал надежд обновленцев съезд духовенства в г. Ядрине, собрания духовенства и верующих в селениях Новое Ахпердино и Малые Яльчики Батыревского уезда в марте 1923 г. и др.²⁸ Однако в других местах обновленцы имели успех (например, информационной отчет по Чебоксарскому уезду за 1923 г. сообщает, что «попы в районе Богородской волости с жадностью ухватились за идею «Живой церкви»»)²⁹. К лету 1923 г. обновленцы контролировали почти половину приходов Чувашской автономной области и добились создания Областного церковного управления, во главе которого был поставлен священник Виктор Зайков* из с. Кошелеи Батыревского уезда, посвященный в связи с этим в сан епископа (позднее — архиепископа) и нареченный Тимофеем³⁰.

Борьба между сторонниками патриарха Тихона и обновленцами в Чувашии приняла своеобразную форму: под флагом борьбы с тихоновцами чувашское духовенство думало организоваться по национальному признаку. Мысль о создании национальной религиозной организации была высказана не впервые. Еще на I Чувашском Всероссийском съезде (Казань, январь 1918 г.) была принята резолюция «немедленно заменить русское духовенство в чувашских приходах духовными лицами из чуваш, богослужение совершать во всех церквях среди чувашского населения на чувашском языке, принять меры к немедленному возвращению духовных лиц из чуваш, желающих служить среди чувашского населения»³¹. В марте 1919 г. выдающийся деятель культуры и просвещения чувашского народа И.Я. Яковлев представил патриарху Тихону подробный доклад о необходимости назначить для чувашей особого епископа с целью поддержания и укрепления веры и

* Тимофей (Зайков Виктор Сергеевич) [1858–1937] – священник церкви с. Кошелеи Цивильского уезда (ныне с. Большие Кошелеи Батыревского района Чувашской Республики). Выпускник Симбирской чувашской учительской семинарии. Рукоположен в сан священника в 1885 г., с 1914 г. – окружной миссионер. Архиепископ Чувашский (1924–1937). Репрессирован (1937). Реабилитирован (1989).

благочестия в народе, причем он имел в виду чувашей пяти уездов Казанской губернии и трех уездов Симбирской губернии, где чуваша проживали компактно. Ходатайство И.Я. Яковлева осталось без удовлетворения³². Неудивительно, что, не встретив понимания у Патриарха, многие представители национальной интеллигенции и духовенства поддержали обновленческий Синод, образовавшийся в 1922 г. В отличие от «тихоновцев» обновленцы благосклонно отнеслись к идее создания самостоятельной чувашской структуры с епископом-чувашом во главе.

4—5 марта 1924 г. в с. Шихазаны Цивильского уезда прошел областной церковный съезд, который (несмотря на оппозицию сторонников патриарха Тихона и даже сопротивление идеолога обновленчества в Поволжье, члена Казанского епархиального управления Е. Сосунцова) поддержал деятелей обновленческого движения и признал образование епископата в Чувашской автономной области³³. Съезд выразил благодарность советским органам Чувашской автономной области «за отзывчивое отношение» к просьбам чувашского духовенства, а председатель съезда протоиерей В. Краснов* даже заявил, что «если прежние гражданские и церковные высшие власти нам отказывали, то именуемая безбожной советская власть по своей милостливой беспристрастности для успокоения мятущихся верующих чувашей не воспрепятствовала иметь своего епископа»³⁴.

По этой причине к обновленцам примкнул и известный миссионер, общественный деятель и переводчик о. Даниил (Филимонов)**. «Оказывается, — сообщал он в январе 1924 г. Н.И. Никольскому***, — у чуваш есть уже свое епархиальное управ-

* Краснов Василий Тимофеевич – священник церкви с. Хормалы Батыревского уезда Чувашской автономной области, уполномоченный ВЦУ обновленческой церкви по Чувашской епархии (1923), инициатор создания православной автокефальной Чувашской национальной церкви (1924).

** Филимонов Даниил Филимонович (1855–1938) – христианский просветитель, переводчик, педагог, общественный деятель. После окончания инородческой учительской семинарии в Казани (1875) преподавал в Симбирской чувашской школе. С 1882 г. – священник. Служил в чувашских селах Казанской и Самарской губерний. С 1924 г. – епископ Чебоксарский (обновленческий), викарий Чувашской епархии. В январе 1929 г. возведен в сан архиепископа (обновленческого), но уже в октябре того же года подал в отставку. Последние годы жизни провел в д. Первое Степаново Цивильского района, где состоял настоятелем местной церкви.

*** Никольский Николай Васильевич (1878–1961) – историк, этнограф, доктор исторических наук (1947). Окончил Казанскую духовную академию. Работал в различных учебных заведениях. В 1906 г. организовал издание первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть). В 1930–1940-е годы вел научную работу как внештатный

ление. Слава Богу, что давнишние наши мечты осуществились»³⁵. Указом Священного Синода (обновленческого) от 19 января 1924 г. о. Даниил Филимонов был назначен епископом Чебоксарским, викарием Чувашской епархии³⁶. После победы на областном церковном съезде обновленцы стали быстро множить число своих сторонников среди духовенства автономии. В течение 1924 г. они установили контроль над 68 приходами Чувашской автономной области, в то время как сторонники Патриарха Тихона сохранили контроль всего лишь над 37 приходами³⁷.

В отечественной историографии до сих пор не утихают споры по поводу содержательных характеристик «советского обновленчества». Преобладающим следует признать стремление, по возможности, органически связать между собой движение за церковное обновление конца XIX — начала XX вв. и обновленческий раскол 1920-х годов. Так, по мнению Н. Митрохина, «требования демократизации, раздававшиеся с начала XX в. в церковной среде, породили движение обновленцев»³⁸, ставшее оппозицией «слева». «Обновленчество, приобретшее характер схизмы в 1922 г., не было совершенно новым явлением. Это был созревший плод от древа, прозябавшего еще в начале столетия. Нигилистическое пренебрежение церковной традицией, стремление к радикальной модернизации и богослужебного чина, и всего исторически сложившегося уклада церковной жизни под демагогическим лозунгом возвращения к нормам Апостольского века, попрание канонов, политическая ангажированность — все эти родовые черты обновленчества обнаруживались ... уже в 1905 г.», — полагает один из ведущих на сегодняшний день церковных историков В. Цыпин³⁹. Согласен с ним и М.В. Шкаровский, утверждающий, что обновленческое движение в Русской Православной церкви «имеет длительную, уходящую в века предысторию». Организационно оформившись в 1905—1906 годах, группа реформаторов после февраля 1917 г. широко развернула свою деятельность, но на соборе осталась в меньшинстве. Остатки затем стали центром обновленчества; воспользовавшись удобным случаем, они похитили церковную власть. Впоследствии к этому ядру примкнули рядовые участники, оказавшиеся включенными в раскол «логикой развития событий»⁴⁰.

Вместе с тем значительная группа современных исследователей научно-исследовательских институтов Чувашской, Татарской, Марийской и Мордовской АССР.

вателей (и автор данной работы склонен разделять именно эту точку зрения) убеждена в том, что раскол 1922 г. и обновленческое движение начала XX в. нельзя смешивать, между ними, практически, нет ничего общего. Н.А. Кривова, Д. Поспеловский (с существенными оговорками) и др. однозначно квалифицируют обновленцев как чуждое официальной Церкви явление⁴¹. Сторонники этого подхода указывают, что при сопоставлении программных положений дореволюционного обновленчества с программой советских обновленцев (и главное — с их практической деятельностью) становится ясно, что раскол 1922 г. никогда не был продолжением идей дореволюционного движения, и никакие видимые совпадения не доказывают обратного. Церковная полемика начала века завершилась Поместным Собором Русской Православной церкви 1917 г. Именно Собор и следует считать прямым наследником этих дискуссий⁴². Кроме того, среди советских обновленцев доминировали люди, не имевшие никакого отношения к дореволюционному движению за церковное обновление (за немногочисленными исключениями), в ряде случаев — откровенные противники обновления — черносотенцы-приспособленцы. Их усилиями была убита свобода церковной проповеди, узаконено церковно-административное насилие и попорчены канонические устои церковной жизни — словом, нормой стало все то, против чего выступали и боролись в свое время представители дореволюционного движения за церковное обновление (стремившегося к ликвидации государственной опеки над церковью, но при этом не выдвигавшего политических лозунгов)⁴³.

Хотя «советские обновленцы», по их собственному признанию, больше всего заботились «о восстановлении жизненной силы церкви» и «спасении ее в новых условиях русской государственности» и основной своей задачей ставили «приспособление церкви к изменившимся после Октябрьской революции условиям»⁴⁴, именно обновленческое движение было использовано большевиками. Столкнувшись с массовым сопротивлением населения введению гражданской метрикации⁴⁵, прекращению препо-

* Существовавшая в Российской империи и при Временном правительстве система церковной регистрации актов гражданского состояния была изменена в связи с принятием Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» («О свободе совести, церковных и религиозных обществах»). Регистрация браков, рождений и смертей, а также выдача свидетельств и выписок метрических книг были переданы созданным при местных органах управления отделам записи браков и рождений (записи актов гражданского состояния). Все церковные акты регистрации считались «незаконными».

давания Закона Божия в образовательных учреждениях и кампании по вскрытию мощей*, партийные лидеры осознали, что без сохранения в общественной практике церковно-религиозного института обойтись на тот момент невозможно, и избрали проверенный принцип «разделяй и властвуй».

Резюмируя анализ той роли, которую сыграла кампания по изъятию церковных ценностей в расколе Русской Православной церкви, следует подчеркнуть, что РПЦ уже к началу революционных потрясений 1917 г. находилась в состоянии кризиса. Внешне она представлялась внушительной силой, однако авторитет и влияние этой мощной организации оказались в значительной степени подорванными. С конца XIX в. в российском обществе, прежде всего в интеллигентской среде, наступает охлаждение к ценностям православной веры; антиклерикальные настроения проникают и в широкие народные массы. В первые годы советской власти в среде духовенства появились различные группировки, призывавшие к «революции в Церкви» и к «всестороннему обновлению». Кампания по изъятию церковных ценностей стала для советских властей удобным поводом спровоцировать полномасштабную «церковную революцию», поставить во главе РПЦ «удобных» для себя людей. В мае 1922 г. обновленцы самочинно взяли высшую церковную власть в свои руки. Вскоре после захвата власти с целью оформления своего движения обновленцы

* *Вскрытие мощей* – одна из первых организованных советской властью антирелигиозных кампаний. По учению Церкви, мощи – это тела почивших святых, которые должны почитаться, как и иконы. При этом нетленность не являлась обязательным условием, почитаться могли и костные останки. Но в России широко было распространено мнение, что мощи должны быть обязательно нетленными. Большевики же полагали, что это «один из способов одурачивания и обмана трудящихся масс», а потому этим самым «массам» нужно «своими собственными глазами и руками освидетельствовать мощи» и почитание их само собой исчезнет. К сожалению, в ряде монастырей и храмов создавалось искусственное подобие полного нетления мощей, когда отдельные, оставшиеся от святых кости, помещали в специально созданные «куклы», так что со стороны казалось, что тело святого полностью сохранилось. Естественно, что такие факты сразу использовались в атеистической пропаганде. Всего в 1918–1920 годах в 12 губерниях (Архангельской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Тамбовской, Тверской, Саратовской и Ярославской) были вскрыты 58 рак с мощами. «Результаты» акции были подведены в постановлении Народного комиссариата юстиции РСФСР от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей». Между тем исследователями отмечены и последующие вскрытия мощей, вписывающие в рамки этой «антирелигиозной войны». Так, самое позднее, вписывающееся по своему характеру в указанную кампанию, вскрытие мощей святой княгини Анны Кашинской проведено в конце 1929 – начале 1930-го годов.

созвали первый Всероссийский съезд, провели в Москве учредительное собрание и создали Высшее церковное управление. Для установления контроля на местах в епархии были направлены особые уполномоченные. В Чувашии борьба сторонников Патриарха Тихона и обновленцев приняла своеобразную форму консолидации местного духовенства по национальному признаку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). — М., 1996. — С. 53.

2. **Поспеловский Д. В.** Русская Православная Церковь в XX в. — М., 1995. — С. 35.

3. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). — 3-е изд., доп. — М., 2005. — С. 67—68.

4. **Бердяев Н. А.** Самопознание. — М., Харьков, 1998. — С. 386, 412.

5. Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. — М., 1980. — С. 205.

6. **Бабкин М. А.** Русская Православная Церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России: автореф. дис.... докт. ист. наук: 07.00.02. — М., 2007. — С. 32.

7. **Левитин А. Э., Шавров В. М.** Очерки по истории русской церковной смуты. — М., 1996. — Т. 1. — С. 37.

8. **Черкасов В.** Свобода церкви на началах соборности // Голос свободной церкви. — 1917. — 3 мая. — С. 1.

9. См.: **Шкаровский М. В.** Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. — СПб., 1995. — С. 59—60.

10. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р—123. Оп. 1. Д. 476. Л. 40.

11. **Плаксин Р. Ю.** Тихоновщина и ее крах. — Л., 1987. — С. 184.

12. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 589.

13. **Плаксин Р. Ю.** Указ. соч. — С. 184.

14. См.: **Поляков А. Г.** Церковно-государственные отношения в 1917 — середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Сыктывкар,

2007. — С. 18.

15. ГИА ЧР. Ф. Р—784. Оп. 2. Д. 183. Л. 7—7об.

16. Там же. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 174. Л. 12.

17. Там же. Д. 173. Л. 23.

18. Там же. Д. 183. Л. 22.

19. Там же. Д. 170. Л. 13—13об.

20. Там же. Ф. Р—7. Оп. 1. Д. 154. Л. 31.

21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф—2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1; Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. — М., Новосибирск, 1997. — С. 51.

22. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг.: в 2 кн. Кн. 1. — М., Новосибирск, 1997. — С. 121.

23. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 188.

24. **Шкаровский М. В.** Указ. соч. — С. 52—53.

25. **Титлинов Б. В.** Новая церковь. — Пг., М., 1923. — С. 55.

26. Архивы Кремля... Кн. 2. — С. 417.

27. **А.М.** [псевдоним] Среди духовенства // Трудовая газета. — 1922. — 17 ноября. — С. 3.

28. **Денисов П. В.** Религия и атеизм чувашского народа. — Чебоксары, 1972. — С. 296; Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П—1. Оп. 4. Д. 10. Л. 1.

29. ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 3. Д. 55. Л. 143об.

30. ГИА ЧР. Ф—350. Оп. 1. Д. 12. Л. 122.

31. Там же. Ф. Р—499. Оп. 2. Д. 4. Л. 28.

32. Там же. Ф. Р—784. Оп. 1. Д. 92. Л. 133—133об.

33. Чăваш лупĕсем вырăс лупĕсемпе сăпăсăссе [Чувашские попы с русскими попами дерутся] // Канаш. — 1924. — 2 апреля. — С. 3.

34. **Золотов Н. О** миссионерствующем профессоре и «апостольствующем» начальнике милиции // Красная Чувашия. — 1930. — 18 января. — С. 3.

35. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 291. Инв. № 6100-6104. Л. 150об.

36. **Александров Г. А.** Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. — 2-е изд. — Чебоксары, 2006. — С. 101—102.

37. ГАСИ ЧР. Ф. П—1. Оп. 5. Д. 25. Л. 89.

38. **Митрохин Н.** Русская православная церковь: современ-

ное состояние и актуальные проблемы. — М., 2004. — С. 226.

39. **Цыпин В.**, протоиерей. Обновленчество. Раскол и его предстория // Сети обновленного православия. — М., 1995. — С. 6, 10.

40. **Шкаровский М. В.** Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 10—17.

41. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

42. **Кравецкий А. Г.** Священный Собор 1917—1918 гг. о расстреле Николая II // Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. — 1995. — Вып. 1. — С. 113.

43. См.: **Макаров Ю. Н.** Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го — конец 1930-х годов): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. — СПб., 2007. — С. 17.

44. Программа церковных обновленцев. — М., 1924. — С. 2; Советская историческая энциклопедия. — М., 1967. — Т.10. — Стб. 396.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Голод 1921—1922 годов и кампания по изъятию церковных ценностей — это два взаимосвязанных события, в большей или меньшей степени затронувших все сферы жизни советского общества и коснувшихся каждого гражданина.

Обрушившееся на страну в 1921 г. бедствие не было первым катаклизмом подобного рода, однако оно оказалось одним из самых значительных по масштабам. К кризисной ситуации, спровоцировавшей трагедию, привели различные факторы: климатические, политические и экономические. Находясь в зоне «рискованного земледелия», Чувашский край сполна ощутил на себе влияние изменчивых погодных условий. К объективным, естественно-географическим причинам добавились субъективные: явления общественно-политического порядка. Руководство вновь образованной автономии хотело показать Москве, что область отдает все силы для разрешения продовольственного дефицита в стране, и это несмотря на затяжной кризис, переживаемый самой чувашской деревней. В результате проводимой продовольственной политики у местного крестьянства были изъятые все запасы продовольствия. При этом местные власти не информировали высшее советское руководство о нарастании напряженности, о катастрофической ситуации. В результате в Москве даже не было четкой картины распространения бедствия, и из Чувашской АО выкачивались значительные объемы сельскохозяйственной продукции даже тогда, когда уже повсюду свирепствовал голод.

Анализ места и роли трагедии начала 1920-х годов показывает, что неурожай и голод катастрофически отразились на местной экономике: в ряде селений опустело до 80% хозяйств, сельскохозяйственный инвентарь и скот массово вывозились в хлебобродные губернии, промышленность находилась в состоянии стагнации. Не вызывает сомнений сильное влияние пережитого «царя-голода» и на социальное развитие автономии. В частности, нельзя проигнорировать значения демографического фактора в динамике «голодных» и последующих лет. Вместе с тем в последние годы некоторыми исследователями были поставлены под сомнение ранее приводившиеся показатели смертности того периода. Так, В.М. Михайлов, убежденный в существовании «мифа о чрезмерных жертвах, понесенных населением Чувашии в

связи с голодом 1921—1922 гг.», посвятил свою статью «преодолению этой ошибки»¹. Определенный повод для таких дискуссий дают противоречивые данные источников. Разнятся — и разнятся значительно — даже приведенные официальные сведения: госинфсводки ГПУ зафиксировали 70 тыс. умерших от голода²; в местной прессе прошли сообщения о более чем 56 тыс. погибших к концу марта 1922 г.³ Однако последняя цифра, по данным Облпомгола, включала все случаи смертей в автономии, из которых «померших от голода» было только 22 тыс. человек⁴.

Как бы то ни было, потребовалось колоссальное напряжение всех ресурсов страны, чтобы преодолеть разразившуюся катастрофу. Два года напряженной работы созданных при ВЦИК специальных органов (Центральной комиссии помощи голодающим, а затем Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода) и их региональных подразделений позволили к середине 1923 г. выправить ситуацию. Так, в обзоре ГПУ о политическом и экономическом состоянии СССР за июль — первую половину сентября 1923 г. указывалось, что в Чувашской области «голод можно считать изжитым»⁵. Однако в официальном концепте борьба с голодом была завершена уже в 1922 г. «Со сбором нового урожая бывшие голодные районы вышли из полосы голода», «перелом в Поволжье наступил», — констатировал в мае 1922 г. нарком социального обеспечения А.Н. Винокуров⁶. Столь же одиозными были и утверждения советской исторической науки о быстром преодолении кризиса. В «Кратком курсе истории ВКП (б)» при рассмотрении событий первой половины 1920-х годов само слово «голод» даже не было названо — оно заменялось формулировками «неурожай» и «недород». В результате оформилось целое исследовательское направление, утверждавшее, что «под мудрым руководством партии» уже в 1922 г. «успешно были ликвидированы последствия постигшего страну недорода»⁷. Более того, в советских энциклопедических изданиях, резюмировавших итоги научных исследований, подчеркивалась мысль, что «катастрофическая (выделено нами. — Ф.К.) засуха 1921 года благодаря эффективным мерам Советского государства не повлекла за собой обычных тяжелых последствий (выделено нами. — Ф.К.)»⁸. Аналогичная апологетика роли государства характерна и для ряда современных авторов. Например, по мнению Т.В. Ефериной, выпутаться из крайне сложной ситуации позволили только жесткий государственный контроль, мобилизация средств и система перераспределения ресурсов⁹.

Конечно, нельзя не признавать значительную роль государства в преодолении кризиса и его трагических последствий. Однако нельзя не обратить внимания и на другую историческую данность. В критических условиях, когда важна была любая помощь, общественные инициативы — даже первоначально санкционированные властью — быстро и жестко пресекались. Так, практически одновременно с правительственной структурой возник «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим», объединивший усилия небольшевистских политических сил, представителей научных кругов и творческой интеллигенции. Однако 27 августа 1921 г. члены комитета были задержаны по обвинению в «широкой подпольной работе к захвату власти в момент неизбежного падения большевиков в результате голода». Оценивая итоги деятельности ВКПГ, следует отметить, что просуществовал он всего несколько недель, однако во многом благодаря усилиям его членов были заложены основы помощи мировой общественности голодающим регионам России, налажены контакты с зарубежными благотворительными организациями.

Советская власть вынуждено допустила участие иностранных организаций в борьбу с голодом 1921—1922 годов. Несмотря на то, что усилия международных организаций спасли от смерти миллионы человек, «благодарностью» за оказанную помощь стала оценка деятельности АРА, МФТЮ и других организаций не иначе как «вражеской, контрреволюционной, основанной на вмешательстве во внутренние дела советского государства». Характерным явлением было обвинение сотрудников международных организаций в шпионаже, спекуляции, попытках, используя голод, по дешевке закупать в России предметы антиквариата, произведения искусства, драгоценности и т.п. Это клише прочно закрепилось в трудах советских и ряда современных историков.

Первые известия об обрушившемся на страну бедствии вызвали широкое движение помощи голодающим со стороны Русской Православной церкви. Однако внутри партийного руководства страны не было единого мнения о допустимости использования в складывающихся экстремальных условиях помощи религиозных организаций. И в итоге возобладала позиция Л.Д. Троцкого и его сторонников на использование бедствия как очередного акта наступления на Церковь. Несмотря на весь трагизм ситуации, борьба с голодом партийными лидерами была разыграна как карта для укрепления дисциплины в собствен-

ных рядах, усиления влияния партии на местах и активизации антирелигиозной кампании. Более того, продовольственную катастрофу в стране Л.Д. Троцкий сотоварищи предполагали использовать для разрешения усиливающихся финансово-экономических трудностей режима. Поэтому нет ничего удивительного в том, что параллельно с переговорами с Патриархом Тихоном о добровольном пожертвовании Церковью части храмовой утвари на нужды голодающих большевики вели выработку основных положений кампании по насильственному изъятию церковных ценностей. К тому времени советские органы управления уже накопили определенный опыт как по части общих конфискаций, так и по части «оптимизации» имущества религиозных организаций.

Издание Декрета об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих стало официальной отправной точкой для организации соответствующей работы в Чувашии, но само изъятие началось с почти полуторамесячной задержкой. Отчасти это объясняется провалом первого этапа кампании в Москве, отчасти — действиями местного руководства, не бросившегося организовывать сломя голову показательное изъятие. Довольно значительного временного отрезка относительного затишья местным властям хватило на детальную подготовку и проведение масштабной агитационной кампании. Собственно изъятие в автономии прошло в два этапа: сначала — в культовых учреждениях столицы автономии и уездных центров, затем — в церквях в сельской местности. Не получив четких директив о «церковных ценностях, не имеющих существенного значения для самого культа», местные власти изымали из храмов практически все металлические предметы богослужения. Немногим более трех месяцев понадобилось на проведение акции. В июле 1922 г. Комиссия по изъятию церковных ценностей в Чувашской АО самоликвидировалась.

Оценивая результаты проведенной кампании по изъятию церковных ценностей, следует принимать во внимание все наиболее значимые последствия этого процесса.

Сопоставление реально обеспеченных финансовых возможностей с прогнозно ожидавшимися результатами показывает провальность акции. По ожиданиям партийных лидеров, финансовые показатели изъятия должны были «обеспечить фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр)». Однако

даже дополнительные конфискации, проведенные без особой огласки в 1923 г., не позволили реально приблизиться к тем суммам, о которых думали и говорили идеологи и вдохновители кампании. Ожидания государственных и партийных лидеров на захват «колоссальных средств» Русской Православной церкви не оправдались. При этом декларируемое советской властью использование изъятых церковных ценностей на оказание продовольственной помощи голодающим не совсем соответствовало действительности. Главным экономическим вектором была глубоко прагматичная цель золотовалютного насыщения государственной казны. Лишь незначительная толика полученных финансовых средств пошла на удовлетворение потребностей населения в хлебе насущном.

Одним из негативных последствий кампании по изъятию церковных ценностей следует признать гибель памятников старины. Необходимо подчеркнуть главное: изъятие церковных ценностей нанесло непоправимый урон историко-культурному наследию страны, навсегда утратившей немало памятников культового искусства. Руководство и эксперты Главмузея старались доказать партии и правительству, что крайне нецелесообразно губить в ходе кампании по изъятию церковных ценностей предметы огромного художественного и исторического значения, однако попытки придать изымавшимся ценностям музейный статус в большинстве случаев игнорировались, а зачастую и жестко пресекались партийными и советскими руководителями самого высокого ранга. Как результат — в музейные коллекции попала незначительная (всего 1/170) часть уникальных предметов старины. Одной из причин следует назвать и тот факт, что далеко не всегда сотрудники местных музеев участвовали в оценке культурно-исторической ценности изымаемых предметов. Так, в Чувашской автономии музейщики определили культурно-историческую ценность культового имущества в основном чебоксарских церквей и практически не приняли участия в экспертных оценках значимости предметов, изымавшихся в уездах. Вместе с тем, нельзя не признать и того факта, что передача части — пусть и весьма малой! — изъятых ценностей в музеи спасла их от варварского уничтожения (превращения в лом, переплавки и т.п.).

Кампания, проводившаяся по принципу «надо изъять все самое ценное» и нередко сопровождавшаяся хамским поведением членов комиссий по изъятию, естественно провоцировала

реакцию духовенства и прихожан. Жесткие меры властей вызвали ответное сопротивление. Развернувшаяся кампания по изъятию церковных ценностей почти повсеместно сопровождалась вспышками антиправительственных выступлений. Степень сопротивления изъятию была различной: если в голодающем Поволжье экспроприация церковных ценностей прошла относительно спокойно, то в относительно благополучных центральных губерниях доходило до кровавых столкновений. Столкнувшись в ряде регионов с активным массовым противодействием, власти потребовали от рядовых исполнителей «не допускать бесчинств», однако сам процесс изъятия не останавливали, а вспышки народных выступлений жестко подавляли. При этом факты сопротивления священнослужителей и верующих изъятию церковных ценностей были незамедлительно использованы для начала очередной волны репрессий.

Кампания по изъятию церковных ценностей повлияла и на развитие ситуации внутри Русской Православной церкви, став для советских властей поводом спровоцировать полномасштабную «церковную революцию», поставить во главе РПЦ «нужных» и «удобных» для себя людей. В определенной мере способствовал этому и кризис, в котором уже длительное время пребывала Церковь. За оболочкой внешней благопристойности и незыблемости укрывались свои «революционные ветры» в головах части духовенства: как рядовые священники, так и некоторые епископы проявляли недовольство политикой Святейшего Синода и системой в целом. В немалой степени сказалось и охлаждение к ценностям православной веры: если в интеллигентской среде и ранее проявлялись антиклерикальные настроения, то с конца XIX в. они проникают и в широкие народные массы.

В первые годы советской власти в среде духовенства оформились различные группировки, призывавшие к «революции в Церкви» и к «всестороннему обновлению». Привлекая лояльное духовенство к агитации за изъятие церковных ценностей для борьбы с голодом, советские и партийные органы углубляли имевшийся раскол, провоцируя обновленцев на все более решительные действия. С санкции советских органов управления борцы за «новую Церковь» в мае 1922 г. самочинно взяли высшую церковную власть в свои руки. Для установления контроля на местах Высшим церковным управлением (обновленческим) в епархии были направлены особые уполномоченные. В Чувашии

противостояние «староцерковников» (сторонников Патриарха Тихона) и «живоцерковников» (обновленцев) осложнилось национальными противоречиями, стремлением части чувашского духовенства, поддержанным и рядом представителей местной интеллигенции, к созданию национальной религиозной организации. В отличие от «тихоновцев» обновленцы благосклонно отнеслись к идее создания самостоятельной чувашской структуры с епископом-чувашом во главе.

Оценивая итоги кампании по изъятию церковных ценностей в целом, следует констатировать следующие моменты. Провозглашенной целью была организации помощи населению голодающих регионов страны, однако за благородной и привлекательной вывеской укрывались чисто практические посылы. Акция стала очередным этапом наступления на Церковь. Государству удалось внести раскол в ряды духовенства, обеспечить поддержку своим действиям даже со стороны некоторых иерархов Русской Православной церкви и в течение нескольких последующих лет иметь своего рода «карманную» Православную церковь в лице Высшего церковного управления (обновленческого). Проведенная «оптимизация» культового имущества ослабила материальную базу лавр, монастырей и приходских церквей, многие из которых лишились даже необходимых для отправления церемоний предметов. Большевикам удалось, используя сопротивление духовенства и прихожан, путем репрессий (расстрелов, ссылок, тюремного заключения) «изъять» из общественной жизни часть наиболее активного «религиозного элемента». Борьба с голодом и изъятие церковных ценностей партийными лидерами были разыграны и как карты для укрепления дисциплины в собственных рядах и усиления влияния партии на местах. Вместе с тем цели, ради которых проводилась кампания по изъятию церковных ценностей, были достигнуты лишь частично. Так, аморфными, далекими от реальности оказались финансовые ожидания советских и партийных «боссов», разочарование им пришлось испытать и от реакции на проводимую акцию со стороны населения многих регионов. Полученный в ходе проведения кампании опыт — как позитивный, так и негативный — был в последующем использован властью для корректировки отдельных направлений своей политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: **Михайлов В. М.** Демографические последствия неурожая 1921 г. в Чувашской автономной области // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Выпуск IV. — Чебоксары, 2006. — С. 71—77.

2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000. — С. 606.

3. Чувашский край. — 1922. — 26 марта. — С. 1.

4. ГИА ЧР. Ф. Р.—263. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.

5. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 2. 1923—1929 гг. — М., 2000. — С. 139.

6. См.: **Винокуров А. Н.** Итоги голодной кампании // Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг. — М., 1922. — С. 8; **Он же.** Перелом в Поволжье наступил // Правда. — 1922. — 10 мая. — С. 1.

7. История ВКП (б). Краткий курс. — М., 1938. — С. 237, 248.

8. Большая советская энциклопедия. Т. 7. — М., 1972. — С. 32. — Стб. 83—84.

9. **Еферица Т. В.** Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX — конец XX вв.). — Саранск, 2003. — С. 110.

**Опись церковной утвари,
изъятой из Введенского кафедрального собора г. Чебоксар***

№	№ по каталогу		Название предмета	Что изымается	Вес
	общ.	глав.			
1	17	7	Икона выносная Знамения Божией Матери. Иконописная, в длину с рукоятью 1 ар[шин] 11 верш[ков]. На сей иконе серебр[яная] 84 пр[обы] риза чеканной работы с таковым же вызолоченным венцом весом 3½ ф[унта]. На задней стороне на сей иконе написан образ Св[ятого] Николая Чудотвор[ца].	Риза с венцом 84 пр[обы]	3 ф[унта] 9 з[олотников]
2	22	5	В первом ярусе иконостаса: на правой стороне икона Спасителя в длину 2 арш[ина] 5½ верш[ков], в ширину 1 арш[ин]. Писана на доске, живописная в позолоченной раме. На сей иконе серебр. без означения пробы венец позолоченный весом 22 зол[отника].	Венец без пробы	1 ф[унт] 11 зол[отников]
3	28	11	На левой стороне иконостаса в первом ярусе находится икона Успения Пр[есвятой] Богородицы, в длину 2 арш[ина] 5½ верш[ков], ширину 1 арш[ин]. Писана на доске, живописная, вставлена в позолоченную раму. На сей иконе шесть венцов серебр[яных]. Из них 4 вызолочены и 84 пр[обы]; во всех венцах весу 46 зол[отников]	6 Венцов сер[ебряных]	45 зол[отников]
4	32	15	Рядом с северною дверью к стене храма находится икона Св[ятого] Иоанна Крестителя Господня. Живописная, в длину 1 арш[ин] 5½ в[е]рш[ков], в ширину 1 арш[ин].	Венец без пробы	21 з[олотник]

* Из таблицы исключена графа «примечания» (не была заполнена). При воспроизведении сохранено оригинальное написание документа, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

			Вставлена в позолочен[ную] раму. На сей иконе серебр[яный] 84 пр[обы] венец вызолоченный, весом 30 зол[отников]		
5	69	2	В киот вставлена в позолочен[ную] с резьбою раму икона Успения Богоматери. Писана на доске, иконописной работы, в длину 1 ар[шин] 11½ верш[ков], ширину 1 ар[шин] 6 верш[ков]. На сей иконе серебр[яная] без означения пробы вызолоченная риза с 19ю серебр[янными] без пробы вызолочен[ными] же венцами, находящимися над ликами разных святых. Весу в сей ризе 21 ф[унт] 23 зол[отника]	Риза с венцами	20 ½ Фунтов
6	70	3	За левым клиросом точно такая же икона, что и за правым. В ней вставлена в позолоченной с резьбою раме икона Св[ятых] М[у]ч[еников] Бориса и Глеба. На доске, живописной работы, в длину 1 ар[шин] 11¼ верш[ков], в ширину 1 ар[шин] 5¼ верш[ков]. На ней медная посеребр[ренная] риза с тремя серебр[янными] без означения пробы чеканными венцами, в которых весу 1½ ф[унта]	3 Венца без пробы	1 ф[унт] 43 з[олотника]
7	76	9	Над средним входом в деревянном за стеклом киоте Нерукотворенный Образ Спасителя; на нем серебр[яный] без означения пробы венец весом 1½ ф[унта]	Венец Серебр[яный] без пробы	1 ф[унт] 84 з[олотника]
8	83	1	Лампада с одним местом серебряная вызолоч[енная] с прорезкою. Внутри вокруг лампы по краю вырезаны слова: «В память события 1816 г. Ноября 6 1896 г. Из жизни Андрея и Варвары Астраханцевых в Успенскую церковь г. Чебоксары от благодарных внучат». На трех цепочках серебр[яных] вызолоч[енных] с прорезкою крестов весом 1 ф[унт] 23 зол[отника]	Лампада с цеп[очками] серебр[янными] без пробы	1 ф[унт] 34 з[олотника]

9	84	2	Лампада с одним местом сер[ебряная] 84 пр[обы] с такими же четырьмя цепочками и одним колпачком. На сей лампаде резная надпись: «Свет Христов просвещает всех». Весом 13 з[олотников]	Лампада сер[ебряная] 84 пр[обы] с цепоч[ками]	43 зол[отника]
10	115	4	Над сею иконою* вставлена круглая писана на доске икона Богоявления Господня. На ней два сереб[ряных] венчика весом 5 золотников	2 Вен [чика] сер[ебряных] 1 – 85 пр[обы], 2 – без пр[обы]	60 зол[отников]
11	116	5	Икона в раме за стеклом Св[ятых] Благоверных князей Бориса и Глеба. Писана на доске, в длину 1 арш[ин] 11 в[ершков]. На ней медная посереб[ренная] риза с тремя сереб[ряными] без означения пробы венцами, в коих весу 47 з[олотников]		53 зол[отника]
12	120	9	На правом клиросе в раме за стеклом икона св[ятого] Николая Чудотворца. Писана на доске, в длину 1 арш[ин] 11 в[ершков], ширину 13½ верш[ков]. На ней медная посереб[ренная] риза с тремя сереб[ряными] 84 пр[обы] венчиками, в коих весу 41½ золотн[ик].	3 Венц[а], из коих 84 пр[обы] 2 и 1 без пр[обы]	47 зол[отников]
13	122	11	На левой стороне: в раме за стеклом икона Покрова Пр[есвятой] Богородицы, писана на доске, в длину 1 арш[ин] 10½ верш[ков], ширину 1 арш[ин] 4 верш[ка]. На ней медная посереб[ренная] риза с пятью посеребренными вызолоченными венчиками. Риза на Богоматери сереб[ренная] же вызолочен. Весу в венчиках и ризе 60 зол[отников]	5 вен[чиков]. Риза сер[ебряная] без пр[обы]	66 з[олотников]

* Так в тексте. По всей вероятности, в описи церковного имущества перед этой записью была еще одна, описывающая конкретную икону, не включенную в список изымаемого имущества.

14	124	13	Икона в раме за стеклом Св[ятого] Муч[еника] Иоанна Нового и Муч[еницы] Иулиании. Писана на доске, в длину 1 арш[ин] 11 в[ершков], в ширину 1 арш[ин] 2 в[ершка]. На ней медная посереб[ренная] риза с тремя серебр[яными] без означения пр[обы] вызолоченными венчиками	3 Венца Без Пробы	80 з[олотников]
15	126	14	В среди сей иконы вставлена икона Казанской Божией Матери. Писана на доске, в дл[ину] 7 верш[ков], ширину 5 1/3 верш[ков]. На ней риза серебр[яная] 84 проб[ы] с таким же вызолочен[ным] венцом весом 1 ф[унт] 36 зол[отников]. Пожертвована вдовой унтерофицерской женой Анной Евграфовой	Риза сер[еб]р[яная] 84 пр[обы] с поз[о]лото чен ным] венцом	1 ф[унт] 34 з[олотника]
16	119	2	Евангелие в лист на бумаге, обложено с обеих сторон фиолетовым бархатом. На лицевой стороне покрыто сплошь серебр[яной] 84 пр[обы] позолочен[ной] доскою, на которой посредине вычеканено изображение воскресшего из гроба Спасителя, а по углам изображения Евангелистов. На нижней доске посредине серебр[яное] без пр[обы] вызолочен[ное] изображение восьмиконечного креста с тростию и копием по сторонам, а по углам серебр[яные] поз[олоченные] изображен[ия] Св[ятых] Евангелистов. С одной застежкой. Печатано в Москве [в] 1862 г. В дл[ину] 10 верш[ков], шир[ину] 7 верш[ков]	6 Кус к[ов] сер[еб]р[яных] украш[е]ний от Еван гелистов]	1 ф[унт] 24 з[олотника]
17	221	4	Евангелие в одну четвертую часть листа на бумаге, обложено с обеих сторон темносин[им] бархатом. На лицевой стороне в середине серебр[яное] 84 пр[обы] позолочен[ное] изображен[ие] в круглом клейме	10 Кус к[ов] сер[еб]	15 зол[отников]

			воскресшего из гроба Спасителя, на углах сереб[ряные] 84 пр[обы] позол[оченные] изображения Св[ятых] Евангелист[ов]. На нижней доске посредине сереб[ряное] 84 пр[обы] позолочен[ное] изображение восьмиконечного креста с тростию и копием по сторонам, с четырьмя по углам сереб[ряными] 84 пр[обы] позолоч[енными] угольниками, с двумя застежками. Печатано в Москве [в] 1885 г. В длину 5 2/8 верш[ка], ширину 3 6/8 верш[ка]	ряных] украшен[ий] от Еванг[е] Лис[тов]	
18	223	1	Крест осьмиконечный сереб[ряный] без пр[обы] позолоченный с литым на середине изображением распятого Спасителя, на четырех концах его в круглых клеймах, объединенных вокруг прорезною сереб[ряной] сеткою, изображения: на правом – Богоматерь, на левом – Св[ятитель] Иоанн Богослов, на верхнем – Господь Саваоф, а на нижнем – орудия Страстей Христовых; на задней стороне – шесть гладких клейм. Весу в нем 1 ф[унт] 84 з[олотника] без всяких надписей на одном кресте	Крест осмикон[ечный] без пр[обы]	1 ф[унт] 85 з[олотников]
19	224	2	Крест осьмиконечный сереб[ряный] 84 пр[обы] позолочен[ный] с литым на лицевой стороне в середине изображением распятого Спасителя с чеканными по концам в круглых клеймах изображениями: на правом – Богоматери, на левом – Св[ятителя] Иоанна Богослова, и на верхнем – Господа Саваофа, а на задней стороне посредине гравированное изображение воскресшего Спасителя с гравированными же по концам в форме звезды клеймами; весу в оном 1 ф[унт] 52¼ зол[отника] без всякой надписи на оном кресте По-тир сереб[ряный] без пробы,	Крест осмико-неч[ный] 84 пр[обы]	1 ф[унт] 58 з[олотников]

20	228	1	весом 2 фунта 38 зол[отников], вокруг обложен в верхней части прорезною серебр[яною] сеткою с четырьмя в овальных клеймах под чернядью изображениями: а) Иисуса Христа, б) Божией Матери, в) Иоанна Крестителя и г) осьмиконечного креста с тростию и копием, с надписью по верхнему краю чаши слов: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите», на нижней части имеются четыре круглых с чернедью клейма с изображением орудий страстей Христовых	Потир сей без проб[ы]	2 ф[унта] 38 з[олотников]
21	229	2	При нем: дискос серебр[яный] без пробы вызолоченный весом 1 ф[унт] 3 зол[отника] с изображением на оном в середине купели с предвечным младенцем, а по сторонам двух ангелов; на краю надпись слов: «Се агнец Божий взяв- ляй грехи мира»	Дискос серебр[яный] без проб[ы]	1 ф[унт] 4 зол[отника]
22	230	3	Звезда серебр[яная] без пробы позолочен[ная] весом 48 зол[отников] с надписью в середине слова «Богюя»*, по концам оной четыре херувима	Звезд[ица] сер[ебряная]	48 зол[отников]
23	231	4	Двe тарелочки: первая сер[ебряная] без пробы вызолочен[ная] весом 31½ зол[отника] на ней в середине изображение четырехконечного креста с распятым Спасителем с предстоящими по сторонам Богоматери с надписью по краю тарелочки слов: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, а»	1 тар[е- лочка] без проб[ы]	31 з[олотник]
24	232	5	Другая тарелочка такая же без пробы с изображением в середине Благовещения Пр[есвятой] Богородицы с надписью по краю слов: «Благовестуй земле радостью волю хвалите небеса»; весом тарелочка 34 з[олотника]	1 тар[е- лочка] сер[ебряная] без проб[ы]	34 з[олотника]
25	233	6	Лжица серебр[яная] без пробы, позолочен[ная], весом 15	Лжица сер[еб]	15 з[олот]

* Так в тексте

			зол[отников] с гравированным с одного конца изображением осьмиконечного креста с тростию и копием, а с другого конца вырезан маленький четырехконечный крестик с гравированными около сего крестика буквами У и И	ряная]	ников]
26	239	12	Лжица серебряная без пр[обы], позолоченная, весом 5 зол[отников] с изображением в одном конце восьмиконечного креста с копием и тростию по сторонам, а на другом конце вырезан маленький четырехконечный крест	Лжица сер[еб]ряная]	5 зол[отников]
27	249	1	Дарохранительница серебр[яная] 84 пр[обы] позолочен[ная], весом 2 ф[унта] 43 зол[отника], с тремя витыми позолочен[ными] колоннами, между которыми в середине сер[еб]ряный позол[оченный] ковчежец в виде стола с крышкою верху и с изображением на оном с лицевой стороны положения Иисуса Христа во гроб; на оном – гробница на ножках с крышкою вверху с изображением на оной крышке лежащего Спасителя; по сторонам литые изображения – с рапидами в руках два ангела; над колоннами с лицевой стороны литое изображение благословляющего Спасителя с двумя по сторонам литыми изображениями двух ангелов [с] преклоненными отчасти главами, в самом верху в круглом клейме окруженное сиянием изображение воскресшего из гроба Спасителя	Даро хр[а]нительница], ковчег и гроб [ница] С Крышкою сер[еб]ряной]	2 ф[унта] 43 з[олотника]
28	252	1	Кадило серебряное большое без пробы весом 2 ф[унта] 15 зол[отников] на трех ножках с тремя серебр[янными] без пробы цепочками, с тремя чеканными изображениями херувимов на самом кадиле и тремя такими же изображениями на крышке кадила, на верху крышки серебр[яный] без пробы четырехконечн[ый] крест	Кадило серебр[ян]ное] без пробы с цепочкой сер[еб]ряной]	1 ф[унт] 86 з[олотников]

29	253	2	Кадило среднее серебр[яное] 84 пр[обы] весом 1 ф[унт] 16 зол[отников] с такими же серебр[яными] цепями; на крышке кадила восьмиконечный крест	Кадило сер[еб]ряное 84 п[робы]	1 ф[унт] 3 з[олотника]
30	300	6	Ковшичек для теплоты сер[еб]ряный 84 пр[обы] позолочен[ный] весом 17½ зол[отников] на рукояти с изображен[ием] в сиянии восьми-конечного креста; по наружной стороне ковшичка вырезаны слова: «Теплота веры исполн[ится] Духа Святого»	Ковши ч[ек] сер[еб]ряный]	21 зол[отник]
31	нет свед.	нет свед.	Один нагрудный серебряный крест 84 пр[обы] с цепочкою и один маленький крест 84 пр[обы] весом 1 ф[унт] 2 зол[отника]	1 крест сер[еб]ряный с цепоч[кою] и 1 мал[енький] крес[т]	1 ф[унт] 2 з[олотника]
32	нет свед.	нет свед.	Один венец сереб[ряный] без пробы весом 11 зол[отников]	Венец сер[еб]ряный]	11 з[олотников]

Таблица составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 181. Л. 10—12.

**Опись ценностей,
не оказавшихся при изъятии во Введенском кафедральном
соборе г. Чебоксар***

№	№ по каталогу		Название предмета	Примечание
	общ.	глав.		
1	5	1	Над горним местом нерукотворен[ный] образ Христа Спасителя. На нем венец и оклад серебр[яный] под золотом без пр[обы]. Весу в их 59 з[олотников]. Образ дл[иной] 8 в[ершков], а шир[иной] 7 в[ершков].	Нет, а вместо этой иконы имеется с бел[ой] жести окладом такая же икона
7	29	2	Подле двери икона Благовещ[ения] Пр[есвятой] Б[огородицы]. На Богоматери и Архангеле венцы сер[ебряные] чеканные, в коих весу 24½ зол[отника].	венчиков не имеется
13	62	1	Запрестольная икона Спасителя. Мерию в дл[ину] 6½ верш[ков], шир[иной] 5½ в[ершков]. Риза и венец на сей иконе серебр[яные] позлащен[ные] 84 пробы. Весу в ней 95 з[олотников].	нет, никто не знает где
42	200	26	Икона Св[ятого] М[у]ч[еника] Харлампия. На нем и на Спасителе риза серебрян[ые] под золотом. Весу 20 з[олотников] без пробы.	нет, никто не знает где
46	213	26	Икона Покрова Пр[есвятой] Б[огородицы]. Серебр[яная] риза 84 пр[обы]. Дл[иной] 7 верш[ков], шир[иной] 5 верш[ков].	нет, никто не знает где

Таблица составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 176. Л. 4.

* Из таблицы исключены графы «что изымалось» (не была заполнена) и «вес» (отдельная графа не была заполнена, данные указывались вместе с описанием культового предмета). При воспроизведении сохранено оригинальное написание документа, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

**Список лиц, арестованных в марте-апреле 1922 г.
за агитацию против изъятия церковных ценностей**

№ п.п.	Фамилия, имя, отчество	Место работы, должность	Дата ареста	Освобожден/приговорен	Примечание
1	2	3	4	5	6
1	Бельский Георгий Петрович	Председатель правления почтово-телеграфных служащих	27.03.1922	Освобожден 30.03.1922	
2	Васильев Александр Васильевич	Заведующий подотделом музеев областного отдела народного образования	10.04.1922		
3	Воинов Евгений Васильевич	Священник Порховской церкви г. Чебоксар, делопроизводитель областного управления здравоохранения	27.03.1922	Освобожден 30.03.1922	
4	Галахов Николай Яковлевич	Инструктор отдела Чебоксарского кредитного союза	27.03.1922	Приговорен к высшей мере наказания (расстрелу)	Постановлением ВЦИК расстрел заменен на 10 лет принудительных работ
5	Емельянова Мария Петровна	Счетовод советской аптеки	27.03.1922	Освобождена 30.03.1922	
6	Кусакин Михаил Евграфович	Управляющий финансово-счетного отдела Областного продовольственного комитета	27.03.1922	Оправдан судом Революционного трибунала Чувашской АО	

Приложение 3
(окончание)

1	2	3	4	5	6
7	Мочалов Андрей Ионович	Церковный ста- роста Введен- ского собора г. Чебоксар	10.04.1922		Других сведе- ний нет
8	Пономарев Василий Федорович	Секретарь раб- фака, псалом- щик Введенско- го собора г. Чебоксар	10.04.1922		Других сведе- ний нет
9	Попов Иван Филиппо- вич	Церковный ста- роста Воскресен- ской церкви г. Чебоксар	03.03.1922	Приговорен к 2 годам ли- шения свобо- ды	
10	Смоленков Гавриил Федорович	Кузнец	03.04.1922	Приговорен к 2 годам принуди- тельных ра- бот условно	
11	Соловьев Александр Александрович	С в я щ е н н и к Воскресенской церкви г. Чебоксар, благочин- ный Чебоксар- ского округа	27.03.1922	Приговорен к высшей мере наказа- ния (рас- стрелу)	Поста- новлени- ем ВЦИК расстрел заменен на 5 лет лишения свобо-ды
12	Старостин Тимофей Иванович	крестьянин д. Кошкино Чебоксар- ского уезда и волости	15.04.1922	Приговорен к 3 годам ли- шения свобо- ды	Освобожд- лся из за к л ю - чения на в р е м я п а х о т - ных ра- бот
13	Таврин Михаил Ва- сильевич	«гражданин г. Чебоксары»	27.03.1922	Освобожден 30.03.1922	
14	Яковлева Екатерина Вонифа- тьевна	Кассир Чуваш- топа	03.04.1922	Приговорена к 2 годам принуди- тельных ра- бот условно	

Таблица составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р—22. Оп. 1. Д. 235. Л. 45, 75—76; Ф. Р—125. Оп. 2. Д. 183. Л. 9—9об; Ф. Р—2669. Оп. 3. Д. 4560. Л. 152, 192—196, 237, 252.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации

Ф. Р—1065. Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском Центральном исполнительном комитете

Ф. Р—1235. Всероссийский Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. А—2307. Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР

Российский государственный архив социально-политической истории

Ф—2. Личный фонд В.И. Ульянова-Ленина

Ф—17. Центральный комитет КПСС

Государственный исторический архив Чувашской Республики

Ф—350. Личный фонд Д.Ф. Филимонова

Ф. Р—4. Чебоксарская уездная Комиссия по борьбе с последствиями голода

Ф. Р—5. Отдел социального обеспечения исполнительного комитета Советов Чувашской автономной области

Ф. Р—7. Исполнительный комитет Чебоксарского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—22. Административный отдел Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области.

Ф. Р—65. Чебоксарский уездный коммунальный отдел

Ф. Р—76. Цивильский уездный совет народного хозяйства

Ф. Р—96. Отдел управления исполкома Чебоксарского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—100. Канашское бюро Комиссии помощи голодающим Чувашской автономной области

Ф. Р—106. Исполнительный комитет Аликовского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—109. Чебоксарский уездный продовольственный комитет

Ф. Р—122. Исполнительный комитет Акрамовского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—123. Отдел народного образования Исполнительного комитета Советов Чувашской автономной области

Ф. Р—125. Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области

Ф. Р—145. Ядринская уездная Комиссия по борьбе с последствиями голода

Ф. Р—152. Отдел управления исполнительного комитета Цивильского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—157. Цивильский уездный финансовый отдел

Ф. Р—161. Областная Комиссия по борьбе с последствия голода в Чувашской автономной области

Ф. Р—194. Исполнительный комитет Цивильского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—195. Алатырская уездная Комиссия по борьбе с последствиями голода

Ф. Р—238. Исполнительный комитет Ядринского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—244. Исполнительный комитет Алатырского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—262. Цивильская уездная Комиссия по борьбе с последствиями голода

Ф. Р—263. Цивильский уездный продовольственный комитет

Ф. Р—300. Исполнительный комитет Алатырского городского Совета депутатов трудящихся

Ф. Р—389. Ядринский уездный продовольственный комитет

Ф. Р—499. Чувашский отдел при Народном комиссариате

по делам национальностей РСФСР

Ф. Р—611. Исполнительный комитет Батыревского (Ибресинского) уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—679. Исполнительный комитет Мариинско-Посадского городского Совета депутатов трудящихся

Ф. Р—687. Областной лесной комитет Чувашской автономной области

Ф. Р—711. Алатырский уездный совет народного хозяйства

Ф. Р—784. Народный комиссариат внутренних дел Чувашской АССР

Ф. Р—787. Вурнарская база Комиссии помощи голодающим Чувашской автономной области

Ф. Р—1610. Отдел управления исполнительного комитета Батыревского (Ибресинского) уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р—2669. Народный комиссариат государственной безопасности Чувашской АССР

Государственный архив современной истории Чувашской Республики

Ф. П—1. Чувашский республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР

Ф. П—9. Цивильский уездный комитет ВКП (б)

Научный архив

Чувашского государственного института гуманитарных наук

Отдел I. Общий отдел

Отдел II. История и археология

Государственный архив Республики Марий Эл

Ф. Р—23. Революционный комитет Марийской автономной области

Ф. Р—111. Петриковский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Краснококшайского кантона Марийской автономной области и его исполнительный комитет

Ф. Р—238. Отдел управления исполнительного комитета

Козьмодемьянского кантонного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Марийской автономной области

Национальный архив Республики Татарстан

Ф. Р—4470. Центральная комиссия помощи голодающим при Центральном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР

Центральный государственный архив историкополитической документации Республики Татарстан

Ф—15. Татарский республиканский комитет (реском)

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

Ф—16. Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР

Центральный архив Нижегородской области

Ф. Р—982. Государственная сберегательная касса № 93 при Нижегородской конторе Народного банка РСФСР

Государственный архив Ульяновской области

Ф. Р—200. Симбирский (Ульяновский) губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Государственный архив Новгородской области

Ф. Р—121. Филиппогорский волостной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Демянского уезда Новгородской губернии

Ф. Р—822. Новгородский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / сост. М.Е. Губонин. — М., 1994.

Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. — М., 1980.

Александров В. Н. В борьбе с последствиями неурожая 1921 года в Чувашии (Воспоминания). — Чебоксары, 1960.

Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг.: в 2 кн. / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. — М., Новосибирск, 1997.

Астафьев В. Где-то гремит война. — М., 1975.

Беляков А. Юность вождя: воспоминания современника В. И. Ленина. — М., 1958.

Бердяев Н. А. Самопознание. — М., Харьков, 1998.

Бухман К. Голод 1921 года и деятельность иностранных организаций // Вестник статистики. — 1923. — Книга XIV. — № 4—6. — С. 87—113.

Горев М. Церковные богатства и голод в России. — М., 1922.

Двенадцатый съезд РКП (б). 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — М., 1968.

IX съезд Советов. Стенографический отчет. — М., 1922.

Декреты Советской власти: Т. XVII. Июль 1921 г. — М., 2006.

Ефимов И. Е. В первые годы Чувашской автономии. — Чебоксары, 1964.

Ингулов С. Голод в цифрах. — М., 1922.

История ВКП (б). Краткий курс. — М., 1938.

Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг.: сб. статей и отчетов. — М., 1922.

Калинин М. И. Избранные произведения: в 4 т. Т. 1. — М., 1960.

Кондратьев Н. Д. Особое мнение: избранные произведения в 2 кн. — М., 1993.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 8-е изд. — М., 1970. — Т. 2.

Коричнев С. А. Первые шаги (воспоминания о первых шагах советской власти в Чувашии). — Чебоксары, 1969.

Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии: сб. документов / сост. Е.В. Касимов. — Чебоксары, 2009.

Лаптев Д. К. Революцией призванные (Из воспоминаний красногвардейца). — Чебоксары, 1969.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 54. — 5-е изд. — М., 1965.

Ленин и Чувашия. Документы, материалы, воспоминания. — Чебоксары, 1980.

Лесное хозяйство Чувашии: два века в датах, событиях, фак-

тах и цифрах (1798—1998). — Чебоксары, 1998.

Мариенгоф А. Б. Циники. — М., 1990.

Орлов Ф. Н. Огненные рейсы «Голубой двойки». — Чебоксары, 1982.

Осоргин М. А. Времена. — М., 1989.

Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской области за время со II по III областной съезд Советов (июль 1921 г. — ноябрь 1922 г.). — Чебоксары, 1922.

Отчет Чувашского областного экономического совещания Совету Труда и Обороны. Октябрь 1921 г. — март 1922 г. — Чебоксары, 1922.

Письмо В.И. Ленина Л.Д. Троцкому для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. / публ. подготовлена Ю. Ахапкиным, И. Китаевым, В. Степановым // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 190—195.

Программа церковных обновленцев. — М., 1924.

Сабашников М. В. Записки. — М., 1995.

Сеспель М. Собрание сочинений. — Чебоксары, 1959.

Собрание кодексов РСФСР: официальное издание. — 3-е изд. — М., 1925.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным комиссариатом юстиции (СУ РСФСР). Отдел первый. — М., 1918—1922.

Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 1. 1918—1922 гг. — М., 2000.

Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Т. 2. 1923—1929 гг. — М., 2000.

Справочник партийного работника. — Вып. 2. — М., 1922.

Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Т. 1. 1917—1922 гг. — М., 1959.

Титлинов Б. В. Новая церковь. — Пг., М., 1923.

Хлебные цены и хлебный рынок / под ред. А.Л. Вайнштейна. — М., 1925. — (Труды Конъюнктурного ин-та).

Хозяйственное строительство Чувашской автономной области. — Чебоксары, 1921.

Штрихи о голоде. — Чебоксары, 1922.

Шульгин В. Наши дети в Чехословакии // Народное просвещение. — 1922. — № 102. — С. 14—15.

Ярославский Е. М. Против религии и церкви: в 3 т. Т. 1. — М., 1932.

III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Беднота. Издание ЦК РКП (б). — 1921 г.

Голос свободной церкви. Орган православного клира и мирян Рязанской епархии. — 1917 г.

Известия ВЦИК. Орган ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. — 1922 г.

Известия. Орган облисполкома, Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей и обкома РКП (б) Чувашской АО. — 1921—1922 гг.

Известия Всетатарского ЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, областного комитета РКП (б) и Казанского Совета рабочих и крестьянских депутатов. — 1922 г.

Известия Самарского губернского союза потребительских обществ. — 1921 г.

Канаш. Орган Революционного комитета Автономной Чувашской Области и Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей. — 1922, 1924 гг.

Красная Чувашия. Орган Чувашского обкома ВКП (б) и ЦИКа Чувашской АССР. — 1930 г.

Красный вестник. Орган Цивильского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уездного комитета РКП (б). — 1921 г.

Правда. Орган Центрального комитета и Московского комитета РКП (б). — 1921—1922 гг.

Трудовая газета. Орган Алатырского уездного комитета РКП (б). — 1922 г.

Херле Урал (Красный Урал). Орган чувашских подотделов Уфимского губернского комитета РКП (б) и исполнительного комитета Уфимского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. — 1921 г.

Чувашский край. Орган Обкома РКП (б) и облисполкома Чувашской автономной области. — 1922 г.

IV. ЛИТЕРАТУРА

Александров Г. А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. — 2-е изд. — Чебоксары, 2006.

Александров Е. Жертвою пали... // Независимая газета. — 1992. — 16 апреля.

Алексеев А. В. Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. — 1990. — № 10. — С. 93—104.

Аншакова Ю. Ю. Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921—1922 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2007. — Т. 9. — № 2. — С. 382—391.

Бабкин М. А. Русская Православная Церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. — М., 2007.

Большая советская энциклопедия. Т. 7. — М., 1972.

Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., СПб., 2000.

Бородкин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. — 1993. — № 5. — С. 124—143.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. — М., 1994.

Говорова И. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2006.

Городничий Н. Ф. Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. — 1968. — № 12. — С. 47—58.

Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). — М., 1996.

Губкин О. Русская православная церковь под игом богоробоческой власти в период с 1917 по 1941 годы // Богослов: Научный богословский журнал: [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/246503/index.html>

Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. — Чебоксары, 1972.

Димитриев В. Д. К истории сельского хозяйства и крестьянства Советской Чувашии в годы гражданской войны // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. — Чебоксары, 1983. — С. 34—57.

Димитриев В. Д. Помощь советского государства и русского народа трудящимся Чувашии по борьбе с голодом 1921—1922 гг. // Записки ЧНИИ. Выпуск IV. — Чебоксары, 1950. — С. 3—49.

Доброновская А. П. Религиозная жизнь населения Приени-

сейского региона на переломе эпох (1905—1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Красноярск, 2007.

Елизаров Г. Е. Незабываемое. — Саратов, 1962.

Ерошкин Ю. В. Церковная жизнь в Краснококшайске—Йошкар-Оле в 1920—1930-е годы и марийское викариатство // Навсегда у меня в сердце ты... 425 лет городу Йошкар-Оле: сб. очерков о столице Республики Марий Эл. — Йошкар-Ола, 2009. — С. 45—52.

Еферица Т. В. Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX — конец XX вв.). — Саранск, 2003.

Игошин Д. Н. Некоторые стереотипы крестьянского сознания периода продовольственного кризиса весны — лета 1918 года (на материалах Среднего Поволжья) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. А.Г. Иванов. — Йошкар-Ола, 2002. — С. 291—294.

Ильин Ю. А. Март 1922 г.: церковь, власть, общество (светский взгляд на события 13—15 марта в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии) // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2008. — № 3. — С. 47—74.

История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917—1945. — Чебоксары, 2001.

Кнурова В. А. Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921—1922 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Астрахань, 2007.

Козлов В. Ф. Свидетельствуют документы (Об изъятии церковных ценностей) // Журнал Московской Патриархии. — 1993. — № 9. — С. 47—52.

Козлов Ф. Н. Посол доброй воли // Чебоксарские новости. — 2009. — 27 октября.

Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. — М., 2008.

Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы международной конференции. — М., 1996. — С. 115—118.

Кравецкий А. Г. Священный Собор 1917—1918 гг. о расстреле Николая II // Ученые записки Российского православного университета апостола Иоанна Богослова. — 1995. — Вып. 1. —

Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го — конец 1930-х годов). — Волгоград, 1997.

Краткая чувашская энциклопедия. — Чебоксары, 2001.

Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>.

Кристкалн А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997.

Кротов Я. Г. История изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг. // Библиотека Якова Кротова: [сайт]. URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/chern/1922_izyatie.htm

Кудряшов Г. Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. — Чебоксары, 1961.

Кутергина Ю. В. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви в 1918—1925 гг. во Владимирской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Иваново, 2008.

Левитин А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. — М., 1996.

Лёвин О. Ю. Курс лекций по истории Тамбовской епархии, прочитанный в Тамбовской духовной семинарии в 2003—2006 гг. // <http://www.tambovdoc.ru/lektcii-po-istorii-eparhii/18-vskryitie-svyatyih-moschey-i-izyatie-tserkovnyih-tsennostey.php>

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. — Казань, 1995.

Лукашова О. М. Советская страна в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Образование СССР (1921—25 гг.). — М., 1952.

Макаров В. Г., Христофоров В. С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. — 2006. — № 3. — С. 198—205.

Макаров В., Христофоров В. Гангстеры и филантропы: АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. — 2006. — № 8. — С. 79—85.

Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го — конец 1930-х годов): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. —

СПб., 2007.

Максимов Л. В. В те голодные годы // Чебоксарские новости. — 2008. — 11 ноября.

Минеева Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920—1930-е годы). — Чебоксары, 2009.

Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М., 2004.

Михайлов В. М. Демографические последствия неурожая 1921 г. в Чувашской автономной области // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Выпуск IV. — Чебоксары, 2006. — С. 71—77.

Мокиенко В. М. Словарь бранной лексики: Матизмы. Обсценизмы. Эвфемизмы. — Berlin, 1995.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — М., 2005.

Николаев Г. А. Продовольственное положение Чувашии в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии периода капитализма. — Чебоксары, 1986. — С. 48—68.

Мордвинова А. И. Деятельность Комиссии по изъятию церковных ценностей в 1920-е годы в Чувашии // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. — Чебоксары, 2005. — С. 162—169.

Орлов В. В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия // Отечественная история. — 2008. — № 1. — С. 106—117.

Орлов В. В. Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е гг. XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. — Казань, 2009.

Осокина Е. А. Золото для индустриализации: «Торгсин». — М., 2009.

Очерки истории Марийской АССР (1917—1960) / отв. ред. А.В. Хлебников. — Йошкар-Ола, 1960.

Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть 1. — Чебоксары, 1989.

Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. — Чебоксары, 1974.

Петров И. Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. — Чебоксары, 1968.

Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. — Л., 1987.

Поляков А. Г. Церковно-государственные отношения в 1917 — середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Сыктывкар, 2007.

Поляков В. А. К вопросу о продолжительности первого советского голода в 1920-е годы: на материалах Поволжья // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. А.Г. Иванов. — Йошкар-Ола, 2002. — С. 328—334.

Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. — М., 1967.

Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. — М., 1975.

Портной И. Л. Провал антисоветской деятельности АРА на юге Украины (декабрь 1921 г. — июнь 1923 г.): дис. ... канд. ист. наук. — Одесса, 1955.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX в. — М., 1995.

Постернак О. П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920—1930-е гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. — М., 2006.

Православная энциклопедия. Русская Православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2000.

Роднов М. И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. — М., 2009.

Россия в борьбе с катастрофами: в 2 кн. Кн. 2. XX век — начало XXI века / под общ. ред. С.К. Шойгу. — М., 2007.

Румянцев Д. Русская Православная церковь в годы большевистских гонений 1918—1926 годов // Азбука веры: электронная православная энциклопедия: [сайт]. URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/kniznaya_polka/rumiancev/rumiancev_istoriya_russkaya_pravoslavnaya_cerkov_2-all.shtml

Руссков Д. С. К истории Чапанного восстания 1921 г. (по материалам Чебоксарского уезда) // Научно-информационный вестник докторантов, аспирантов, студентов ЧГПУ. — Чебоксары, 2008. — Т.1. — № 1 (11). — С. 109—113.

Сануков К. Н. Голод 1921—1922 годов в Марийской автоном-

ной области и американская помощь // Полемика: электронный журнал: [сайт]. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/06/san/>

Семина М. В. Кампания по изъятию церковных ценностей в Рязанской губернии (1922 г.) // Седмица.ru: сайт церковно-научного центра «Православная энциклопедия». URL: <http://www.sedmitza.ru/text/818101.html>

Сети обновленного православия. — М., 1995.

Советская историческая энциклопедия. — М., 1967. — Т.10.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. — М., 1990.

СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) / под ред. А.П. Кучкина. — М., 1955.

Стариков С. В., Левенштейн О. Г. Православные храмы и монастыри Марийского края. — Йошкар-Ола, 2001.

Стародубцев О. В. Русская Православная церковь и церковное искусство. 1917—1988 гг. // Православие.ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/iskusstvo.htm>

Терентьев А. И. Чебоксары и чебоксарцы. — Чебоксары, 1992.

Тишкина А. В. Причины голода 1921—1922 гг. в Среднем Поволжье // Исторические записки: межвузовский сб. науч. трудов. Выпуск 10. — Пенза, 2006. — С. 94—99.

Тополянский В. Репортаж о голоде 1921—1922 гг. // Новая газета (цветной выпуск). — 2008. — 21 ноября.

Тополянский В. Год 1921-й: наказание голодом // Континент: литературный, публицистический и религиозный журнал: сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/130/topo15.html>

Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). — М., 1960.

Трифонов И. Я. Раскол в русской православной церкви (1922—1925 гг.) // Вопросы истории. — 1972. — № 5. — С. 64—77.

Урядова А. В. Русская Православная церковь в Советской России в первой половине 1920-х гг. глазами эмигрантов // Российское объединение исследователей религии: [сайт]. URL: <http://www.rusoir.ru/print/04/23/>

Усманов Н. В. Оренбургское отделение АРА (1921—1923 гг.)

// Вопросы истории. — 2007. — № 12. — С. 111—116.

Ухъянкин С. П. Спасенные жизни (об участии народов Советской России в спасении детей Чувашии от голодной смерти в 1921—23 гг.). — Чебоксары, 1980.

Хайрутдинов Р. Р. В церквях и монастырях по возможности ничего не оставлять... (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Эхо веков. — 2006. — № 2. — С. 78—87.

Хлебников А. В. Образование и развитие советской автономии марийского народа. 1917—1929. — Йошкар-Ола, 1970.

Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991 / пер. с англ. П. Куценкова. — Смоленск, 2000.

Хрусталеv М. Ю. Русская Православная церковь в центре и на периферии в 1918—1930-х годах (на материалах Новгородской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Архангельск, 2004.

Чемерисский И. А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающих // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 10. — М., 1962. — С. 186—212.

Чемерисский И. А. Советская страна в борьбе с трудностями, вызванными неурожаем 1921 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1966.

Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / пер. с фр. — М., 1999.

Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999.

Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. — СПб., 1995.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). — 3-е изд., доп. — М., 2005.

СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ

Агитпроп ЦК РКП (б) — отдел агитации и пропаганды ЦК РКП (б)

АО — автономная область

АРА — Американская администрация помощи (европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне)

в., вв. — век, века

ВИК, волисполком — волостной исполнительный комитет

ВКПГ — Всероссийский общественный комитет помощи голодающим

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ВЦУ — Высшее церковное управление

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности

г. — город

г., гг. — год, годы

Главмузей — Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР

Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет при Наркомате просвещения РСФСР

Госинфсводка — государственная информационная сводка

Гохран — Государственное хранилище ценностей (Государственное хранилище драгоценных металлов и драгоценных камней) РСФСР

ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР

губком — губернский комитет РКП (б)

губфинотдел — финансовый отдел губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Д. — дело

д. — деревня

Деткомиссия — Комиссия по улучшению жизни детей

кантисполком — кантонный исполнительный комитет

КИЦЦ — Комиссия по изъятию церковных ценностей

ккал — килокалория, килокалорий

Коминтерн — Коммунистический интернационал

л. — лист

МАО — Марийская автономная область

Межрабпомгол — Международный комитет рабочей помощи голодающим

млн. — миллион, миллионов

МФТЮ — Международная федерация тред-юнионов

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия

Наркомпрос — Народный комиссариат по просвещению

Обком — областной комитет РКП (б)

Облсполком — исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области

Облпомгол (Помгол ЧАО) — Комиссия помощи голодающим Чувашской автономной области

Облпоследгол (Последгол ЧАО) — Комиссия по борьбе с последствиями голода в Чувашской автономной области

Облпродкомиссар — продовольственный комиссар Чувашской АО

ОБОНО — областной отдел народного образования

Обчека — областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

п. — пуд

питпункты — питательные пункты

Райлеском — районный лесной комитет

Раппод — русско-американский комитет помощи голодающим детям

Реввоенсовет (РВС) — Революционный военный совет

Ревком — Революционный комитет

РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РОСТА — Российское телеграфное агентство

РПЦ — Русская Православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

с. — село
Св. — святой, священный
СМИ — средства массовой информации
СНК РСФСР — Совет Народных Комиссаров РСФСР
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТССР, ТАССР (ТатССР) — Татарская АССР
Торгсин — Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР
тыс. — тысяча, тысяч
Уженотдел — отдел по работе среди женщин при уездном комитете РКП (б)
Уздрав — уездный отдел здравоохранения
Уком — уездный комитет РКП (б)
Укомпомгол — уездная комиссия (подкомиссия) помощи голодающим
УОНО — уездный отдел народного образования
Упомгол — уездная комиссия (подкомиссия) помощи голодающим
Усобес — уездный отдел социального обеспечения
ЦК Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК
ЦК Последгол — Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК
ЦК РКП (б) — Центральный комитет РКП (б)
ЧОН — части особого назначения

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГОЛОД 1921—1922 ГОДОВ В ЧУВАШИИ	
1.1. Причины голода 1921—1922 годов: дискуссии и оценки.....	7
1.2. Роль государственных и общественных организаций в оказании помощи голодающим.....	21
1.3. Помощь голодающим Чувашии со стороны иностранных организаций.....	36
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОВЕДЕНИЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
2.1. Деятельность Русской Православной церкви по оказанию помощи голодающим.....	59
2.2. Законодательная и идеологическая подготовка к изъятию церковных ценностей.....	64
2.3. Ход кампании по изъятию церковных ценностей в Чувашии.....	76
2.4. Результаты кампании по изъятию церковных ценностей: экономический аспект.....	85
2.5. Кампания по изъятию церковных ценностей как культурная трагедия.....	92
2.6. Сообщающиеся сосуды: сопротивление изъятию церковных ценностей и репрессии.....	99
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВЛИЯНИЕ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА РАСКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	146
БИБЛИОГРАФИЯ.....	157
СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ.....	171

ОТ АВТОРА	5
СЛАВА ПЕРВАЯ. ГОЛОД 1921—1922 ГОДОВ В ЧУВАШИИ	
1.1. Причины голода 1921—1922 годов: дискуссия в печати	7
1.2. Роль государственной и общественной организации в оказании помощи голодающим	21
1.3. Помощь голодающим Чувашии со стороны иностранных организаций	36
СЛАВА ВТОРАЯ. ПРОВЕДЕНИЕ РАБОТЫ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
2.1. Деятельность Русской Православной Церкви в период голода	53
2.2. Задачи и методы работы по изъятию церковных ценностей	64
2.3. Ход работы по изъятию церковных ценностей в Чувашии	76
2.4. Государственная монополия на изъятие церковных ценностей: «социальный аспект»	85
2.5. Компенсация изъятых церковных ценностей как культурный транзит	92
2.6. Заключение	99
В книге использованы фотодокументы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики	
СЛАВА ТРЕТЬЯ. ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
3.1. Выявление и изъятие церковных ценностей в Чувашии	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
ПРИЛОЖЕНИЯ	146
БИБЛИОГРАФИЯ	157
СПИСОК ССЫЛКИ	171

Дизайн обложки Н.Л.Лукиной

Компьютерная вёрстка Т.В. Евлентьевой

Подписано к печати 28.07. 2011г. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Cambria. Печать оперативная.

Физ. печ. л. 10,25+0,5. Тираж 500 экз. Заказ № 233.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В. «Новое Время».
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.

Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46. E-mail: newtime1@mail.ru.

Книга посвящена анализу событий сложного, трагичного периода в истории Чувашской автономии. Опираясь на значительный комплекс архивных документов и опубликованных источников того периода, автор вскрывает причины голода 1921–1922 годов, показывает роль государственных и общественных, в том числе иностранных, организаций в оказании помощи голодающим.

Внимание к событиям начала 1920-х годов приковано не только по причине разыгравшейся человеческой трагедии, но и в связи с резким обострением в этот период государственно-церковных отношений. Драматические события были использованы советской властью для проведения очередной атаки на Русскую Православную церковь. В монографии рассматриваются цели, подготовка, ход и результаты кампании по изъятию церковных ценностей, а также влияние этой акции на внутрицерковную жизнь.

Адресована специалистам-историкам, научным работникам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам и всем интересующимся вопросами региональной истории.